

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюменский государственный университет)
Фэвр-Дюпэвр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрещенных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Буройна С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ им. К. Э. Циолковского)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Saint Petersburg State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Oleg Pohalenkov</i> (Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Волкова Ю. С. Средства акцентности в политическом телеэфире: полевой аспект	5
Воронина Л. В. Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса	17
Малькова Я. В. К изучению семантико-мотивационных связей лексики со значением отвращения, неприязни	28
Подюков И. А. Словотворчество в прикамском частушечном фольклоре: механизмы и функции	37
Рожкова П. А. Рекламный сериал в печатных СМИ рубежа XIX–XX вв.: путешествия Дяди Михея в рекламе Товарищества «Лаферм»	46
Чжао Цзэхун. Эвфемизмы наименований профессий в русском и китайском языках	58
Чэнь Юйцюн. Об истории составления китайско-русских словарей в России и Китае	67
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	78
Банников К. В. Поль Клодель – читатель Библии	78
Герасименко М. В. Роман К. Лафорет «Ничто» как Bildungsroman? Жанровая специфика тременистского романа	86
Назарова Т. В. Функции живописной образности в прерафаэлитической балладе: на примере произведения А. Ч. Суинберна «Дочь короля»	96
Никулина А. К., Баранова Н. В. Художественный образ американского Среднего Запада в романах У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса как метафора человеческого существования	103
Проскурнин Б. М., Фирстова М. Ю. Французская революция как трагедия в английской литературе: переключки через столетие	113
Рыбин Т. В., Зуева Е. В. Феминизм «слабого мужчины»: феминистский дискурс в романе Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке»	129
Сунцова Е. А. К. Коровин – эмигрант: родной край в воспоминаниях художника	139

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Volkova Iu. S. Means of Emphasis in Political Television Discourse: the Core-Periphery Distinction	5
Voronina L. V. Persuasiveness of Political Discourse: Cognitive Mechanisms	17
Malkova Ya. V. On Studying Semantic and Motivational Connections of Vocabulary of Disgust and Dislike	28
Podyukov I. A. Word-Creation in Ditty (Chastushka) Folklore of the Kama River Area: Mechanisms and Functions	37
Rozhkova P. A. Advertising Series in the Print Media of the Turn of the 19 th and 20 th Centuries: Uncle Mikhey's Travels in Advertisements of the Laferm Association	46
Zhao Zehong. Euphemisms for Occupational Titles in the Russian and Chinese Languages.....	58
Chen Yuqiong. On the History of Compilation of Chinese-Russian Dictionaries in Russia and China	67
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	78
Bannikov K. V. Paul Claudel, a Reader of the Bible	78
Gerasimenko M. V. Laforet's 'Nada' as a Female Bildungsroman? The Genre Peculiarities of the Tremendist Novel	86
Nazarova T. V. The Functions of Pictorial Imagery in Pre-Raphaelite Ballads through the Example of A. C. Swinburne's 'The King's Daughter'	96
Nikulina A. K., Baranova N. V. The Artistic Image of the U.S. Midwest in the Novels by W. Gass and D. F. Wallace as a Metaphor of Human Existence	103
Proskurnin B. M., Firstova M. Yu. The French Revolution as a Tragedy in British Literature: a Talk over the Century	113
Rybin T. V., Zueva E. V. Feminism of a 'Weak Man': Feminist Discourse in the Novel 'In the Market for Murder' by T. E. Kinsey	129
Suntsova E. A. Konstantin Korovin, an Emigrant: The Native Land in the Artist's Memoirs	139

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-5-16

Средства акцентности в политическом телеэфире: полевой аспект

Юлия Сергеевна Волкова

соискатель кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. yu.wlkw@gmail.com

SPIN-код: 5399-4085

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4256-3229>

ResearcherID: D-6671-2019

Статья поступила в редакцию 08.12.2022

Одобрена после рецензирования 11.01.2023

Принята к публикации 18.01.2023

Информация для цитирования

Волкова Ю. С. Средства акцентности в политическом телеэфире: полевой аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-5-16

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования акцентуаторов (языковых, речевых и невербальных средств, выделяющих значимые, с точки зрения автора, фрагменты речи) в политическом телеэфире, а именно распределение средств акцентности в полевой структуре текстов. Место лингвистических единиц в составе поля обуславливается тем, насколько единица специализирована для осуществления смыслового акцента, и тем, насколько часто она употребляется в речи. С опорой на указанные критерии акцентуаторы были разделены на несколько групп: единицы, входящие в центр ядра категории, – выделительное и жестовое ударения; другие ядерные единицы, в меньшей степени специализированные для осуществления акцента, – лексико-семантическое выделение, вопросно-ответный ход, а также перформативы, инверсия, жест-эмблема «внимание», экспрессивная лексика; ядерные единицы, в значительной степени удаленные от центра ядра, – позиционно-лексические повторы, модальные частицы, наречия меры и степени; лингвистические единицы, входящие в ближнюю периферию, – вводные и вставные конструкции, иллюстративные жесты и некоторые другие; единицы, входящие в дальнюю периферию, – компаративы, паузы, междометия, некоторые структуры сложного предложения, а также сверхфразовых единств и др. В ходе исследования были выявлены существенные закономерности употребления средств акцентности: устойчивые особенности сочетаемости некоторых видов акцентуаторов, влияние на частоту употребления акцентуаторов функционально-смысловых типов речи личностных особенностей коммуникантов.

Ключевые слова: функциональная семантико-стилистическая категория; акцентность; политический дискурс; невербальная коммуникация; функциональная стилистика; сверхтекст; поликодовый текст.

Введение

Каждое политическое ток-шоу представляет собой сверхтекст. Он ориентирован на массовую аудиторию для трансляции тех или иных политико-идеологических смыслов, эксплицитно и имплицитно повторяющихся на протяжении те-

лепрограммы (или ее тематически обособленной части) и выделяемых из потока речи акцентирующими языковыми, речевыми и невербальными единицами (акцентуаторами). Под акцентуаторами мы понимаем единицы, которые выделяют значимые, с точки зрения автора текста, фраг-

менты речи и в ряде случаев выражают некоторые дополнительные смыслы для усиления этого выделения [Николаева 2022; Матвеева 2010; Иванова 1988 и др.].

Акцентуаторы выделяются, анализируются и структурируются нами по полевому принципу с опорой на теорию функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК). Вслед за М. Н. Кожиной, под ФССК мы понимаем «систему равноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т. е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [Стилистический... 2011: 573].

К настоящему времени изучен ряд категорий в тех или иных речевых разновидностях – диалогичности [Кожина 1986; Дускаева 1988], связности [Котурова 1974], оценочности [Пермякова 1997], гипотетичности [Кожина, Бедрина, Польшгалова 1989; Бедрина 1995; Кожина, Плюсина 1998], акцентности [Иванова 1988], ретроспекции, проспекции [Чиговская 2001] и др. В работах Т. М. Матвеевой осуществлено исследование функционирования категорий тематической цепочки текста, цепочки хода мысли, тональности, оценочности, темпоральности, локальности, композиции во всех макростилиях современного русского литературного языка [Матвеева 1990]. Позднее реализация указанных категории анализировалась в отдельных подстилях и жанрах речевых разновидностей [Ицкович 2021; Ширинкина 2022].

Следует отметить, что ФССК исследовались преимущественно на материале письменной речи, при этом, насколько нам известно, в рамках медийного дискурса телевизионная речь не изучалась под углом зрения реализации текстовых категорий. В теоретическом отношении важная особенность нашей работы заключается в том, что, обратившись к категории акцентности, мы рассматриваем не только языковые и речевые, но и невербальные средства, т.е. все лингвистические единицы, участвующие в осуществлении акцента.

Цель настоящей статьи – моделирование полевой структуры акцентуаторов в дискурсе политических телешоу.

Материалом работы послужили общественно-политические телепрограммы «Время покажет» на Первом канале, «Право голоса» на канале ТВЦ и «Место встречи» на канале НТВ, выходявшие в эфир с июля 2017 по декабрь 2019 г. Суммарный объем анализируемого материала составил 10 часов видеозаписи, объем вербаль-

ного корпуса (распечатки дискуссий в телеэфире) 60 000 словоупотреблений.

Полевая структура ФССК акцентности в телевизионных общественно-политических ток-шоу

1. Критерии отнесения лингвистических средств к ядру или периферии ФССК акцентности

В политических ток-шоу активно используются как вербальные, так и невербальные акцентуаторы [Волкова 2020]. Объектом нашего исследования, как уже отмечалось, являются все лингвистические единицы – языковые, речевые, а также невербальные – участвующие в осуществлении смыслового акцента.

В соответствии с теорией функциональных семантико-стилистических категорий [Кожина 2020], распределение элементов в полевой структуре категории определяется двумя факторами: семантическими особенностями лингвистической единицы (значимостью для выполнения коммуникативного задания) и частотой ее употребления в речи. В некоторых случаях учет как одного, так и другого фактора не приводит к согласованному решению о месте лингвистической единицы в полевой структуре изучаемой категории: лингвистические средства, семантически «специализированные» для осуществления акцента, могут характеризоваться невысокой частотой употребления, тогда как высокочастотные средства во многих случаях лишь косвенно или совместно с другими единицами участвуют в выделении тех или иных смысловых элементов высказывания. Поэтому критерием отнесенности лингвистической единицы к ядру или периферии категории является оценка исследователем ее вклада в акцентирование определенных смыслов в пределах всего изученного корпуса текстов.

Согласно этому критерию, в ядро ФССК акцентности входят:

– лингвистические средства, основная функция которых заключается в выделении значимой для автора сообщения информации и которые характеризуются в изучаемых текстах высокой частотой употребления;

– лингвистические средства, основная функция которых также заключается в выделении значимой для автора сообщения информации, но частота употребления которых не является высокой;

– акцентуаторы, семантически не специализированные для выделения значимой информации, но, несмотря на это, регулярно реализующие в контексте выделительно-усилительную функцию в единстве с другими средствами.

Что касается периферии поля, то к ней мы относим:

– контекстуальные акцентуаторы, используемые лишь эпизодически;

– лингвистические средства, которые не выражают значение выделения, но сопровождают выделение, выраженное иными средствами, усиливают его, придают ему дополнительные модальные оттенки.

Рассмотрим ядерные и периферийные акцентуаторы отдельно.

2. Ядро ФССК акцентности

Состав ядерных средств этой категории и частота их употребления представлены в табл. 1.

Как показал анализ, центр ядра ФССК акцентности составляют выделительное (логическое, эмфатическое) и жестовое (мануальное, мимическое) ударения, так как они наиболее специализированы для выделения значимой для автора сообщения информации и встречаются в политических ток-шоу с наибольшей частотой: соответственно 20 и 23 на 1000 словоупотреблений.

Важно отметить, что, в то время как назначенные выделительного (логического и эмфатического) ударения состоит именно в выделении в

высказывании одного из слов, которое, с точки зрения говорящего, выражает наиболее важную информацию, жестовые ударения, определяемые как движения лица и тела, «синхронные с актуальной речью и осуществляемые в одном с нею коммуникативном пространстве» [Крейдлин 2002: 118], совмещают в себе две функции: акцентирования какого-либо фрагмента речи и структурирования речевого потока.

Существенно, что выделительное и жестовое ударения обычно употребляются совместно, образуя некое акцентологическое единство, т. е. выделяющий определенное слово комплекс, который включает в себя изменение интонации, мимические движения и жесты. Например², при произнесении высказывания «Новичок» может синтезировать *любое* государство, потому что формула его известна как логическим, так и жестовым ударением (движением руки от себя) выделяется местоимение *любое*. В речевом фрагменте ...28 процентов потребителей *хотят* купить фермерскую продукцию выделение глагола *хотят* реализуется одновременно логическим ударением, резким движением ребром ладони вниз, небольшим наклоном корпуса вперед, поднятием бровей.

Таблица 1 / Table 1

Ядерные средства акцентности
Core means of emphasis

Средства акцентности	Средняя частота на 1000 словоупотреблений	Доля от общего числа употреблений всех ядерных акцентуаторов (в %)
Языковые средства		
Лексико-семантическое выделение, в том числе:	5	6,6
слова, входящие в состав перспективных конструкций	1	1,4
Инверсия	4	6,2
Наречия меры и степени	4	5,8
Некоторые модальные частицы	4	5,6
Часть экспрессивной лексики	3	4,5
Речевые средства		
Выделительное ударение, в том числе:	20	28,6
логическое ударение	17	23,6
эмфатическое ударение	4	4,9
Позиционно-лексический повтор	4	4,9
Вопросно-ответный ход	2	2,1
Перформативные высказывания	1	2,0
Невербальные средства		
Жестовое ударение, в том числе:	23	32,0
движения тела	16	23,1
мимические движения	6	8,9
Жест «внимание»	1	1,7
Итого	71¹	100

Более того, и выделительное, и жестовое ударения встречаются в речи в сочетании с другими вербальными и невербальными акцентуаторами. В частности, с этими ударениями регулярно сочетаются такие языковые и речевые средства акцентности, как лексико-семантическое выделение (*Я подчеркиваю, что английская сторона понимает, что это сделали не русские*), позиционно-лексический повтор (*...мы **вынуждены** реагировать, и мы будем **вынуждены** тратить деньги...*), наречия меры и степени (*система сейчас в **очень** серьезном кризисе...*), определительные и выделительно-ограничительные частицы (*Именно эта возможность ...; Варианта у нас было **всего** два...*), компаративы (*Это предложение **самое** грамотное*), выбор экспрессивного слова вместо нейтрального (*Можно взять и **угрóbить** собственную экономику*) и др.

Выделительное ударение нередко усиливается жестами-эмблемами (имеющими самостоятельное лексическое значение) и жестами-иллюстраторами (выделяющими какой-то речевой фрагмент коммуникации) (см. классификации [Efron 1941; Kendon 1981; Andersen 1999]). Так, в высказывании *Но часть другая, часть-то **хотéла** распада Союза* одновременно с произнесением выделяемого логическим ударением глагола *хотеть* производится акцентирующий жест-эмблема «внимание». В речевом фрагменте *США ведут по отношению к Европе такую же политику **равновесия** сил* логическим ударением выделено существительное *равновесие*, а иллюстрирующий его семантику жест (раскрытые ладони повернуты вниз, руки разводятся в стороны) распространяется на все всю синтагму *политику **равновесия** сил*.

Отметим, что, хотя выделительное и жестовое ударения регулярно встречаются в политических ток-шоу, их частота употребления может существенно варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей речи говорящего: встречается как речь, насыщенная логическими и эмфатическими ударениями, так и монотонная речь; как речь, сопровождаемая активной жестикуляцией, так и речь при почти статичном положении тела, рук.

Более удалены от центра акцентуаторы, включающие лексику с семантикой выделения и усиления, а именно лексико-семантическое выделение, вопросно-ответный ход и перформативы. Частота таких средств – 8.

Под лексико-семантическим выделением мы понимаем употребление таких слов и коммуникативных фрагментов [Гаспаров 1996], у которых функция выделения обусловлена самой семантикой этих единиц (например, *главный, ключевой, важно, приоритет, подчеркнуть, обра-*

тить внимание, ставить во главу угла) [Матвеева 2010]. Примечательно, что указанные лексические единицы регулярно используются в составе проспективных конструкций, которые сигнализируют о том, что непосредственно за ними последует значимая, с точки зрения говорящего, информация (*Обратите внимание: ...; И я подчеркиваю, что...; А сейчас я хотел бы сказать главную вещь...*).

Во многих случаях лексико-семантическое выделение сочетается с использованием наречий меры и степени (*крайне **важно**, очень **существенный**, достаточно **серьезный***). Морфологически лексико-семантическое выделение часто оформляется превосходной степенью имени прилагательного (*самый главный, важнейший, наиболее существенный*). Регулярно оно сопровождается логическим и жестовым ударениями (*...**главное**, что он **безопасен** для тебя*).

Нужно, кроме того, отметить, что глаголы, в предметно-логической семантике которых есть сема выделения, нередко используются в функции перформативов: *Я еще раз **подчеркиваю**, что наше вооружение и присутствие американцев имеют психологическое значение*.

Лексико-семантическое выделение тесно связано с вопросно-ответным ходом, который тоже явственно реализует функцию акцентирования. Так, вопрос, сопровождаемый ответом самого говорящего, активизирует внимание адресата и тем самым выделяет следующий за вопросом ответ. При этом ответ, входящий в состав вопросно-ответного хода, может подчеркиваться и многими другими средствами акцентности, а именно лексико-семантическим выделением, логическим ударением, повторами (как позиционно-лексическими, так и синтаксическими), модальными частицами. Как и в случае с логическим и жестовым ударением, многие средства акцентности, сопутствующие вопросно-ответному ходу, органично сочетаются между собой.

Так, в речевом фрагменте

*Что для него **самое главное**? Самое главное для него – американские интересы, **внутренний** интерес, поэтому все, что он делает в отношении Европы, он делает исходя **исключительно** из своих **корыстных** американских интересов*

ответ, входящий в состав вопросно-ответного хода, выделяется логическим ударением (*внутренний*), превосходной степенью прилагательного (*самое **главное***), позиционно-лексическим повтором (*американские **интересы***), частицей (*исключительно*).

Наиболее часто вопросно-ответный ход встречается в рассуждениях в монологических фрагментах текста.

Помимо акцентуаторов, включающих лексику с семантикой выделения и усиления, на незначительном удалении от центра ядерной части изучаемой категории располагаются инверсия (частота – 4), жест «внимание» (1), экспрессивная лексика (3).

Так, функцию акцента часто выполняет инверсия, поскольку она нарушает стилистически нейтральный порядок слов в предложении и тем самым привлекает внимание адресата к инверсированному слову или словосочетанию. Инверсия как средство акцентности тоже обычно дополняется другими акцентуаторами, прежде всего логическим и жестовым ударениями. Например, в высказывании *Инициаторами этого процесса были не мы, санкции в отношении нас ввели* экспрессивный вариант словорасположения наблюдается в обеих частях бессоюзного сложного предложения. При этом в первой части акцентируется личное местоимение (*не мы*), во второй – глагол *ввести* усиливается логическим и жестовым ударением (наклоном головы вперед).

Другим ядерным средством, имеющим специализированную семантику акцента, является жест-эмблема «внимание». Этот жест нередко сочетается с иными акцентуаторами (преимущественно с лексико-семантическим выделением, вставными конструкциями, позиционно-лексическими повторами). Например, в речевом фрагменте *Она не исключила, Грэг, слушайте внимательно, не исключила, что эта пара из Эймсбери отравилась остатками от той партии «Новичка»...* говорящий выделяет жестом «внимание» глагол *не исключила*, подчеркивая некатегоричность высказывания политика. Выделяемая формулировка повторяется дважды, жест-эмблема «внимание» тоже осуществляется два раза.

В роли акцентуаторов выступают и некоторые языковые и речевые средства, выражающие те или иные экспрессивные значения. Экспрессия, как известно, создается стилистическими фигурами, относящимися к разным уровням языковой системы. Политические телепрограммы характеризуются большим количеством экспрессивных средств, многие из которых образуют общий оценочный фон и поэтому относятся к периферии категории акцентности. Однако встречаются и такие яркие экспрессивные средства, которые выделяют некоторый сегмент речи на фоне других и, соответственно, тяготеют к ядру ФССК акцентности. Экспрессивная лексика и фразеологизмы встречаются в политических ток-шоу с частотой 12. При этом частота «ярких» выделенных средств, целенаправленно используемых для усиления выразительности речи, составляет 3, а «фоновых», периферийных, отражающих общую эмотивную модальность речи, – 9.

Выбор говорящим экспрессивного слова или словосочетания вместо нейтрального синонима привлекает внимание к сообщаемому и поэтому, по существу, является смысловым акцентом. Нередко выражение оценки усиливается эмфатическим или логическим ударением, а также мимикой и жестиком (иногда наигранной, например, «театральным» закатыванием глаз, демонстративным разведением рук в стороны, замахом руки на кого-либо).

Так, в высказывании *...если эти гады отменят санкции, это будет большая проблема* ироничное отношение к прогнозируемым событиям выражается существительным *гад* с просторечной и презрительной стилистической окраской [Толковый... 2000], а также мимикой (уголок рта приподнят с одной стороны).

Остаются в ядре ФССК акцентности, но в большей мере удалены от его центра такие акцентуаторы, как позиционно-лексические повторы (4), модальные частицы (4), наречия степени (4).

Акцентность нередко реализуется и позиционно-лексическим повтором, т.е. повтором синтаксической позиции с одним и тем же лексическим наполнением в синтаксической конструкции, предложении или сложном синтаксическом целом [Энциклопедический... 2011]. Такой повтор нередко усиливается логическим и жестовым ударением. Например, в высказывании *...и санкции, и, контрсанкции, которые мы вынуждены – Дмитрий совершенно справедливо заметил – вынуждены были ввести* логическим ударением выделяется второе употребление слова *вынуждены*. При этом логическое ударение усиливается жестовым ударением (взмахом руки вниз от себя), повторяемое слово разделяет вставная конструкция. В высказывании *Джеймс Ставридис заявляет, что у НАТО сегодня две проблемы.* [пауза] *Две́* логическое ударение падает на второе употребление имени числительного *два*, акцент усиливается паузой.

Кроме того, фрагменты, повторяемые в рамках одного высказывания или сверхфразового единства, могут включать в себя:

– слова, реализующие лексико-семантическое выделение (*Здесь важна динамика, год назад... этот сыр стоил 1200... два года назад – 2000 рублей. Тут важна динамика*);

– наречия меры и степени (*То, что происходит сейчас на Украине, – это прямо очень-очень плохо*);

– превосходную степень прилагательного (*Самое главное, самое главное, ... в преддверии противостояния с Китаем Россия нужна США как минимум как нейтральная сторона*);

– модальные частицы (*И санкции занимают там всего два с половиной процента вот этого товарооборота. Всего*).

Модальные частицы в роли акцентуаторов (частота 12) в той или иной степени выполняют усилительную функцию, привнося в высказывания дополнительные смыслы – диктумные (уточнение, дополнение, противопоставление и др.) или модусные (осуждение, пренебрежение, насмешку и др.). При этом к ядру ФССК акцентности мы отнесли только те модальные частицы, которые непосредственно, т. е. без участия других единиц, выражают семантику выделения и усиления. Обычно это определительные и выделительно-ограничительные частицы: *именно, подлинно, как раз, лишь, всего*. Частота таких единиц – 4.

Модальные частицы регулярно выделяются логическим ударением: *Там **всего** 24% в той или иной мере почувствовали санкции; ... они начали их скупать **именно** на фоне слабого рубля*. Нередко для усиления акцента частицы повторяются в высказывании (*А речь там **всего-то** шла о миллиарде двухстах миллионах долларов или евро. **Всего***).

Функцию акцента могут реализовать некоторые наречия меры и степени, подчеркивающие высокую степень проявления признака или интенсивности действия. В дискурсе анализируемых телешоу эти наречия тесно связаны с лексико-семантическим выделением: *И вот сейчас*

*происходит **крайне важная** вещь; Германия **очень важна** с точки зрения 0,8%, которые они должны доложить в основную копилку*.

Как и многие другие средства акцентности, наречия меры и степени нередко отмечаются логическим или эмфатическим ударением. Например: *Это вот **совсем** уже другие суммы; ...есть усталость даже от украинизации, **слишком рьяной** и насильственной*. В некоторых случаях выделение, осуществляемое наречиями меры и степени, усиливается с помощью инверсии: *это правильное **абсолютно** решение; ...а он начинает петь другое **совершенно**; ...серьезным **очень** образом влияет*.

Перечисленные ядерные средства акцентности употребляются на протяжении ток-шоу сравнительно равномерно, их частота, как правило, не зависит от формы (монолог, диалог) или типа речи (рассуждение, повествование, элементы описания). Однако на регулярность употребления некоторых акцентуаторов – преимущественно логического, эмфатического, жестового ударений – могут влиять индивидуальные особенности коммуникантов.

3. Периферия ФССК акцентности

Данные о частоте акцентуаторов, отнесенных нами к периферии, представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Периферийные средства акцентности
Peripheral means of emphasis

Средства акцентности	Средняя частота на 1000 словоупотреблений	Доля от общего числа употреблений всех ядерных акцентуаторов (в %)
Языковые средства		
Вводные слова, в том числе:	8	13,6
выражающие степень достоверности сообщаемого	4	6,8
служащие для привлечения внимания адресата	2	3,4
распределяющие композиционно-смысловые акценты в предложении и в тексте	2	3,4
Часть экспрессивной лексики	9	15,3
Некоторые модальные частицы	8	13,6
Компаративы	2	3,4
Речевые средства		
Чужая речь	2	3,4
Логические паузы	2	3,4
Синтаксический параллелизм	1	1,7
Невербальные средства		
Жесты-иллюстраторы (помимо жестовых ударений, относящихся к ядру категории), в том числе:	20	33,9
дейктические жесты	8	13,6
Жесты-эмблемы (исключая жест «внимание»)	2	3,4
Эмоциональная мимика	1	1,7
Другие группы средств акцентности (в сумме)	4	6,8
Итого	59	100

Как видно из табл. 2, периферийные средства акцентности характеризуются несколько большим разнообразием по сравнению с ядерными средствами. Среди периферийных акцентуаторов по указанным в п. 2 критериям можно выделить лингвистические единицы, относящиеся к ближней или к дальней периферии. К ближней периферии относятся вводные и вставные конструкции, иллюстративные жесты и некоторые единицы, создающие общий оценочный фон. В дальнюю периферию входят компаративы, паузы, междометия, а также особые структуры сверхфразовых единств и некоторые конструкции сложных предложений. Проанализируем периферийные средства акцентности подробнее.

В рассматриваемых телепрограммах выделительно-усилительную функцию могут выполнять вводные слова и сочетания слов, относящиеся к разным семантическим разрядам. Средняя частота употребления вводных слов в роли акцентуаторов – 8. При этом вводные слова, выражающие степень достоверности сообщаемого (*конечно, разумеется, действительно*), имеют частоту 4. Вводные слова, участвующие в выражении логических связей (*итак, наоборот, с одной стороны*), и вводные слова, служащие для привлечения внимания адресата (*представьте, согласитесь, заметьте*), встречаются с частотой 2.

Вводные слова и конструкции усиливают и модально осложняют смысловое выделение фрагмента высказывания, осуществляемое другими лингвистическими средствами. Выделение, осуществляемое с использованием вводных слов, иногда может усиливаться иллюстрирующими жестами. Например, высказывания, содержащие вводные слова, служащие для привлечения внимания адресата, могут сопровождаться дейктическими жестами (указанием взглядом, наклоном головы, движением рук на обсуждаемый объект), а высказывания с вводными словами, выражающими логические связи, обычно подкрепляются жестами сопоставления, перечисления (например, движения рукой сначала в одну сторону, потом в другую, жестом «загибать пальцы»).

Другим средством акцентности, относящимся к ближней периферии, является иллюстративный жест (частота употребления – 20). Иллюстраторы, как правило, не выделяют фрагмент текста, а усиливают выделение, осуществляемое другими лингвистическими средствами. Рассмотрим текстовой фрагмент:

Нас вдруг европейская цивилизация стала отторгать.... Это нам сказали: ребята, вот у нас дверь вот такая, а чего-то здесь плечами не вписывается, здесь затылком задеваете, и у нас тут еще такая приступочка, а вы не хотите нагибаться, и как-то вы нам не подходите...

Главная его мысль, выраженная в первом предложении, подчеркивается логическим и жестовым ударениями (на слове *отторгать*), инверсированным порядком слов, дейктическим жестом (движение двумя руками к себе при произнесении местоимения *нас*). В следующем предложении говорящий последовательно использует несколько иллюстрирующих жестов: сначала жестикулирующий «рисует» в воздухе двумя руками квадрат (изображая «дверь»), затем он разводит руки в стороны, при этом жестикуляция совершается на уровне верхней границы изображенной раннее фигуры (иллюстрируя «плечами не вписывается»), потом – поднимает одну руку еще выше («затылком задеваете»), наконец, наклоняется вперед, пригибая голову («нагибаться»). Тем самым иллюстрирующие жесты, непосредственно не выделяя главную мысль этого текстового фрагмента, акцентируют на ней внимание адресата.

Как уже отмечалось, иллюстративные жесты регулярно используются в политических телепрограммах. Однако частота их употребления может существенно варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего.

В ближнюю периферию входят также единицы, создающие общий оценочный фон, способствующий выделению тех или иных смыслов. К числу таких единиц относятся часть экспрессивной лексики (9), модальные частицы (8), чужая речь (2), жесты-эмблемы (2), синтаксический параллелизм (1), эмоциональная мимика (1).

Повторим, что экспрессивная лексика и фразеология принадлежат к числу характерных языковых средств медийной речи. При этом наиболее яркие экспрессивные средства, как уже упоминалось, входят в ядро категории. Между тем слова с неяркой, часто стершейся, экспрессивной окраской оказываются на периферии категории. В количественном отношении такие слова явно преобладают (9).

Аналогичным образом модальные частицы, выполняющие усилительную функцию, делятся нами на две группы: частицы, непосредственно выражающие семантику выделения и усиления, как уже отмечалось, относятся к ядру категории акцентности. Те же модальные частицы, которые сопровождают выделенный иными акцентуаторами фрагмент речи, усиливая акцент, или работают на создание общего оценочного фона, относятся к периферии и имеют частоту 8.

Чужая речь (преимущественно прямая, эпизодически несобственно-прямая) нередко встречается в политических ток-шоу при «пародировании» чьих-либо слов. Эти слова выделяются и оцениваются говорящим. В указанной функции

чужая речь часто сочетается с другими эмоционально-экспрессивными акцентирующими средствами, а именно с эмоциональной интонацией, мимикой, жестикуляцией, с экспрессивной лексикой, междометиями и др. Например, при произнесении высказывания

Эти говорят: «Нет, слушай, вот как-то вот не очень правильно, нужно чтобы это ощущение, чтобы оно вот так и так...»

участник передачи пародирует нечеткие и неуверенные суждения политиков, прибегая к пародирующей интонации (чужая речь произносится медленно, неуверенно), особой мимике (говорящий прищуривается, изображает натянутую улыбку) и жестикуляции (быстрым и небольшим поворотом руки с растопыренными пальцами).

Обычно чужая речь как средство пародии отмечается в монологических фрагментах ток-шоу.

Речевая экспрессия создается и синтаксическим параллелизмом. При этом повтор синтаксических конструкций сочетается как с вербальными, так и с невербальными средствами акцентности. Чаще всего такие повторы сопровождаются логическим или эмфатическим, а также жестовым ударением. Например, синтаксический параллелизм в приводимом ниже речевом фрагменте создается однородными придаточными предложениями с анафорой, подчеркивается логическим ударением на последнем слове каждой придаточной части и сопровождается жестовым ударением (движением руки сверху вниз при произнесении ударного слога):

Мы даже не могли себе представить [далее последует серия придаточных изъяснительных, имеющих одинаковое начало], что у нас в стране будет война, что у нас будет власть вследствие госпереворота управлять тактикой террора, что у нас будет процветать терроризм, что у нас будет преследование человека по убеждениям.

Синтаксический параллелизм тоже обычно встречается в монологических фрагментах телепередачи – в рассуждении или повествовании.

Общий эмоционально-оценочный фон создается также эмблематическими жестами (кроме жеста «внимание»). Перечислим некоторые из них: «пожать плечами», «развести руками», «махнуть рукой», «положить руку на сердце», «схватиться за голову», «воздеть руки к небу», «покрутить пальцем у виска». Такие жесты обычно сочетаются с логическим или эмфатическим ударением, с эмоциональной мимикой, а также с использованием экспрессивной лексики и усиливают положительную или отрицательную оценку говорящим чего-либо.

Характерное средство выражения экспрессии в политическом ток-шоу – эмоциональная мимика, т. е. существенные и продолжительные мимические движения, сопровождающие сильные эмоции. Обычно яркая (в некоторых случаях гиперболлизированная) мимика сопровождает чужую речь, риторические вопросы и восклицания. Например, риторический вопрос *А в какой стране мира нет преступников?!* сопровождается мимикой возмущения. Высказывание *Что же вам 28 лет мешало копить свои силы?* произносится с раздражением и сопровождается соответствующей мимикой.

К дальней периферии категории акцентности в политическом телеэфире тяготеют компаративы. В выделительной функции они регулярно сочетаются с лексико-семантическим выделением: *НАТО не решает те проблемы, которые им наиболее важны; ...потому что это важнейший был фактор страха для Соединенных Штатов.* В ряде случаев форма превосходной степени прилагательного усиливается логическим ударением: *потому что это мощнейший потенциал; Это все сейчас находится под жесточайшим контролем.* В отдельных случаях используются также жестовые ударения.

Логические паузы также относятся к дальней периферии ФССК акцентности. Примечательно, что они, как правило, не встречаются в речи в сочетании с иными средствами акцентности. Паузы не образуют единств ни с вербальными, ни с невербальными средствами акцентности: экспрессивными словами, жестовыми ударениями, эмблематическими, иллюстративными жестами. Выразительная мимика очень редко сопутствует паузе, она, будучи выразительной сама по себе, не требует подкрепления дополнительными средствами. Рассмотрим пример:

Россия всегда и была, есть и будет самостоятельной, независимой цивилизацией. [пауза] *Отдельным полюсом.*

Здесь пауза предшествует выделяемому фрагменту речи (*Отдельным полюсом*). При этом, хотя в выступлении активно используется жестикуляция, пауза не сопровождается никакими жестовыми или мимическими движениями либо изменением позы.

К дальней периферии ФССК акцентности относятся и многие другие языковые и речевые средства, частота которых, как правило, не превышает 1. Перечислим их.

Сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа, в главной части которых используется определительное местоимение *такой* или местоименное наречие *так*, указывающие на степень проявления признака:

...вес Бухарестской группы просто **такой** незначительный.

Сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, в главной части которых используется опорное слово со значением уверенности. В их составе регулярно используются наречия меры и степени: *Мне совершенно точно ясно, что...; Я глубоко убежден, что...*

Междометия с семантикой усиления. Они используются преимущественно в чужой речи: *Госпожа Меркель говорила: «Ай-ай-ай, как нехорошо...»*

Сверхфразовые единства, в составе которых используются числительные, акцентирующие связь мыслей и их значимость для говорящего: *Тогда никто не требовал увеличить финансирования, это раз. Экономическая ситуация в Евросоюзе была принципиально другой, это два и это очень важно.*

Ирония, т. е. прием, заключающийся в том, что «слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [Литературный... 1987: 132]: *легендарные белорусские устрицы и кровати.*

Риторические вопросы и восклицания нередко используются для того, «чтобы усилить эмоциональность высказывания и привлечь внимание адресата» [Матвеева 2010: 399]: *А вы считаете, что это мы травим граждан?; Да какая Премия мира – он террорист!*

Выводы

1. В осуществлении смыслового акцента важную роль играют не только языковые и речевые, но и невербальные лингвистические средства.

2. ФССК акцентности в политических телешоу имеет полевою структуру, в которой различаются ядро и периферия. Критерии различения: особенности значения лингвистической единицы (специализированность для выполнения коммуникативного задания) и частота ее использования в речи.

3. К ядру рассматриваемой категории относятся: выделительное и жестовое ударения, лексико-семантическое выделение, вопросно-ответный ход, перформативы, инверсия, жест-эмблема «внимание», часть экспрессивной лексики, позиционно-лексические повторы, определительные и выделительно-ограничительные частицы, наречия меры и степени. К периферии относятся: вводные и вставные конструкции, иллюстративные жесты, слова с неяркой экспрессивной окраской, некоторые модальные частицы, чужая речь, жесты-эмблемы, синтаксический параллелизм, эмоциональная мимика, компаративы, паузы, некоторые структуры сложного предложения, а также сверхфразовых единств.

4. На долю ядерных акцентуаторов приходится 55 % употреблений, на долю периферийных – 45 %. В то же время периферийные акцентуаторы более разнообразные.

5. В речевом общении большинство средств акцентности образуют комплексы. Так, обычно вместе используются логическое и жестовое ударения, а лексико-семантическое выделение часто усиливается наречиями меры и степени; при этом при акцентировании тех или иных смыслов, помимо названных лингвистических средств, используются и другие единицы. Лишь немногие акцентуаторы (паузы, ирония) могут использоваться в речи отдельно от других средств акцентности.

6. Регулярность употребления некоторых акцентуаторов варьируется в зависимости от вида и типа речи (монолог, диалог; повествование, рассуждение), а также индивидуальных особенностей коммуниканта.

Примечания

¹ Между тем суммарное количество употребления периферийных акцентуаторов – 59, несмотря на то что таких единиц существенно больше. И это показательно: высокой частотой употребления характеризуются именно ядерные акцентуаторы.

² Иллюстративный материал выделяется курсивом, логическое ударение отмечается знаком ´ над выделяемым словом, полужирным шрифтом отмечаются вербальные акцентуаторы или те речевые сегменты, которые выделяются невербальными акцентуаторами (жестами, мимическими движениями и др.).

Список литературы

Бедрина И. С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1995. 184 с.

Волкова Ю. С. Комплекс акцентуаторов в политическом телевизионном сверхтексте // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 1(41). С. 122–129.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.

Дускаева Л. Р. Диалогичность как функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК диалогичности) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 166–186.

Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1988. 202 с.

Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля: монография. М.: Флинта, 2021. 400 с.

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. 92 с.

Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: Флинта, 2020. 623 с.

Кожина М. Н., Бедрина И. С., Польшгалова Н. В. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в научных текстах // Функционирование языка в различных типах текста. Пермь, 1989. С. 77–92.

Кожина М. Н., Плюскина Т. Н. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 187–230.

Котурова М. П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1974. 174 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 581 с.

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 751 с.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: URSS, 2022. 104 с.

Пермякова Т. М. Динамика соотношения категорий оценки и аргументативности в газетных текстах 1980–90-х гг. под влиянием социальных факторов: На материале газ. рус. и англ. яз.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1997. 256 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.

Чиговская Я. А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 335 с.

Шурилкина М. А. Дискурс исполнительной власти: теоретические основы / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2022. 146 с.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 480 с.

Andersen P. Nonverbal Communication: Forms and Functions. Mountain View, CA: Mayfield. 1999. 394 p.

Efron D. Gesture and Environment. NY: King's Crown Press, 1941. 185 p.

Kendon A., Sebeok T., Umiker-Sebeok J. Nonverbal Communication, Interaction, and Gesture: Selections from SEMIOTICA. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 1981. 549 p.

References

Bedrina I. S. *Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya gipotetichnosti v angliyskikh nauchnykh tekstakh* [Functional Semantic-Stylistic Category of Hypotheticality in English Scientific Texts]. Yekaterinburg, Ural State Law Academy Press, 1995. 184 p. (In Russ.)

Volkova Yu. S. *Kompleks aktsentuatorov v politicheskom televizionnom sverkhstekste* [The complex of accentuation means in the political television supertext]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2020, vol. 11, issue 1 (41), pp. 122–129. (In Russ.)

Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz*. *Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, New Literary Review Publ., 1996. 352 p. (In Russ.)

Duskaeva L. R. *Dialogichnost' kak funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya (FSSK dialogichnosti)* [Dialogicality as a functional semantic-stylistic category]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.* [Essays on the History of the Scientific Style of the Russian Literary Language, the 18th–20th Centuries]. Ed. by M. N. Kozhina: in 3 vols. Vol. 2. *Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)* [Stylistics of scientific text (general parameters)]. Perm, Perm State University Press, 1998, pt. 2. *Kategorii nauchnogo teksta: funktsional'no-stilisticheskii aspekt* [Categories of scientific text: a functional-stylistic aspect], pp. 166–186. (In Russ.)

Ivanova T. B. *Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya aktsentnosti v russkikh nauchnykh tekstakh*. Diss. kand. filol. nauk [Functional semantic-stylistic category of accentuation in Russian scientific texts. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1988. 202 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Zhanrovaya sistema religiozno stilya* [Genre System of Religious Style:

- monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 400 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. *O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi* [On the Dialogic Nature of Written Scientific Speech: textbook for a special course]. Perm, Perm State University Press, 1986. 92 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki: izbrannye trudy* [Speech Science. The Theory of Functional Stylistics: selected works]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 623 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Bedrina I. S., Polygalova N. V. *Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya gipotetichnosti v nauchnykh tekstakh* [Functional semantic-stylistic category of hypotheticality in scientific texts]. *Funktsionirovanie yazyka v razlichnykh tipakh teksta* [Language Functioning in Different Types of Text]. Perm, 1989, pp. 77–92. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Plyuskina T. N. *Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya gipotetichnosti v russkikh nauchnykh tekstakh* [Functional semantic-stylistic category of hypotheticality in Russian scientific texts]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX vv.* [Essays on the History of the Scientific Style of the Russian Literary Language of the 18th–20th Centuries]. Ed. by M. N. Kozhina: in 3 vols. Vol. 2. *Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)* [Stylistics of scientific text (general parameters)]. Perm, Perm State University Press, 1998, pt. 2. *Kategorii nauchnogo teksta: funktsional'no-stilisticheskii aspekt* [Categories of scientific text: a functional-stylistic aspect], pp. 187–230. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. *Lingvisticheskoe vyrazhenie svyaznosti rechi v nauchnom stile (sravnitel'no s khudozhestvennym)*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic expression of speech connectedness in academic writing (compared with the writing style in fiction literature). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1974. 174 p. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Non-Verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002. 581 p. (In Russ.)
- Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987. 751 p. (In Russ.)
- Matveeva T. V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010. 562 p. (In Russ.)
- Matveeva T. V. *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovyykh kategoriy* [Functional Styles in Terms of Text Categories]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1990. 172 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. *Semantika aktsentnogo vydeleniya* [The Semantics of Accentuation]. Moscow, URSS Publishing group, 2022. 104 p. (In Russ.)
- Permyakova T. M. *Dinamika sootnosheniya kategoriy otsenki i argumentativnosti v gazetnykh tekstakh 1980–90-kh gg. pod vliyaniem sotsial'nykh faktorov: Na materiale gaz. rus. i angl. yaz.* [Dynamics of the relationship between the categories of evaluation and argumentation in newspaper texts of the 1980s–90s under the influence of social factors: Based on the material of newspapers in the Russian and English languages. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1997. 256 p. (In Russ.)
- Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 696 p. (In Russ.)
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova, 4th updated ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 940 p. (In Russ.)
- Chigovskaya Ya. A. *Kategorii retrospektii i prospektii v russkikh nauchnykh tekstakh*. Diss. kand. filol. nauk [Categories of retrospection and prospectation in Russian scientific texts. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2001. 335 p. (In Russ.)
- Shirinkina M. A. *Diskurs ispolnitel'noy vlasti: teoreticheskie osnovy* [Executive Power Discourse: Theoretical Foundations (monograph)]. Perm, Perm State University Press, 2022. 146 p. (In Russ.)
- Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary. Expressive Means of the Russian Language, Speech Errors and Shortcomings]. Ed. by A. P. Skovorodnikov, 3rd stereotyped ed. Moscow, Flinta Publ., 2011. 480 p. (In Russ.)
- Andersen P. *Nonverbal Communication: Forms and Functions*. Mountain View, CA, Mayfield. 1999. 394 p. (In Eng.)
- Efron D. *Gesture and Environment*. NY, King's Crown Press, 1941. 185 p. (In Eng.)
- Kendon A., Sebeok T., Umiker-Sebeok J. *Nonverbal Communication, Interaction, and Gesture: Selections from SEMIOTICA*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton. 1981. 549 p. (In Eng.)

Means of Emphasis in Political Television Discourse: the Core-Periphery Distinction

Iuliia S. Volkova

Degree-Seeking Researcher,

Department of Journalism and Mass Communications

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. yu.wlkw@gmail.com

SPIN-code: 5399-4085

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4256-3229>

ResearcherID: D-6671-2019

Submitted 08 Dec 2022

Revised 11 Jan 2023

Accepted 18 Jan 2023

For citation

Volkova Iu. S. Sredstva aktsentnosti v politicheskom teleefire: polevoy aspekt [Means of Emphasis in Political Television Discourse: the Core-Periphery Distinction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-5-16 (In Russ.)

Abstract. The article discusses the functioning of accentuators (means of emphasis) in political television discourse and their core-periphery distinction. Accentuators are defined as language, speech, and non-verbal means that accentuate fragments of speech being the most significant from the author's point of view. An accentuator is recognized as core or peripheral depending on two factors: its being intended for semantic emphasis and the frequency of its use in a specific type of speech. Core accentuators are divided into three groups. The center of the core of the accentuation category includes the most emphasis-targeted and frequent means of emphasis – logical and emphatic sentence stress as well as gestural stress (baton gestures). Less emphasis-targeted core units are represented by lexical-semantic emphasis, hypophora, a performative utterance, inversion, an emblematic gesture 'attention', and expressive vocabulary. Core units that are least intended for emphasis include lexical repetitions, some modal particles, and adverbs of degree and measure. Peripheral means of emphasis are language, speech, and non-verbal units that are contextual and occasional. They are divided into two groups: the close periphery (introductory and parenthetical constructions, illustrative gestures, some modal particles, emblematic gestures, parallel syntax, direct and free indirect speech, some facial expressions, etc.) and the far periphery (comparatives, pauses, interjections, some structures of a complex sentence and supra-phrasal units, etc.). The research reveals some significant regularities in the use of accentuators: there are patterns of compatibility of their certain types; the usage frequency of accentuators depends on functional and semantic types of speech or the personal characteristics of communicants.

Key words: functional semantic-stylistic category; accentuation; political discourse; nonverbal communication; functional stylistics; supertext; polycode text.

УДК 811.161.1'42
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27

Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса

Любовь Валентиновна Воронина

к. филол. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

390043, Россия, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18. lv-voronina@mail.ru

SPIN-код: 6870-6089

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4333-6685>

ResearcherID: АНС-1930-2022

Статья поступила в редакцию 08.10.2022

Одобрена после рецензирования 27.10.2022

Принята к публикации 01.12.2022

Информация для цитирования

Воронина Л. В. Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 17–27. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27

Аннотация. Статья посвящена исследованию персуазивности политического дискурса в когнитивной перспективе. Объектом анализа выступают текстовые единицы с семантикой цели, включенные в контекст убедительной речи, полученные нами методом сплошной выборки из стенограмм интервью с представителями политической элиты России. Целью исследования является определение когнитивных механизмов и описание когнитивных моделей речевого взаимодействия (и воздействия). Ключевым в работе выступает понятие персуазивности, которое применительно к целевым контекстам и в когнитивном ракурсе было освоено нами как изменение исходных знаний адресата или (в случае их отсутствия) формирование на момент коммуникации в ходе интеракции и представлено как однонаправленное стратегическое действие (в противовес коммуникативным). Прибегая к методам дискурсивного и элементам разговорного анализа, опираясь на принципы фреймовой семантики и социолингвистики, авторы описали когнитивные модели дискурса аргументативного типа применительно к персуазивной коммуникации с включением текстовых единиц с семантикой цели; к известным добавлены ситуационная модель каузатива (апелляционная) и сайкулярная модель, построенная на риторическом принципе кольца. Исследование каждой модели осуществлялось выделением и детальным рассмотрением приоритетного когнитивного инструментария. В ходе работы были выявлены группы когнитивных механизмов с точки зрения их функциональности и функционала, описаны варианты включения как в диалогически направленный дискурс (в рамках речевого взаимодействия), так и в процесс речевого воздействия с целью убеждения (стратегическое действие).

Ключевые слова: когнитивные механизмы; когнитивные модели; персуазивность; политический дискурс; семантика цели.

Постановка проблемы

Неориторика Х. Перельмана с ее ключевым понятием персуазивности в настоящее время актуальна как никогда. «Дискурс, познание, общество» – вот три измерения, в которых, по мнению Т. ван Дейка, должны протекать дискурсивные исследования [ван Дейк 2013: 16], если отталкиваться от понимания дискурса как «сложного коммуникативного явления, включающего, кро-

ме текста, экстралингвистические факторы» [ван Дейк 2000: 8]. Политический дискурс, как и коммуникативное пространство рекламы и менеджмента, – основная сфера функционирования персуазивной коммуникации, построенной на трех китах ван Дейка.

Второй отправной точкой для размышлений в данной работе будет выступать позиция Е. И. Шейгал о двух перспективах дискурса –

реальной и виртуальной. В большей степени нас будет интересовать второй ракурс – виртуальный, который включает, по мнению исследователя, «вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал 2000].

Политический дискурс, безусловно, элитарен, привлекателен в том смысле, что имеет своим субъектом представителей власти «не как власти индивида, но как власти социальной позиции» [ван Дейк 2013: 31], представляя собой выступления политических лидеров, он всегда вызывает яркие ответные реакции у реципиентов. В этом основной смысл воздействия и первая ступень убедительности. Какой будет эта реакция и как ею управлять – вопросы, решаемые комплексом коммуникативных стратегий и тактик, конкретных приемов речевого воздействия.

История вопроса

В целом феномен персуазивности достаточно хорошо изучен как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Традиционно фокус внимания перемещен в плоскость коммуникативных исследований в рамках социолингвистического направления.

Трактовки персуазивности как «особого типа ментально-речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресант реализует попытку преимущественно вербального воздействия на сознание адресата» [Голоднов 2003], «определенного воздействия автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или несовершению им определенных действий» [Чернявская, Логинова 2005: 65] пересекаются в точке коммуникативного намерения не просто вступить в коммуникацию и взаимодействовать, но и воздействовать, оказывать влияние (в том числе и скрытое), а следовательно, осуществлять одностороннее, одностороннее действие в отношении адресата. Такое действие Дж. Хабермас называет стратегическим (*strategic action*) и противопоставляет собственно коммуникации: «Communicative action is individual action designed to promote common understanding in a group and to promote cooperation, as opposed to *strategic action* designed simply to achieve one's personal goals» [Habermas 1984].

Представленное выше понимание персуазивности закономерно расширяет сферу ее лингвистического изучения – от традиционного рекламного [Романова 2019] и политического дискурса [Чернявская 2006], [Степанова 2019] до

туристического [Хутыз 2018], просветительского [Полуйкова 2010] и художественного [Долженко 2019]. Объектом исследований, как правило, оказываются языковые средства персуазивности и коммуникативные стратегии и тактики убедительной речи [Рюкова, Филимонова 2016; Колчевская 2020]; немногочисленны работы, в которых персуазивность выступает как когнитивный феномен [Молодыхенко 2010].

Когнитивная перспектива персуазивной коммуникации представляется направлением малоисследованным в отечественной когнитивной лингвистике, и, как отмечает Н. Н. Болдырев, «когнитивные механизмы, задействованные в процессе формирования смысла высказывания, еще не получили в современной лингвистической литературе достаточно четкого определения» [Болдырев 2020: 132], также и сам термин *когнитивные механизмы* вызывает вопросы и неоднозначные версии толкования. Так, например, с точки зрения Ж. Н. Масловой и Е. А. Поповой когнитивные механизмы – это «способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур» [Маслова, Попова 2015], в лингвистической концепции Н. Н. Болдырева когнитивные механизмы представляют собой «тот или иной способ выделения и репрезентации конкретных характеристик концепта» [Болдырев 2020: 132]. На поверхности различия в операционном подходе к феномену концепта: Ж. Н. Маслова и Е. А. Попова в своей формулировке предполагают разные направления его конструирования, Н. Н. Болдырев – актуализацию тех или иных свойств в рамках одного. Полагаем, что данные подходы не противоречат, но дополняют друг друга: у когнитивного инструментария разный функционал и функциональность.

Обсуждение результатов

В фокусе нашего внимания – персуазивность как имманентная характеристика политического дискурса [Mutz, Sniderman, Brody 1996] в ее когнитивной перспективе.

Говоря о когнитивной перспективе, мы имеем в виду когнитивные модели убедительной речи (виртуальный вектор дискурса, по Е. И. Шейгал) и обеспечивающие их реализацию когнитивные механизмы – профилирование, спецификацию, концептуальную метафору и метонимию, интеграцию, генерализацию и др.

Политический дискурс – это коммуникация персуазивного типа, нацеленная на определенную реакцию аудитории. Если принимать во внимание стратегическую цель персуазивности в политическом дискурсе как навязывание определенной идеи аудитории, то в рамках целевых

контекстов, когда этой идеей становится цель, персуазивность проявляется в убеждении аудитории принять эту цель, стать ее субъектом, а убеждение осуществляется через апелляцию: а) к истинности, достоверности цели, ее исключительности и единственности (*наша единственная цель..., мы стремимся только к...*); б) позитивному содержанию, направленному на благо всех ее потенциальных субъектов (в аспекте нашего исследования – граждан РФ).

Кроме того, актуальность цели подчеркивается количественно-качественными характеристиками ресурсов с точки зрения их достаточности для достижения поставленных целей. При этом диапазон интенциональности, то есть устремленности к желаемому образу, колеблется от нуля до максимума (*мы сделаем все, чтобы... vs у нас нет средств, чтобы...*).

В языковом отношении репертуар средств персуазивности известен – лексические средства, риторические приемы, средства образной выразительности, аффективы и т. д. Их задачи очевидны, а успешность реализации обеспечивается включением в когнитивные модели, нацеленные на убеждение.

Под когнитивной моделью мы вслед за Т. ван Дейком понимаем «специфический вид структурной организации знаний в памяти» [ван Дейк 2000: 68]. Применительно к коммуникации аргументативного типа таких «ситуационных моделей» четыре [Тертычный 2016: 49].

1. Фактологическая:

Я поинтересовался у наших западных коллег, почему же они не стимулируют свои СМИ организовать такую же работу по левую сторону от линии соприкосновения, чтобы было понятно, какой там ущерб нанесён, какие объекты страдают прежде всего. Ведь пару лет назад, после наших многомесячных требований ОБСЕ опубликовала наконец не просто доклад о том, сколько людей погибло, сколько было ранено, а доклад, который показывал, сколько гражданских объектов и мирных граждан пострадали на территории ополченцев, и сколько – на территории, контролируемой Киевом (ИСЛ-1).

Она предполагает ссылку на «сильные» аргументы, в их числе факты, свидетельства, экспертизы и проч.

2. Аксиологическая, или ценностная, модель подчеркивает значимость цели для ее потенциальных субъектов: персуазивность компонента «цель» семантической структуры предполагает убеждение в целесообразности желаемого результата и реализуется через характеристики цели, подчеркивающие ее исключительность, значимость, актуальность (пример 1), ориентированность на широкую аудиторию (пример 2):

1) *У нас цель только одна – поддержать законное правительство и создать условия для политического урегулирования» (ИВП-1); 2) ...Мы все вопросы, какими бы сложными они ни были, все подчиняем общей цели – цели продвижения нашего сотрудничества, и всегда находим решение (ИВП-2).*

Персуазивность компонента «ресурсы» семантической структуры цели обеспечивается провозглашением их количественно-качественных характеристик:

– с позиций их достаточности: *У нас есть все основания верить в будущее нашей страны (ИВП-3);*

– качества: *Наша совместная борьба с нацизмом всё-таки будет хорошей платформой для того, чтобы преодолеть те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня» (ИВП-4);*

– интенсивности: *Но сегодня надо сделать всё, для того чтобы не обострять ситуацию» (ИВП-5).*

3. Потенциальная модель убеждения предполагает позитивные / негативные последствия достижения / недостижения цели:

И действия наших коллег в отдельных десяти регионах как раз направлены на то, чтобы предотвратить необходимость введения локдауна, когда закрываются целые предприятия, люди оказываются без работы, без заработной платы, когда разоряются мелкие, средние предприниматели и падают доходы населения (ИВП-6).

4. Предписательная модель реализуется в выборе модальности убеждения.

Модальность необходимости объяснимо частотна в политическом дискурсе в ее онтологическом (пример 1), деонтическом (пример 2) и эпистемическом (пример 3) ракурсах в связи с выражаемыми значениями практической и логической необходимости, обязательности и убеждением говорящего в высокой степени вероятности описываемой ситуации. Модальный план высказывания по ходу диалога может меняться, соответственно смещаются акценты, и целевые высказывания перетекают из модальности вынужденного действия (*придется*) в необходимое (*нужно будет*) (пример 3).

1) *Понимаем, что новой Администрации нужно какое-то время, чтобы освоиться и осмотреться, но история Договора известна всем, она не содержит никаких новелл (ИСЛ-2); 2) И теперь мы должны будем заново, истратив миллиарды долларов, – заново строить эту систему, так же как и миллиарды долларов должны будут истратить наши европейские партнёры, чтобы включить прибалтийские страны в своё энергетическое кольцо*

(ИВП-7); 3) *Разумеется, придётся сказать, и даже не то что придётся, – нужно будет воспользоваться этой трибуной международной, для того чтобы дать российское видение сегодняшних международных отношений и будущего этой организации и мирового сообщества* (ИВП-8).

Анализ фрагментов текстов политического интервью показал, что кроме рассмотренных выше четырех моделей актуальными оказываются еще две: апеллятивная – в ее основе когнитивный механизм каузации – и сайкулярная (от англ. *circular* – круговой), построенная на риторическом приеме кольца.

5. Апеллятивная модель реализуется в языке апеллятивными структурами. Это грамматические конструкции со значением обоснования действий или целей. Как мы отмечали выше, они задействуют когнитивный механизм каузации:

Первое, что мы сделали, – мы увеличили свой контингент для охраны наших Вооружённых Сил там, наших военных объектов, на которые, мы видели, уже готовятся различные покушения и посягательства (ИВП-9).

6. Сайкулярная модель обеспечивается особым – кольцевым – построением текстового фрагмента. Структурно они состоят из нескольких предложений: в первом четко обозначено отношение говорящего к ситуации (ее утверждение / отрицание), завершает высказывание независимое предложение, дублирующее в смысловом отношении начальное. Они строятся по следующим схемам:

1) отрицание цели R_1 – отрицание цели R_1 + (нет + обоснование):

При этом хочу обратить Ваше внимание на то, что мы не собираемся заключать на какой-то срок контракт, с тем чтобы потом прекратить транзит. Нет, мы в этом сами заинтересованы... (ИВП-10);

2) отрицание цели R_1 + обоснование + отрицание цели R_1 :

Мне абсолютно не кажется это неправдоподобным, потому что у нас нет цели вмешательства. Мы не видим, какой цели мы можем добиться, если мы будем вмешиваться. Цели нет (ИВП-11);

3) отрицание цели R_1 + (нет + утверждение обратной цели R_2):

И эта поговорка не направлена на какой-то саботаж в достижении цели, не направлена на то, чтобы делать вид, что кто-то стремится к цели, а на самом деле этого делать не собирается. Нет, это призыв к качественной работе без всякой спешки и суеты (ИВП-12);

– отрицание цели R_1 – утверждение цели R_2 – отрицание цели R_1 :

У нас нет никаких целей что-либо и кого-либо разделять в Евросоюзе. Мы, наоборот, заинтересованы в том, чтобы Евросоюз был единым и процветающим ... У нас нет таких целей, не было и никогда не будет... (ИВП-13);

– отрицание цели R_1 – обоснование – утверждение цели R_2 – обоснование – утверждение цели R_2 :

Мы работаем не для того, чтобы какая-то одна сила в Афганистане одолела другую, потому что это будет неустойчивым, хрупким и временным решением. Такое уже проходили. Весь наш пафос в заявлениях в контактах со сторонами, все усилия нацелены на то, чтобы диалог, который должен привести к политическому урегулированию, был инклюзивным, с участием всех без исключения политических, этнических и иных групп в Афганистане. Это включает талибов как часть пуштунского этноса, узбеков, хазарейцев, таджиков – всех тех, кто проживает в ИРА. На все это нацелены наши усилия как членов Московского формата, расширенной «тройки» (ИСЛ-3).

Осуществляя убеждение, говорящий, по мнению А. А. Тертычного, может применять «весь арсенал логических методов» [Тертычный 2016: 50] – индукции, дедукции, аналогии и сравнения. Нас прежде всего интересуют лежащие в основе указанных когнитивных моделей когнитивные механизмы речевого взаимодействия в аспекте убеждения. Их, на наш взгляд, можно условно разделить на две категории: первые устанавливают формат общения, предполагают интеракцию «вопрос – ответ» (инструменты коммуникации), вторые сфокусированы на собеседнике (будь то спрашивающий или отвечающий) и не предполагают, кроме убеждения, иной реакции (инструменты «стратегического действия»).

К первой группе следует отнести установление тождественности когнитивных систем говорящего и слушающего, механизм активизации знаний в сознании говорящего, адаптации знаний собеседника знаниям говорящего, аддитивный механизм (пополнение знаний), профилирование и перспективизацию. Все они направлены на то, чтобы собеседник максимально включился в коммуникацию, уяснил коммуникативные намерения говорящего и соответственно отреагировал (направление адресант → адресат):

Вопрос: 1) *Каковы шансы политического урегулирования конфликта?* 2) *На какие уступки может пойти Россия?* 3) *Россия неоднократно озвучивала, что хочет, чтобы Украина признала Крым частью России.* 4) *Еще какие?*

С. В. Лавров: *Надо быть просто реалистами. Крым – это тема, которая не обсуждается* (ИСЛ-4).

В данном примере отмечено выдвигание в вопросительном фрагменте целевого сегмента (импликатура цели (предложение 2) восстанавливается из первого высказывания (цель как политическое урегулирование), выступает пресуппозицией к «новому» (уступкам)). Предложение 3 – иллюстрация включения механизма установления тождественности когнитивных систем говорящего и слушающего, что подтверждает ответная реплика адресата, игнорирующего вопрос в предложении 4, – результат включения механизма профилирования.

Фокус внимания субъекта речи оказывается достаточно подвижным. Это очевидно при анализе диалогов, в которых вопросительная реплика представляет собой объемный дискурсивный фрагмент – комплекс вопросов, часть из которых

адресатом игнорируется (в силу субъективных причин):

Вопрос: *В то время как ООН, ВОЗ и ведущие мировые столицы призывают консолидировать усилия перед лицом общей угрозы, некоторые силы как будто ищут подходящий момент для действий. Как Вы думаете, что это за силы? Кто за ними стоит? Каковы их цели?*

С. В. Лавров: *Это «руссофобские» рефлекс, подобные рефлексам, открытым нашим великим ученым И. П. Павловым. И до пандемии, и в ходе нее, и, к сожалению, ожидаю, что после того, как она прекратится, эти рефлекс будут проявляться (ИСЛ-5).*

Схематично когнитивное взаимодействие можно представить следующим образом (рис. 1):

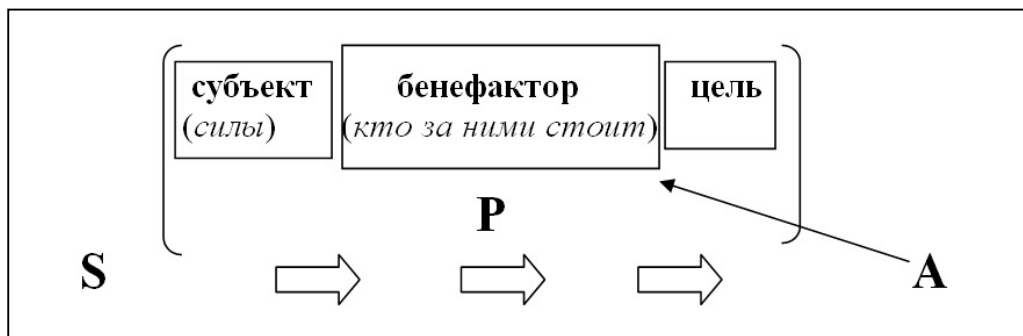

Рис. 1. Когнитивное взаимодействие в аспекте профилизации события (P)
Fig. 1. Cognitive interaction in terms of event profiling (P)

Субъект (S) транслирует адресату (A) некоторую информацию о ситуации (P), обнаруживая отсутствие информации о ее субъекте, бенефакторе и цели. Адресат игнорирует первый и третий слоты и активизирует второй – информацию о бенефакторе.

Когнитивные механизмы второй группы – это прежде всего каузация, сравнение, оценка, генерализация, конкретизация.

Так, аксиологическая модель может обеспечиваться когнитивными механизмами сравнения (пример 1) и генерализации (пример 2):

1) *Я думаю, что Россию нигде невозможно сдержать. Надо это понять. **Послушайте, вы Северную Корею не можете сдержать. О чём Вы говорите? Зачем это делать? Зачем друг друга сдерживать, нападать, подозревать в чём-то? Мы предлагаем сотрудничать** (ИВП-14);*
2) *До сих пор в Ливии идёт война, по сути дела. Ну и зачем же нам то же самое делать в Венесуэле? Или мы что, хотим вернуться к «политике канонерок»? Зачем это? **Это что, в современном мире нужно так унижать латиноамериканские народы, чтобы навязывать им извне формы правления либо каких-то лидеров?** (ИВП-15).*

Апеллятивная когнитивная модель обеспечивается комплексом когнитивных механизмов активизации, сравнения, а также каузации:

*Мы что, собираемся воевать с НАТО, что ли? **В странах НАТО сколько человек проживает – где-то 600 миллионов, да? А в России – 146 миллионов. Да, мы – крупнейшая ядерная держава. Но Вы что, реально предполагаете, что мы собираемся завоевать Прибалтику, используя ядерное оружие, что ли?** (ИВП-16).*

Когнитивные механизмы выполняют разные функции в рамках общей задачи актуализации смысла высказывания в аспекте убеждения, поскольку имеют неодинаковые основания включения, и, соответственно, обладают разной степенью частности в жанре политического интервью. Например, проспективизация в политическом дискурсе всегда связана с оппозицией «свой – чужие», поэтому цели и действия представителей «in-группы» всегда положительные и противопоставлены целям и действиям «out-группы». Важно подчеркнуть, что когнитивный механизм проспективизации, или фокус эмпатии, предполагает не оценку события (за нее отвечает другой инструмент), а взгляд на него с разных точек зрения:

Теперь давайте зададимся вопросом: если Россия – враг, то какие организации будет поддерживать Америка в России? Я думаю, что не те, которые укрепляют Российскую Федерацию, а те, которые её сдерживают, а это цель Соединённых Штатов, заявленная публично (ИВП-17).

De-dicto – высказывание о целях США относительно РФ, de re – собственно цель. И если высказывание может быть истинным, если говорящий уверен в этом, то достоверность целевого события может быть под вопросом и требует верификации. Но не об этом сейчас речь. Когнитивный механизм проспективизации в диалогически направленном политическом дискурсе достигается несовпадением субъекта речи и агенса (субъекта цели, если речь о целевых структурах).

Конкретизация, или спецификация, как когнитивный механизм, представляется нам наиболее частотным форматом организации мысли в политическом дискурсе. В жанре политического интервью в контексте целевых конструкций она приобретает как минимум две конфигурации:

– уточнения:

Думаю, необходимо это всячески поддерживать и укреплять, чтобы мы **ни от кого не зависели**. Подчеркну, **мы не уходим в изоляцию** – хотим быть частью международного сообщества. Частью сообщества, где существует справедливость и демократичность (ИСЛ-6);

– детализации:

Заинтересованы в том, чтобы придать тенденции увеличения товарооборота устойчивый характер. Для этого нужно **диверсифицировать наши отношения в этой сфере**. **Важную роль здесь призван сыграть проект сооружения газопровода «Север-Юг» между Карачи и Лахором** (ИСЛ-7).

Наше представление о двух категориях когнитивных механизмов с точки зрения их обеспечения акта коммуникации и «стратегического действия» должно восприниматься условно. Это отнюдь не списочный подход, а фактор частотности, на которую мы обратили внимание в ходе анализа диалогических пар вопросно-ответного типа. Например, когнитивный механизм *профилизация* обнаруживает себя не только в рамках коммуникативного взаимодействия, как мы показали в примерах выше (см. рис. 1), рассуждая о когнитивных механизмах первой группы, но и в ситуации однонаправленной речи (стратегическое действие) (рис. 2):

К. Симмонс: Сегодня вышел доклад, пошли сообщения, что **Россия готовится передать Ирану спутниковую технологию, которая позволит Ирану отслеживать и наносить удары по военным целям**.

В. Путин: Нет, у нас нет таких программ с Ираном, это просто **чушь** очередная. ... Это просто **фантастика**, просто очередной **вброс**, **фейк**. Я о таком ничего не знаю, во всяком случае. Те, кто говорит об этом, знают лучше, чем я, наверное. Ну, **чушь**.

К. Симмонс: То есть Вы согласны с тем, что передать Ирану такие спутниковые технологии – это поставило бы под **угрозу** американских военнослужащих, получи Иран от России такие технологии, ведь они могли бы передавать такую информацию хуситам в Йемене, могли передавать информацию «Хезболле». И факт передачи таких технологий Ирану был бы **опасным** развитием событий.

В. Путин: Послушайте, что мы обсуждаем проблемы, которых не существует? Нет предмета для обсуждений. Кто-то что-то выдумывает, я не знаю, может, это **вброс**, связанный с тем, чтобы вообще ограничить любое военнотехническое сотрудничество с Ираном. Я повторю ещё раз: это просто **фейковый вброс**, о котором мне вообще ничего неизвестно, я от Вас это впервые слышу. Нет у нас таких намерений (ИВП-18).

Информационный центр дискурсивного фрагмента составляет событие – передача технологий, его слоты – аксиологическую модель речевого взаимодействия (см. рис. 2):

Очевидно, что событие – передача информации – оценивается субъектом речи (левая часть схемы) и адресатом (правая часть схемы) по-разному. Когнитивное взаимодействие между коммуникантами напоминает поле битвы, в ходе которой субъект речи ведет коммуникативное наступление, а адресат находится в коммуникативной обороне, предлагая первому три версии оценочной номинации референтного события (слоты) как глупости, нелепости, ерунды [Современный словарь 2000], компромата, клеветы [Словарь молодежного сленга], подделки, фикции [Словарь современной лексики... 2014]. Семантическая близость последних двух – *вброс* и *фейк* – обеспечила их объединение в одно понятие *фейковый вброс* – дискурсивную реализацию когнитивного механизма интеграции.

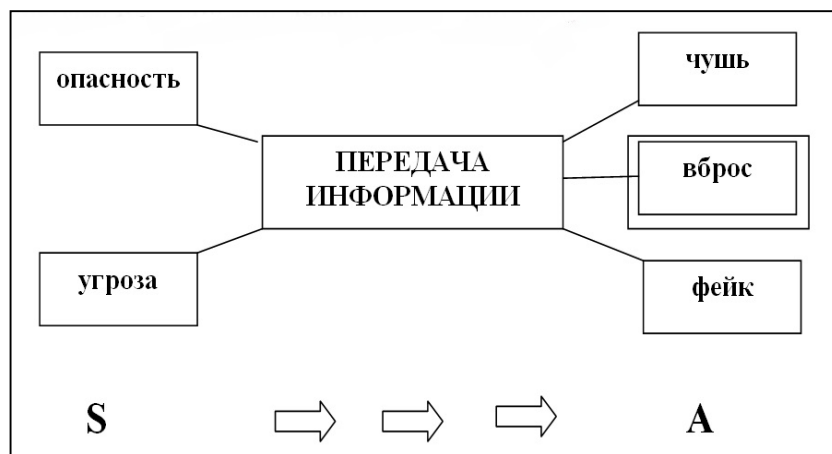

Рис. 2. Когнитивное взаимодействие в аспекте профилизации события в монологически ориентированной коммуникации

Fig. 2. Cognitive interaction in terms of event profiling in monologue-oriented communication

Выводы

1. Текстовые единицы с семантикой цели способны включаться в коммуникацию особого типа – персуазивную, которая в рамках политического дискурса представляет собой не просто процесс речевого взаимодействия в рамках конкретной интеракции, но в первую очередь воздействие субъекта речи на адресата, если его целевой установкой выступает убеждение в принятии цели, ее истинности, достоверности, исключительности.

2. Убеждение осуществляется в рамках психологии влияния и на когнитивном уровне проявляется в репрезентации суждений о цели в определенных рамках – фреймах, или ситуационных моделях, – фактологической, аксиологической, потенциальной, предписательной. К их числу считаем небезосновательным добавить апеллятивную и сайкулярную модели, которые мы выделили и описали с точки зрения когнитивных механизмов, обеспечивающих соответствующую организацию смысла высказываний в аспекте персуазивности.

3. Когнитивные механизмы, обеспечивающие речевое взаимодействие, выступают актуальными и в ситуациях коммуникативного воздействия, навязывания адресату воли говорящего. Равно как и когнитивные модели, они демонстрируют разную частотность реализации в политическом дискурсе и зачастую в рамках фреймов образуют комплексы.

4. Исследуемые когнитивные механизмы и факты их реализации в дискурсе позволяют нам утверждать их функциональную неравнозначность: часть из них обеспечивает установление контакта между коммуникантами, другие направлены на выражение собственной позиции и убеждение собеседника. Включаясь в разные когнитивные модели, они по-разному актуализи-

руют смыслы высказывания, высвечивая нужное (профилизация), обнаруживая эмпатию (перспективизация), переходя к ассоциациям (концептуальная метафора и метонимия), конкретизируя (спецификация) или обобщая (генерализация) суждения.

Список источников

ИВП-1 – Интервью В. В. Путина агентству «Синьхуа»; 23.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50482> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-2 – Интервью В. В. Путина Владимиру Соловьёву; 10.10.2015. URL: <https://rg.ru/2016/06/23/putin-nazval-vzaimodejstvie-rf-i-knr-vazhnyelementom-stabilnosti.html> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-3 – Интервью В. В. Путина американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS; 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-4 – Интервью В. В. Путина американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS; 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-5 – Интервью В. В. Путина газете The Financial Times; 27.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-6 – Прямая линия с В. В. Путиным; 30.06.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-7 – Интервью В. В. Путина американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS; 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5038> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-8 – Интервью В. В. Путина американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS; 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-9 – Интервью В. В. Путина австрийскому телеканалу ORF; 04.06.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57675/videos> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-10 – Большая пресс-конференция В. Путина 19.01.2020. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-12-20/377744-na_press_konferentsii_vladimir_putin_prokommentiroval_temu_gazovyh_peregovor_ov_s_kievom (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-11 – Интервью В. В. Путина американскому телеканалу NBC; 01.03.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57027> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-12 – Интервью Владимира Путина телекомпания «Ниппон» и газете «Йомиури»; 13.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53455> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-13 – Интервью В. В. Путина австрийскому телеканалу ORF; 04.06.2020. URL: <https://rtvi.com/news/intervyu-putina-orf/> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-14 – Интервью В. В. Путина американскому телеканалу NBC; 02.03.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57027> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-15 – Интервью В.В. Путина газете The Financial Times; 27.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-16 – Интервью В.В. Путина международному информационному холдингу Bloomberg; 01.09.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-17 – Пресс-конференция В. В. Путина по итогам российско-американских переговоров; 16.06.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 26.08.2022).

ИВП-18 – Интервью В. В. Путина американской компании NBC; 11.06.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65861> (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-1 – Интервью С. В. Лаврова Генеральному директору МИА «Россия сегодня» Д. К. Киселеву, Москва, 28 апреля 2021 г. URL: <https://rus.rusemb.org.uk/fnapr/5947> (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-2 – Выступление и ответы на вопросы С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с М. Б. Тлеуберди, Нур-Султан, 8 апреля 2021 г. URL: https://polpred.com/?ns=1&cnt=62&person_id=all&page=5 (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-3 – Ответы на вопросы СМИ С. В. Лаврова по итогам участия в международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность», Ташкент, 16 июля 2021 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1797897/ (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-4 – Интервью С. В. Лаврова телеканалу «Аль-Джазира», Москва, 2 марта 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802485/ (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-5 – Интервью С. В. Лаврова российским и иностранным СМИ в формате видеоконференции по актуальным вопросам международной повестки дня, Москва, 14 апреля 2020 г. URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/2020/04/15/intervyu-ministra-inostrannykh-del-ro-24/> (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-6 – Интервью С. В. Лаврова Генеральному директору МИА «Россия сегодня» Д. К. Киселеву, Москва, 28 апреля 2021 г. URL: <https://rus.rusemb.org.uk/fnapr/5947> (дата обращения: 26.08.2022).

ИСЛ-7 – Выступление и ответы на вопросы СМИ С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Ш. М. Курейши, Исламабад, 7 апреля 2021 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1797897/ (дата обращения: 26.08.2022).

Список литературы

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов, 2020. 328 с.

Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 247 с.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: изд-во БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Долженко Н. Г. Персуазивность в художественном тексте (на материале сборника рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе» // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 614–622.

Колчевская В. А. Средства выражения категории персуазивности в гипержанре «Сайт» туристического интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2020. 23 с.

Маслова Ж. Т., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/maslova_zh_n_pопова_e_a_problema_razgranicheniya_kognitivnyh_pr

ocessov_mehanizmov_operaciyu.pdf (дата обращения: 27.08.2022).

Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1996–2008 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2010. 245 с.

Полуйкова С. Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4. С. 63–67.

Романова И. Д. Особенности рекламных текстов персуазивного характера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 12(828). С. 97–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reklamnyh-tekstov-persuazivnogo-haraktera> (дата обращения: 27.08.2022).

Рюкова А. Р., Филимонова Е. А. Языковые способы реализации персуазивности // Вестник Башкирского университета. 2016. № 2. С. 431–435.

Словарь молодежного сленга. URL: <http://www.termyny.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/vbros> (дата обращения: 27.08.2022).

Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: <https://argo.academic.ru/5518/%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA> (дата обращения: 27.08.2022).

Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266981/%D0%A7%D1%83%D1%88%D1%8C> (дата обращения: 27.08.2022).

Степанова Н. В. Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью // Дискурс. 2019. № 5(3). С. 79–89. doi <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89>.

Тертычный А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 46–69. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/modeli-argumentatsii-v-sovremennykh-mediatekstakh/> (дата обращения: 27.08.2022).

Хурыз И. П., Колчевская В. А. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 391–394. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2018_2-2_44.pdf (дата обращения: 27.08.2022).

Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-politicheskoy-partii-kak-persuazivnyy-tekst>

(дата обращения: 27.08.2022).

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Шейгал В. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. URL: <https://www.dissertcat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 27.08.2022).

Habermas J. Reason and the Rationalization of Society. Volume 1 of The Theory of Communicative Action / English translation by Thomas McCarthy. Boston: Beacon Press, 1984. 562 p. URL: <https://teddykw2.files.wordpress.com/2012/07/jurgen-habermas-theory-of-communicative-action-volume-1.pdf> (дата обращения: 27.08.2022).

Mutz D. C., Sniderman P. M., Brody R. A. Political Persuasion and Attitude Change. Univ. of Michigan Press, 1996. 295 p.

References

Boldyrev N. N., Grigor'eva V. S. *Dominantnyy printsip i integrativnost' formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse* [The Dominant Principle and Integrativity of the Format of Speech Interaction in Dialogic Discourse]. Tambov, 2020. 328 p. (In Russ.)

van Dejk T. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 344 p. (In Russ.)

van Dejk T. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK named after I. A. Baudouin de Courtenay Press, 2000. 308 p. (In Russ.)

Golodnov A. V. *Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoy kommunikatsii (na primere sovremennoy nemetskoyazychnoy reklamy)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic and pragmatic features of persuasive communication (a case study of modern German-language advertising)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 247 p. (In Russ.)

Dolzhenko N. G. Persuazivnost' v khudozhestvennom tekste (na materiale sbornika rasskazov E. D. Aypina 'Reka-v-Yanvare' [Persuasiveness in a literary text (based on the material of the collection of short stories by E. D. Aipin 'River-in-January')]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, vol. 9, issue 4, pp. 614–622. (In Russ.)

Kolchevskaya V. A. *Sredstva vyrazheniya kategorii persuazivnosti v giperzhanre 'Sayt' turisticheskogo internet-diskursa*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Means of expressing the category of persuasiveness in the hyper-genre 'Site' of the tourist In-

ternet discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2020. 23 p. (In Russ.)

Maslova Zh. T., Popova E. A. Problema Razgranicheniya Kognitivnykh Protseessov, Mekhanizmov, Operatsiy [The problem of differentiation of cognitive processes, mechanisms, operations]. Available at: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/maslova_zh_n_popova_e_a_problema_razgranicheniya_kognitivnykh_processov_mehanizm_ov_operatsiy.pdf (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Molodychenko E. N. *Sozdanie obraza vruga kak persuzivnaya strategiya amerikanskogo politicheskogo diskursa: kognitivnyy lingvopragmaticheskiy analiz (na materiale publichnykh rechey politicheskikh deyateley 1996–2008 gg.)*. Diss. kand. filol. nauk [Creation of the image of the enemy as a persuasive strategy of American political discourse: Cognitive linguistic and pragmatic analysis (on the material of public speeches of political figures of 1996–2008)]. Cand. philol. sci. diss.]. Arkhangelsk, 2010. 245 p. (In Russ.)

Poluykova S. Yu. Persuzivnye strategii v sovremennom prosvetitel'skom diskurse [Persuasive strategies in modern educational discourse]. *Vestnik permского университета. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 4, pp. 63–67. (In Russ.)

Romanova I. D. Osobennosti reklamnykh tekstov persuzivnogo kharaktera [Persuasive features of advertising]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2019, issue 12 (828), pp. 97–107. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reklamnykh-tekstov-persuzivnogo-harakter-a> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Ryukova A. R., Filimonova E. A. Yazykovye sposoby realizatsii persuzivnosti [Linguistic means of expressing persuasive impact]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2016, issue 2, pp. 431–435. (In Russ.)

Slovar' molodezhnogo slenga [Dictionary of Youth Slang]. Available at: <http://www.termyny.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/vbros> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Slovar' sovremennoy leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang]. 2014. Available at: <https://argo.academic.ru/5518/%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by T. F. Efremova. 2000. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266981/%D0%A7%D1%83%D1%88%D1%8C> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Stepanova N. V. Persuzivnost' vs evazivnost': strategii v sovremennom politicheskom interv'yu [Persuasiveness vs evasiveness: Strategies in modern political interview]. *Diskurs* [Discourse], 2019, issue 5(3), pp. 79–89. Available at: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Tertychnyy A. A. Modeli argumentatsii v sovremennykh mediatekstakh [Models of reasoning in modern media texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2016, issue 6, pp. 46–69. Available at: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/modeli-argumentatsii-v-sovremennykh-mediatekstakh/> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Khutyz I. P., Kolchevskaya V. A. Persuzivnost': spetsifika fenomena v nekotorykh tipakh institutsional'nogo diskursa [Persuasion: The specificity of the phenomenon in some types of institutional discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2018, issue 2 (80), pt. 2, pp. 391–394. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2018_2-2_44.pdf (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Chernyavskaya V. E., Loginova I. Yu. Programma politicheskoy partii kak persuzivnyy tekst [The program of a political party as a persuasive text]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2005. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-politicheskoy-partii-kak-persuzivnyy-tekst> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: Problemy rechevogo vozdeystviya* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Persuasiveness]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 136 p. (In Russ.)

Sheygal V. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Diss. doct. filol. nauk [Semiotics of political discourse. Dr. philol. sci. diss.]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa> (accessed 27 Aug 2022). (In Russ.)

Habermas J. *Reason and the Rationalization of Society* (The Theory of Communicative Action, vol. 1). Transl. into Eng. by Thomas McCarthy. Boston, Beacon Press, 1984. 562 p. Available at: <https://teddykw2.files.wordpress.com/2012/07/jurgen-habermas-theory-of-communicative-action-volume-1.pdf> (accessed 27 Aug 2022). (In Eng.)

Mutz D. C., Sniderman P. M., Brody R. A. *Political Persuasion and Attitude Change*. Univ. of Michigan Press, 1996. 295 p. (In Eng.)

Persuasiveness of Political Discourse: Cognitive Mechanisms

Lyubov V. Voronina

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities

Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

18, 1-ya Krasnaya st., Ryazan, 390043, Russian Federation. lv-voronina@mail.ru

SPIN-code: 6870-6089

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4333-6685>

ResearcherID: AHC-1930-2022

Submitted 08 Oct 2022

Revised 27 Oct 2022

Accepted 01 Dec 2022

For citation

Voronina L. V. Kognitivnye mekhanizmy persuazivnosti politicheskogo diskursa [Persuasiveness of Political Discourse: Cognitive Mechanisms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 17–27. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the persuasiveness of political discourse from a cognitive perspective. The research object is text units with the semantics of purpose functioning in the contexts of persuasive speech in natural dialogues of the reciprocal-response type. These units were obtained for the study from transcripts of political interviews with representatives of the Russian political elite using the unselected sampling method. The paper aims to describe cognitive models (frames, situational models) of natural language interaction (and persuasion) in discourse of the argumentative type and to identify cognitive mechanisms. The key concept used is persuasiveness, which, as applied to contexts with the semantics of purpose and viewed from a cognitive perspective, is understood in the paper as a change in the initial knowledge of the addressee or (in the absence of such knowledge) as its formation at the time of communication in the course of interaction, and which is presented as a unidirectional strategic action (as opposed to communicative). Using the methods of discourse analysis and elements of conversational analysis, basing on the principles of frame semantics and sociolinguistics, the author describes the cognitive mechanisms of 6 cognitive models of the persuasive argumentative discourse, including causative and circular, built on the principle of circular composition. Each model was studied through selection and detailed consideration of priority cognitive tools. The paper identifies groups of cognitive mechanisms in terms of their functionality, describes options for their inclusion both in a dialogically directed discourse (within the framework of speech interaction) and in the process of speech as a strategic action performed solely for the purpose of persuasion.

Key words: cognitive mechanisms; cognitive models; persuasiveness; political discourse; purpose semantics.

УДК 81'28:81'37

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-28-36

К изучению семантико-мотивационных связей лексики со значением отвращения, неприязни

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00223
«Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»

Яна Владимировна Малькова

ассистент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. yana-malkova@list.ru

SPIN-код: 2391-6261

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Статья поступила в редакцию 20.09.2022

Одобрена после рецензирования 21.09.2022

Принята к публикации 13.01.2023

Информация для цитирования

Малькова Я. В. К изучению семантико-мотивационных связей лексики со значением отвращения, неприязни // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 28–36. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-28-36

Аннотация. В данной статье рассматривается происхождение некоторых русских диалектных лексем со значением отвращения и неприязни. Автор сосредоточивается на механизмах и моделях развития семантики негативного эмоционального отношения, применяя методику семантико-мотивационной реконструкции. В ходе исследования дается семантико-мотивационная интерпретация более 9 диалектных лексем, в том числе *рачить*, *гляно*, *челядинный*, *чёмкий*, *чмыра*, *чмониться*, *торомко*, *приторомко*, *назола* и др. Анализируя приведенные слова, автор для доказательства того или иного исследовательского решения приводит семантико-мотивационные параллели, то есть слова, имеющие аналогичное направление развития значения. Например, в лексике с семантикой отвращения, неприязни оказывается продуктивным механизм энантиосемии, как в случае с ленингр. *рачить* ‘брезговать’, которое, по предположению автора, происходит от значения ‘хотеть, желать’. В ряде случаев, где того требует материал, даются словообразовательные и этимологические комментарии. Если у того или иного языкового факта уже существует этимология, данные о ней приводятся и по возможности дополняются автором статьи. Групповая семантико-мотивационная реконструкция позволяет с достаточной степенью полноты и доказательности проинтерпретировать ряд лексем с семантикой неприязни и отвращения. В результате исследования семантико-мотивационных отношений диалектных языковых фактов предлагается реконструкция некоторых народных традиционных представлений о неприязни и отвращении.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; семантико-мотивационная реконструкция; семантико-мотивационные параллели; лексика отвращения; лексика неприязни.

Введение

Статья посвящена исследованию ряда русских диалектных лексем со значением отвращения, неприязни, таких как ленингр. *рачить* ‘брезговать’ (СРГК 5: 201), смол. *гляно* ‘противно, неприятно’ (ССГ 3: 36), морд. *челядинный* ‘недоб-

рожелательный, вредный’ (СРГМ II: 1461), костром. *чёмкий* ‘привередливый в еде, брезгливый’ (ЛКТЭ), новг. *чмыра* ‘брезгливый человек’ (НОС: 1284), рус. коми *чмониться* ‘брезговать’ (СРГКПО: 347), краснояр. *торомко* ‘о чувстве отвращения или тяжелой мучительной тоски,

испытываемой кем-л.’ (СРГЦРКК 4: 255), перм., волог., яросл. *приторомко* ‘противно, неприятно’ (СРНГ 32: 23), твер. *назола* ‘неприятность’ (СРНГ 19: 287–288) и некоторых других, привлекаемых автором для сравнения.

Целью работы является выяснение происхождения названных слов, а также реконструкция некоторых народных представлений о негативном эмоциональном отношении, стоящих за приведенными языковыми фактами. Статья продолжает ряд работ автора, посвященных этимологизации и семантико-мотивационной реконструкции русской диалектной лексики со значением неприятия (ср., например, [Малькова 2021а, 2021б]).

Интерес к названной группе слов объясняется несколькими причинами. Во-первых, как кажется, большинство из указанных выше лексем до сих пор не были исследованы учеными, а потому требуют этимологической и семантико-мотивационной интерпретации. Отметим при этом, что часть слов уже была рассмотрена в литературе, однако в таком случае автором статьи предлагаются дополнения к опубликованным этимологиям. Во-вторых, в данной работе будут освещены некоторые языковые факты из лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ. Таким образом, в научный оборот будет введен уникальный полевой материал.

Методы и материал исследования

В ходе исследования использована методика семантико-мотивационной реконструкции [Березович 2014: 5–31]. Под данной методикой понимается комплекс исследовательских действий, которые осуществляются для выяснения мотивации слов и стоящих за ними представлений людей о мире [там же: 7]. Поскольку мы рассматриваем группу лексики, объединенную общей семантикой, особую роль играет определение семантико-мотивационных параллелей. Последние представляют собой лексические ряды, «демонстрирующие сходные модели смыслового развития слов, в рамках которых воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация» [там же: 13]. Данная методика используется в большом числе работ, ср., например, только некоторые из них [Борисова 2016; Едалина 2015; Кучко 2017; Сурикова 2016; Тихомирова 2013 и мн. др.].

Материалом для исследования послужат русские диалектные слова, зафиксированные в лексикографической литературе, а также в полевых картотеках, о чем было сказано выше.

Оговорим принципы отбора слов для совместного рассмотрения. В данной статье мы остановимся на двух группах лексики – со зна-

чением неприязни и со значением отвращения. Позволяет объединить эти слова в рамках одной работы, во-первых, близость их семантики: все они обозначают негативное эмоциональное отношение. *Неприязнь* трактуется в лексикографической литературе как ‘нерасположение, недружелюбное, враждебное отношение к кому-, чему-л.’ (ССРЛЯ 7: 1106). В поле внимания также окажутся лексемы, обозначающие носителя неприязненного отношения, а именно слова с идеограммой ‘недоброжелательный’; *недоброжелательный* же в словарях литературного языка определяется как ‘содержащий, выражающий неприязнь, недружелюбие’ (там же: 803–804). Для второй группы изучаемой лексики ключевым является слово *отвращение* ‘сильное чувство неприязни, соединенной с безразличием; гадливость, омерзение’ (ССРЛЯ 8: 1300). Таким образом, семный состав слов подтверждает близость рассматриваемых понятий. К лексическому множеству «Отвращение» относятся также слова, называющие чувство отвращения, а именно *брезговать* ‘испытывать отвращение, гадливость (обычно о пище и напитках)’ (ССРЛЯ 1: 621–622), *противно, неприятно* ‘о чувстве отвращения’; слова, называющие человека, который испытывает омерзение, – *безразличный* ‘испытывающий отвращение, гадливость к чему-, кому-либо’ (ССРЛЯ 1: 622); слова, именующие объект неприятия, а именно *противный* ‘очень неприятный, отвратительный’ (ССРЛЯ 11: 1453), *неприятный* ‘не нравящийся (своими качествами, свойствами и т. п.)’ (ССРЛЯ 7: 1108).

Еще один фактор, который позволяет рассматривать обозначенные группы лексики вместе, – это общность множества существующих в рамках этих слов семантико-мотивационных моделей, о чем подробно будет сказано далее.

Рачить

Обратимся к ленингр. *рачить* ‘брезговать’: *Наоборот, их рачу в руки брать, убиваю и оставляю так* (СРГК 5: 201). На той же территории встречаются следующие значения: ленингр. *рачить* ‘хотеть, желать’, ‘проявлять заботу о ком-, чем-н.’, ‘проявлять усердие, старание’, ‘жалеть’, ‘использовать, употреблять’ (там же).

Выявить непосредственно мотивирующее значение и выстроить мотивационные отношения позволяет обращение к другим лексемам, называющим безразличие. В частности, применительно к этой лексике можно говорить о продуктивности энантиосемии. В качестве примера можно привести, например, вят. *хваляшнить* ‘брезгать’ (ОСВГ 11: 222), которое связано с общерус. *хвалять*. При помощи энантиосемии образуются также обозначения объектов отвраще-

ния: волг. *добрѣднѣй* ‘неприятный’: *Такого кто добредным, кто страшным назовѣт* ← ‘красивый, имеющий приятную наружность’ (СГРС 3: 230), пск. *благой* ‘неприятный, дурной (о запахе)’: *Я и нюхатъ духи ня буду, гарас благіе* ← ‘плохой’ (ПОС 2: 27), ср. общерус. *благой*.

Думается, что для ленингр. *рачить* ‘брезговать’ (СРГК 5: 201) в качестве мотивирующего можно рассматривать значение ленингр. *рачить* ‘хотеть, желать’: *Я не рачила ее будить, жалко было, пусть спит* (там же). Сопоставлять эти значения, как кажется, позволяет семантика желания / нежелания контактировать с кем-, чем-л., ср. определение слова *брезговать* в «Активном словаре русского языка»: *А1 брезгает А2* ‘Человек А1 испытывает при контакте с объектом А2 очень неприятное ощущение, какое бывает при контакте с продуктами жизнедеятельности других существ, и избегает таких контактов’ (АС 1: 350) (выделено нами. – Я. М.).

Идея нежелания присутствует во внутренней форме и некоторых других слов с семантикой негативного эмоционального отношения, например, в сев.-вост. *мечтáтый* ‘уродливый, некрасивый, неприятный’ (Зотов 2010: 272), ср. общерус. *мечтать*; этимологическое значение диалектной лексемы можно условно сформулировать как ‘такой, о котором не мечтают, т. е. которого не желают’ (также при включении механизма энантиосемии). Другой пример – это арх. *безжелáнный* ‘недоброжелательный’ (АОС 1: 148), ср. *без желания*. Если человек плохо настроен к кому-, чему-либо, то он не хочет контактировать с объектом своего неприятия.

По-видимому, существует особый устойчивый механизм возникновения подобных слов, которые могут обозначать как положительное, так и отрицательное эмоциональное отношение. Так, А. Д. Шмелев пишет о способе развития значения, когда противоположные значения развиваются у слов, содержащих яркую эмоциональную оценку [Шмелев 2009: 193]. Вероятно, с подобным механизмом мы сталкиваемся и в рамках лексики со значением брезгливости, недоброжелательности, которая также характеризуется эмоциональной выразительностью и яркой оценочностью.

Гляно

Рассмотрим смол. *гляно* ‘противно, неприятно’: *Гляна сматреть на их дом* (ССГ 3: 36).

Данная лексема принадлежит обладающему активностью в рамках эмоциональной лексики соматическому коду. В частности, здесь множество слов и фразеологизмов образуется от лексем, обозначающих глаза и зрение, ср., например, р. Урал *глаз воротит* ‘очень невкусно, вы-

зывает отвращение, очень неприятно’ (СГУК 1: 262), прикам. *не приниматъ на глаза кого, что* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’ (БСРП: 124), волгогр. *не видел бы на свѣте кого-л.* ‘кто-л. не нужен, опротивел’ (СДГВО 1: 251). Однако, как можно отметить, во всех этих лексемах являет себя идея прерывания зрительного контакта, нежелания смотреть на то, что вызывает неприятные ощущения. О распространенности этого мотива в рамках эмоциональной лексики писала М. В. Ясинская, отмечая, что красивые предметы приятны взгляду, они вызывают желание смотреть на себя и потому приобретают «зрительную» семантику. «Ненависть действуют противоположным образом: объект становится неприятным, отвратительным для глаз», ср. *ненавидеть, видеть не могу, смотреть не хочется* и др. [Ясинская 2015: 84].

В случае со смол. *гляно* ‘противно, неприятно’ (ССГ 3: 36) обращает на себя внимание то, что данная лексема будто бы нарушает названную модель. Неприятное должно отвращать от себя, подавлять желание смотреть на себя, ср. однокоренные слова с префиксом *не-*: перм. *неглядѣн* ‘о человеке, на которого неприятно глядеть’, *неглядѣнка* ‘о женщине, на которую неприятно глядеть’ (СГДА 3: 64). Префиксальный и беспрефиксальный варианты могут даже встречаться в одном контексте: смол. *гляно* ‘противно, неприятно’: *Гляно сматреть, никрасивыя, нихарошыя, ниглядныя деука* (выделено нами. – Я. М.) (ССГ 3: 36). Таким образом, по-видимому, можно говорить о том, что данная лексема также была образована с помощью механизма энантиосемии.

Нужно отметить, что в рамках лексики со значением отвращения мы уже рассматривали еще одну лексему, которая содержит «зрительный» образ, но при этом обозначает неприятного человека, – влад. *озорóчыё* ‘противный человек, нелюбимый муж’ (СРНГ 23: 100). Это слово, по-видимому, образовано от пск., олон., том. *зорóк* ‘зрачок’ с помощью префикса *о-* и суффикса *-j-* (словообразовательное значение – ‘нечто прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом’). Во внутренней форме же заложена идея того, что неприятное, некрасивое привлекает к себе особое внимание (см. об этом: [Малькова 2021б]). Вероятно, данная мотивационная линия может просматриваться и для смол. *гляно*.

Челядинный

Обратимся к морд. *челя́динный* ‘недоброжелательный, вредный’: *Сасеткъ – члядинный чилавек, никаму дабра ни здельт* (СРГМ II: 1461). Возможно, данная лексема связана с морд. *челя́да* ‘детвора’ (там же). Развитие значения же,

вероятно, шло через промежуточное звено в приблизительно следующем направлении: ‘компания детей’ → ‘о шумном скоплении людей’ → ‘о недоброжелательных, неприятных людях’. Ср. контекст морд. *челяда́* ‘детвора’: *Тепло будит, фся чьяда на улыцы будит* (там же), а также показательные в плане семантики фиксации на другой территории: новг. *челяда* ‘подростки’: *Вон челяда по деревне шатаются, бездельничают; ‘группа, кучка’: Только бы челядой и ходили, больше ничего не знают* (НОС: 1271)¹.

Отметим при этом, что значения ‘компания детей’ и ‘шумное скопление людей’ часто соседствуют в пределах одной лексемы, ср. костром. *ошошь* ‘ватага детей’: *Маленькие ребята толпой ходят, кто маленький, кто большой – ой, какая ошошь идёт!* и ‘сброд, негодные люди’: *Настоящая самая ошошь! Опять собрались бездельники и мелкие хулиганы*; костром. *гребётина* ‘орава детей’: *Вон гребётина вся сошлася, чего-нибудь устроили; Гребётина вон по деревне бегают и ‘большая компания’: Как вот ходят теперь по деревням, и всё собираются кучей, и спать не дают – ходит гребётина такая, безобразный народ* (ЛКТЭ).

Итак, импульсом для развития значения становится негативное отношение в культуре к шумному, беспокойному поведению. Такие воззрения заложены также, по-видимому, в ср.-урал. *охаверно* ‘противно, грязно’ (СРГСУ 3: 97), которое сопоставляется со ср.-урал. *охаверничать* ‘безобразничать, хулиганить’: *Делом не занимаются, им бы только охаверничать* (СРГСУ/Д: 387), *охаверник* ‘нахал’: *Охаверник такой глаза бы не глядели* (СРГСУ 3: 97).

Чёмкий, чмыра, чмониться

Рассмотрим семантически близкие слова костром. *чёмкий*, *чомкой* ‘привередливый в еде, брезгливый’: *Я тоже чёмкая, у людей не поем; Которой не всё ест – чомкой, экой барин* (ЛКТЭ), новг. *чмыра* ‘брезгливый человек’: *Чмыра ты, капризничаешь всё, не ешь, что дают* (НОС: 1284), рус. коми *чмониться* ‘брезговать’: *Она не кержачка. Чмонится просто из чужой тарелки есть* (СРГКПО: 347).

Как кажется, данные лексемы имеют звукоподражательное происхождение. Для костромских слов *чёмкий*, *чомкой* можно предположить производность от костром. *чёмканье* ‘чмокание’, *чомконье* ‘чавканье’: *Едят, только чомконье стоит* (ЛКТЭ), костром. *чёмкать* ‘чмокать’: *А я, видно, чёмкаю на кухне [сосёт палец], чомкать ‘чавкать, громко есть, жевать’: Кто плохо жуёт, чомкает, как поросенок, ест дак причомкивает* (там же). Новгородскую лексему *чмыра* можно соотнести с новг. *чмякать* ‘жевать громко, при-

чмокивая губами; чавкать’: *Они всё чмякают, как едят-то, ‘издавать чавкающие звуки’* (НОС: 1284). Суффикс *-ыр-* при этом зачастую оформляет лексемы со значением лица, ср. забайкал. *зуды́ра* ‘человек, причиняющий беспокойство’ (СРНГ 12: 21) (← *зудеть*), смол. *колоты́ра* ‘человек, который назойливо клянчит, требует что-либо; попрошайка’ (СРНГ 14: 186) (← *колотиться*), ряз. *моты́ра* ‘непоседа, егоза, юла’ (СРНГ 18: 307) (← *мотаться*). Наконец, в *чмониться* вставное *-он-* может возникать по фонетическим причинам, ср., например, волог. *Пыс-кать* и волог., яросл. *пысконить*, арх. *пысконить* ‘разбрасывать что-либо в стороны, трусить, сорить’ (СРНГ 33: 200); твер., пск., перм. *напрудить*, твер., пск. *напрудить* ‘намочить, налить, наделать луж’ и калуж. *напрудонить* ‘мочась, налить’ (СРНГ 20: 105); костром. *забурить* ‘стать бурым, загореть’ (СРНГ 9: 283) и пск., твер. *забуронить* ‘то же’ (там же: 284).

Поскольку лексемы *чёмкий*, *чомкой*, *чмыра*, *чмониться* называют брезгливых людей и их поведение, можно предположить, что во внутренней форме заложено представление о действиях испытывающих отвращение людей, когда они «чмокают», «цыкают», выражая недовольство. Такой мотив вообще является достаточно распространённым в рамках данного лексического множества, ср. сарат. *забькать* ‘сделать гримасу, выражая отвращение к чему-либо’ (там же: 280) звукоподражательного происхождения, пск. *бучайный* ‘брезгливый’ (ПОС 1: 225) ← *бучать* (глагол, по мнению А. Е. Аникина, восходит к праславянскому звукоподражательному **bičati* со значениями ‘шуметь’, ‘плакать, хныкать’ [Аникин РЭС 5: 255]), волог. *чихвостный* ‘испытывающий отвращение к нечистоплотности, брезгливый’ (СВГ 12: 49), ср. прост. *чихвостить* ‘ругать’ и др.

Торомко, приторомко

Рассмотрим краснояр. *торомко* ‘о чувстве отвращения или тяжёлой мучительной тоски, испытываемой кем-л.’: *Торомко мне чё-то стало. Наверно, слихотит²; Ну чё пристал? Торомко уж от тебя* (СРГЦРКК 4: 255).

Думается, что данная лексема содержит в себе корень *-тер-/тор-* (ср. рус. *тереть*, *проторенный*³), а также инфикс *-ом-*. В таком случае можно предположить перенос ‘о трении’ → ‘о неприятном телесном ощущении, вызываемом трением’ → ‘о чувстве отвращения’, который отражает представления о физиологическом дискомфорте, сопряженном с отвращением.

Отметим, что такой тип переноса в принципе частотен для слов со значением отвращения, в этом лексическом множестве устойчиво реали-

зуется соматический код, а именно мотивационная модель, в рамках которой происходит перенос от наименования телесных тактильных ощущений к номинации эмоционального состояния. Ср., например, новосиб. *ободра́ть* ‘произвести неприятное, отталкивающее впечатление; покоробить’ (СРНГ 22: 156), волг. *оскоми́на берёт кого* ‘кому-л. надоело, неприятно что-л.’ (БСРП: 467), арх., перм. *отрути́ть* ‘отвратить; опротивить’ (СРНГ 24: 304–305) ← *трути́ть* ‘гнести, жать, давить, тереть’ (Даль 4: 438)⁴, твер. *натрудить* ‘надоест до крайности, вызывая отвращение’ (Селигер 4: 86) ← пск., твер. *трудо́ить* ‘повреждать, натирать что-л.’ (СРНГ 45: 155) и др.

Однако выскажем еще одно предположение. Дело в том, что на красноярской территории функционирует формально близкая к *торомко* ‘о чувстве отвращения или тяжёлой мучительной тоски, испытываемой кем-л.’ лексема, а именно *приторомко* ‘приторно’ (СРНГ ЦРКК 3: 352)⁵. И. А. Горбушина, рассматривая литер. *приторный*, а также близкое ему *приторомкий*, с опорой на размышления М. Фасмера, В. И. Даля и Ф. И. Рейфа, относит эти слова к гнезду глагола *тереть* с переносом семантики «тактильных ощущений (плотное соприкосновение, раздражение, вызванное трением, ср. *ботинок трёт*) на вкусовые (чрезмерная сладость или жирность)» [Горбушина 2016: 160]. В таком случае можно предположить контаминацию краснояр. *торомко* и *приторомко*.

Интересно, что слова *приторно* и *приторомко* в диалектах могут обозначать не только сладость пищи. Так, встречаем том., смол. *приторно* ‘противно, неприятно’ (СРНГ 32: 23), перм., волог., яросл. *приторомко* ‘противно, неприятно’ (там же), волог. *приторори́но* ‘неприятно’ (СРНГ 5: 215), смол. *приторный* ‘противный, неприятный’ (СРНГ 32: 23). Попытка семантико-мотивационной интерпретации данных языковых фактов приводит к вопросу: какая идея послужила мотивирующей для семантики отвращения – вторичная идея сладости пищи или же этимологически первичная для корня идея трения?

Полагаем, что в данном случае необходимо учитывать территориальную привязку лексем. Так, обнаруживаем широко распространенные варианты слов со вставным *-ом-*: том., челяб., свердл., КАССР, олон., курган., иркут., мурман. *приторомко*, волог., яросл., свердл., заонеж. *приторомко*, север., новг., тобол. *приторомко* [удар.?] ‘очень сладко, приторно’, яросл., перм., тюмен., свердл., заурал., забайкал., якут. *приторомкий*, якут. *приторомко́й* ‘приторный’ (там же). Общепринятое *приторный* ‘слишком сладкий’ тоже, как кажется, могло оказывать

влияние. Таким образом, вероятно, можно говорить о том, что для семантики отвращения том., смол. *приторно*, перм., волог., яросл. *приторомко* (там же), волог. *приторори́но* ‘неприятно’ (СРНГ 5: 215), смол. *приторный* ‘противный, неприятный’ (СРНГ 32: 23) мотивирующими выступают «вкусовые» значения: во внутренней форме запечатлевается представление об объекте омерзения, в данном случае чрезмерно сладкого вкуса.

Назола

Обратимся к твер. *назо́ла* ‘неприязнь’ (СРНГ 19: 287–288). Этимологию данного слова предложила Л. В. Куркина. По ее мнению, праслав. **nazola*, продолжением которого является твер. *назола*, являет собой образование от **nazoliti* ‘посыпать золой, пеплом’. «В народной медицине зола использовалась как лечебное средство: золой, пеплом посыпали рану, пепел прикладывали к ушибленному месту и т. п. ...Праслав. диал. **nazoliti* в значении ‘посыпать пеплом, золой и т. п. с лечебными целями’ <...> стало отправной точкой семантического развития в направлении ‘раздражать рану, воздействуя на нее пеплом и т. п.’ > ‘вызывать боль, тревожить, беспокоить’ <...> отсюда – ‘досада, огорчение; тоска, печаль’ и ‘беспокойный человек, человек, вызывающий раздражение’» [Куркина 1995: 278–280].

Для твер. *назола* ‘неприязнь’ мотивирующей, вероятно, является идея телесного воздействия, то есть семантика причинения дискомфорта. Негативное эмоциональное состояние, вызванное контактом с кем-л. отталкивающим, уподобляется неприятному тактильному ощущению. Некоторые семантико-мотивационные параллели были приведены в предыдущем разделе, здесь же добавим лексику со значением неприязни: новг. *цекотли́вый* ‘вызывающий неприязнь своим поведением’ (СРНГ 6: 927), арх., южн.-сиб., сиб., иркут., карел., арх. *отстуда* ‘охлаждение в отношениях, разлад, неприязнь’⁶ (СРНГ 24: 326) и др.

Результаты

Итак, нами был рассмотрен ряд лексем с семантикой отвращения, неприязни. Подход к исследованию материала в русле системной этимологии и групповой семантико-мотивационной реконструкции позволяет с достаточной точностью и полнотой выстроить линии развития значения избранных для анализа лексем.

Поскольку нами для рассмотрения были выбраны отдельные слова (а не лексические множества целиком), невозможно выделить исчерпывающий список механизмов и моделей развития значения лексики с семантикой неприятя.

Тем не менее укажем на часть из них, которые нашли отражение в рассмотренном материале.

В статье был затронут такой механизм развития значения, как энантиосемия, действующий в процессе формирования семантики ленингр. *ра́чить* ‘брезговать’, смол. *гляно* ‘противно, неприятно’. Во внутренней форме слов могут фиксироваться обозначения черт поведения, характерных, по народным представлениям, для носителей обеих эмоций, о чем говорит реконструкция семантических переходов для морд. *челядинный* ‘недоброжелательный, вредный’, костром. *чёмкий* ‘привередливый в еде, брезгливый’, новг. *чмыра* ‘брезгливый человек’, рус. коми *чмониться* ‘брезговать’. Мотивирующей для идеи отвращения, неприязни выступает семантика неприятного телесного воздействия, когда эмоциональные и физиологические ощущения сопоставляются, ср. краснояр. *торомко* ‘о чувстве отвращения или тяжёлой мучительной тоски, испытываемой кем-л.’, твер. *назола* ‘неприязнь’. Наконец, еще одна модель, проявившая себя в рамках исследованной лексики, – это наименование отвращения с помощью обозначений неприятного вкуса пищи, как в яросл. *приторомко* ‘противно, неприятно’.

Примечания

¹ При этом значения, связанные с названием детей, первичны в этимологическом отношении: праславянской основой **čel-* (ср. русск. диал. *челядь* ‘мальчики, дети, малолетние’) «обозначался младший, меньший член рода, семьи» (ЭССЯ 4: 41).

² Краснояр. *слихотить* ‘стошнить’ (СРГЦРКК 4: 133).

³ О чередовании *e/o* в корне см.: [Горбушина 2016: 145–157].

⁴ Кратко прокомментируем направление развития значения. Глагол *тпрумитъ* ‘давить, толкать’ возводится к **trōtъ*, в котором видят **tronkto*, сопоставляемое с лит. *traĩksmas* ‘гул, давка’, *trenkiù, treñkti* ‘ударить с грохотом’ (*‘теснить’), др.-сакс. *tringan* ‘давить, теснить’ [Фасмер 4: 110–111]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что этимологическая семантика корня связана с идеей трения.

⁵ Отметим, что она имеет вообще довольно широкое распространение в русских диалектах: яросл., том., кемер., сиб., курган., челяб., свердл., олон., волог., заонеж., тобол., иркут., мурман. *приторомко* ‘очень сладко, приторно’ (СРНГ 32: 23).

⁶ Мотивационно значимым, вероятно, является также то, что при холоде возникают неприятные телесные реакции.

Список источников

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой, Е. А. Нефедовой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова: Наука, 1980–. Вып. 1–.

АС – Активный словарь русской языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014–. Т. 1–.

БСПП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репр. воспроизведение изд. 1880–1882 гг. М.: Русский язык, 1989–1990.

Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / [под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной]. Киров: Коннетика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 2012–. Вып. 1–.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / [редкол.: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глушкина и др.]. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГДА – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: [б. и.], 1984–2011.

СГУК – Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006–. Вып. 1–.

Селигер – Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–. Вып. 1–.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. СПб.: Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Среднеурал. книж. изд-во: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРГСУ/Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРГЦРКК – Словарь говоров центральных районов Красноярского края: в 5 вып. / под общ. ред. С. П. Васильевой, О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева, 2003–2010.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССГ – Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

Список литературы

Аникин РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак: Нестор-История, 2007–. Вып. 1–.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Борисова Е. О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 306 с.

Горбушина И. А. Словообразовательное и этимологическое гнездо слов от праславянского корня *ter- в русском языке на славянском фоне: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 323 с.

Едалина А. А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 256 с.

Куркина Л. В. Этимология русских диалектных слов (русское диалектное назола) // Филоло-

гический сборник (к 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова). М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. С. 278–282.

Кучко В. С. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 339 с.

Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением брезгливости (посвирывать, кобзывать, скабежливый и др.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021а. Т. 23, № 3. С. 264–275. doi 10.15826/izv2.2021.23.3.058

Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением неприязни, вражды (озорочье, подсеваха, зуб грызть) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021б. № 9(455). Филологические науки. Вып. 126. С. 83–88. doi 10.47475/1994-2796-2021-10912

Сурикова О. Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 604 с.

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под. ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.

Шмелев А. Д. «Незначашее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 2009. С. 173–202.

ЭСЛЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 278 с.

References

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskij slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, *Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., Znak Publ., Nestor-Istoriya Publ.*, 2007–, issue 1–. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshchekoslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary in the General Slavic Context: Semantic and Motivational Recon-

struction]. Moscow, Russian Foundation for the Support of Education and Science Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)

Borisova E. O. *Russkaya leksika so znacheniem bystroty i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte*. Diss. kand. filol. nauk [Russian vocabulary with the meaning of quickness and slowness in the semantic and motivational aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2016. 306 p. (In Russ.)

Gorbushina I. A. *Slovoobrazovatel'noe i etimologicheskoe gnezda slov ot praslavyanskogo kornya *ter- v russkom yazyke na slavyanskom fone*. Diss. kand. filol. nauk [Derivational and etymological word families from the Proto-Slavic root *ter- in the Russian language in the Slavic context. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2016. 323 p. (In Russ.)

Edalina A. A. *Semantiko-motivatsionnaya organizatsiya leksicheskogo mnozhestva 'Kachestvennaya kharakteristika cheloveka po otnosheniyu k sobstvennosti' (na materiale russkikh narodnykh govorov)*. Diss. kand. filol. nauk [Semantic and motivational arrangement of the lexical set 'Qualitative characteristics of a person in relation to property' (based on Russian folk dialects). Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2015. 256 p. (In Russ.)

Kurkina L. V. *Etimologiya russkikh dialektnykh slov (russkoe dialektnoe nazola)* [The etymology of Russian dialect words (the Russian dialect word 'nazola')]. *Filologicheskii sbornik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Vinogradova)* [A Philological Anthology (in commemoration of the centenary of the birth of V. V. Vinogradov)]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995, pp. 278–282. (In Russ.)

Kuchko V. S. *Semantiko-motivatsionnoe pole 'Lozh', obman' v yazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov*. Diss. kand. filol. nauk [Semantic and motivational field 'Lie, deceit' in the language world of Russian folk dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2017. 339 p. (In Russ.)

Malkova Ya. V. K semantiko-motivatsionnoy interpretatsii russkoy dialektnoy leksiki so znacheniem brezglivosti (posviryvats', kobzovat', skabezhlivyy i dr.) [On the semantic and motivational interpretation of Russian dialectal vocabulary with the meaning of disgust (posviryvats', kobzovat', skabezhlivyy, etc.)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2021a, vol. 23, issue 3, pp. 264–275. doi 10.15826/izv2.2021.23.3.058. (In Russ.)

Malkova Ya. V. K semantiko-motivatsionnoy interpretatsii russkoy dialektnoy leksiki so znacheniem nepriyazni, vrazhdy (ozoroch'e, podsevukha, zub gryzt') [On the semantic and motivational interpretation of Russian dialectal vocabulary with 'dislike, enmity' meaning (ozorochie, podsevukha, zub gryzt')]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2021b, issue 9(455). *Filologicheskie nauki* [Philology. Theory & Practice], issue 126, pp. 83–88. doi 10.47475/1994-2796-2021-10912. (In Russ.)

Surikova O. D. *Leksicheskie edinitsy s pristavkoy i predlogom bez v russkikh narodnykh govorakh i fol'klore: semantiko-motivatsionnyy i etnolingvisticheskiy aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [Lexical units with the prefix and preposition 'bez' in Russian folk dialects and folklore: Semantic-and-motivational and ethnolinguistic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2016. 604 p. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. *Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika naimenovaniy odezhdyy v russkoy yazykovoy traditsii*. Diss. kand. filol. nauk [Associative-and-derivational and phraseological semantics of clothing names in the Russian language tradition. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2013. 350 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Transl. from German and complemented by O. N. Trubachev; ed. and pref. by B. A. Larin. Moscow, Progress Publ., 1986–1987, vols. 1–4. (In Russ.)

Shmelev A. D. 'Neznachashchee' i 'nevyrazhennoe' otritsanie (kognitivnye i kommunikativnye istochniki enantiosemy) ['Insignificant' and 'unexpressed' denial (cognitive and communicative sources of enantiosemy)]. *Logicheskii analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya* [Logical Language Analysis. Affirmation and Negation]. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 173–202. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund]. Ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev. Moscow, Nauka Publ., 1974–, vol. 1–. (In Russ.)

Yasinskaya M. V. *Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan*. Diss. kand. filol. nauk [The representations of eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 278 p. (In Russ.)

On Studying Semantic and Motivational Connections of Vocabulary of Disgust and Dislike

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00223
'Etymological and semantic reconstruction of Russian dialect vocabulary'

Yana V. Malkova

**Assistant in the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. yana-malkova@list.ru

SPIN-code: 2391-6261

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Submitted 20 Sep 2022

Revised 21 Sep 2022

Accepted 13 Jan 2023

For citation

Malkova Ya. V. K izucheniyu semantiko-motivatsionnykh svyazey leksiki so znacheniem otrashcheniya, nepriyazni [On Studying Semantic and Motivational Connections of Vocabulary of Disgust and Dislike]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 28–36. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-28-36 (In Russ.)

The article discusses the origin of some Russian dialectal lexical units that convey the feelings of disgust and dislike. Applying the method of semantic and motivational reconstruction, the author focuses on mechanisms and models of the development of semantics of negative emotional attitude. The study provides semantic and motivational interpretation of more than 9 dialectal lexical units, including *rachit'*, *glyano*, *chelyadinnyy*, *chomkiy*, *chmyra*, *chmonitsya*, *toromko*, *pritoromko*, *nazola*, etc. When analyzing the given words, in order to prove one or another research decision, the author draws semantic and motivational parallels citing words that demonstrate a similar course of the meaning development. For example, for words carrying the meaning of disgust and dislike, the enantiosemy mechanism was found to be productive, as is the case of the word *rachit'*, meaning 'to disdain', which the author considers to originate from the meaning 'to want, desire'. In some cases, where necessary, word-building and etymological remarks are provided. For linguistic facts whose etymology is established, the relevant data are provided, commented and, where possible, supplemented by the author of the article. Group semantic and motivational reconstruction allows interpretation of a number of lexical units meaning disgust and dislike with a sufficient degree of completeness and argumentativeness. As a result of the study on the semantic and motivational relations of dialect linguistic facts, the article provides a reconstruction of some folk traditional ideas of dislike and disgust, information on folk ideas of ethics and etiquette is given.

Key words: Russian dialect vocabulary; semantic and motivational reconstruction; semantic and motivational parallels; vocabulary of disgust; vocabulary of dislike.

УДК 398:81'27
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-37-45

Словотворчество в прикамском частушечном фольклоре: механизмы и функции

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»)*

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии
Институт гуманитарных исследований Пермского федерального
исследовательского центра Уральского отделения РАН
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. podjukov@yandex.ru

SPIN-код: 8516-2258

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Статья поступила в редакцию 27.09.2022

Одобрена после рецензирования 08.11.2022

Принята к публикации 13.01.2023

Информация для цитирования

Подюков И. А. Словотворчество в прикамском частушечном фольклоре: механизмы и функции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 37–45. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-37-45

Аннотация. В статье отражены результаты исследования лексического состава частушечных текстов Пермского края, зафиксированных в конце XX – начале XXI в. На материале прикамской фольклорной традиции (текстов страданий, любовных, военных и рекрутских, плясовых, корильных и сатирических частушек) рассматриваются наиболее продуктивные способы и средства частушечного словотворчества, исследуются деривационная структура новообразований и их функции. Отмечается близость частушечного словообразования к устно-разговорному народному словотворчеству в целом, отражение в частушечном жанре такого уровня лингвистической креативности, который связан со способностью безымянного народного автора осознанно варьировать языковое высказывание в соответствии с поставленной художественной задачей. Исследуются особенности семантики частушечных новообразований, их лексико-семантическое расслоение (именования и характеристики персонажей, названия эмоциональных состояний и отношений, музыкальных инструментов, разновидностей частушек и пр.). Выявляется полифункциональность частушечных новообразований (психологическая, игровая, экспрессивная, оценочная функции), направленность их на создание типических образов. Особое внимание обращено на исследование текстовой роли фольклорных окказионализмов. Анализируются способы текстовой актуализации фольклорных новообразований (сильная позиция в тексте, роль повторов разного типа). Делаются выводы о специфике окказионализмов как одного из средств частушечной поэтики, о проявлении в сфере фольклорного словотворчества универсальных народных наивно-лингвистических представлений, на которых основана традиция народного эстетического применения языка. Выявленное в текстах частушек разнообразие любовных номинаций связывается с направленностью их на заострение любовных коллизий. Относясь к средствам непрямого говорения, окказионализмы выражают внутреннее и внешнее проявление любовного чувства, разные степени проявления переживания. Обилие новообразований позволяет точнее передать индивидуальные особенности любовной истории, индивидуальный любовный опыт.

Ключевые слова: малые фольклорные жанры; язык фольклора; народное словотворчество; текстовые функции окказионализмов.

Функции слова в частушечном тексте

Частушка (в лучших ее образцах) одновременно выполняет несколько функций. Кроме выражения внутреннего мира и переживаний лирического героя, что составляет ее эмоционально-психологическое содержание, она обладает развлекательностью, игровым началом. Наличие подтекста, сложная экспрессивно-семантическая структура частушечного текста обуславливают его логико-смысловую уплотненность и усложненность структурно-языковых характеристик. Частушка, выражая в компрессивной форме внутреннее переживание (лирическую медитацию: духовное видение того или иного факта жизни в его лирико-философском восприятии), отражает «акт познания, позволяющий хоть немного приблизиться к тайне личности, а также к сущности жизненных явлений» [Симакова: эл. ресурс]. Ограниченность языкового объема частушки компенсируется насыщенностью частушечных текстов символами, тропами, сложными языковыми формами, повторами и вариантами (ср. в наблюдениях Кулагиной: сердце страдающей девушки героини может *ныть*, *занывать*, *вынывать*, *изноять* [Кулагина 2000: 136]). Одно из проявлений языковой усложненности частушки – разнообразие использованных в ней слов-окационализмов, которые, с одной стороны, понятны только из контекста, а с другой – принимают участие в формировании глубинного смысла текста.

К концу XIX – началу XX в. частушка становится самым популярным жанром русского фольклора. Последнее время, отмеченное нарушением форм эмоциональной жизни, угасанием многих творческих процессов социокультурного бытия, сказывается и на состоянии многих жанров традиционного фольклора. Слабо развиты навыки самовыражения жителей современной деревни, как и в современном обществе в целом (способность раскрывать и демонстрировать окружающим внутриличностный мир, выражать собственную индивидуальность). В деревенской среде усиливается межличностное эмоциональное отчуждение, которое в современном обществе носит почти всеобщий характер. На фоне угасающего традиционного фольклора частушка пока звучит – на конкурсах, фольклорных праздниках и ярмарках, однако все больше превращается из формы личного самовыражения в концертный жанр, содержащий отклик на актуальные события общественной жизни (частушки про ковид и самоизоляцию, санкции, Путина, Интернет и пр.). Исследователи все чаще отмечают трансформацию жанра: перерождаясь в школьную, корпоративную, политическую, ре-

кламную, частушка теряет былой мифопоэтический контекст, ориентируется на литературно-художественную форму, принятую в СМИ и Интернете [Тубалова 2011: 51].

Живущие в основном в памяти старшего поколения, тексты традиционной частушки сохраняют значение и как свидетельства времени, и как особая сфера существования словесной культуры. Для языка частушки типична способность накапливать в своем составе и гармонически уравнивать элементы различных временных и социальных пластов (отмеченная А. Т. Хроленко фольклорная «аккумулятивность» [Хроленко 1991: 123]). Входящая в ядро частушечного словаря лексика выражает фольклорные стереотипы мышления во многом благодаря своей архаичности и ограниченности употребления (хотя, конечно, в частушке получают эстетическую функцию и общие формы «нехудожественного» языка). Примером редкого слова, используемого в частушке, может быть прилагательное *чательный* (*Эх ты боля, эх ты боля, эх ты боля чательный. Боля росту небольшого, боля замечательный*). Форма, напоминающая сегментацию и деформацию слова *тщательный* ‘аккуратный’. Слово *синета* ‘отлив синего цвета’ (*Сине море разливное покрывалось синетой. Взали милого в солдаты, я осталась сиротой*) используется вместо более частотного *синева*; также представляя синее пространство как отвлеченный признак, оно отличается более низкой степенью абстрактности (акцент на физическом признаке усиливает в тексте символическую тему синего как цвета моря, водных глубин, связанного с тоской и грустью). Слово *шаять* в частушечных текстах может быть использовано не в своем обычном значении ‘тлеть’ (*Вот она и заиграла, двадцать пять на двадцать пять. Наша маленькая шаечка зашаяла опять*). Оно связано здесь с более архаичным смыслом – ‘совершать колебательные движения, приходить в движение’ [Меркулова 1981: 123]. Значение в большей степени согласуется с семантикой всего текста, где тему веселья передает не образ горения, а образ движения. Глагол *укнуть* (*Машина укнула, пошла, поехал мой Алёшенька, платочком белым помахал – прощай, моя хорошенька*) передает глухой звук отправляющегося поезда (в диалектах *укнуть* используется как обозначение низкого однократного звука). Этот звук точнее, чем более интенсивный глагол *ухнуть*, подчеркивает внутреннее состояние героини, показывает ее психологическую закрытость (соотносится с ономапом у-у, имитирующим стон, плач).

Методы и материал исследования

Сфера фольклорного словотворчества ярко иллюстрирует народные наивно-лингвистические представления, на которых основана традиция народного эстетического применения языка. Предмет настоящего исследования – уральская любовная частушка. Частушка по преимуществу является молодежным жанром, тесно связана с темой любви, выражает разные степени проявления переживания, внутреннее и внешнее проявление любовного чувства. Ее язык, соответственно, отличает обилие средств, направленных на выражение этого сложного, нередко противоречивого чувства.

В статье исследовались ранее опубликованные прикамские частушки (прежде всего, из сборника «Уральские частушки о любви» И. В. Зырянова, Пермь, 1966), а также собранные автором статьи в 1980–2010 гг. в Карагайском, Кишертском, Кунгурском, Нытвенском, Чернушинском, Чердынском и других районах Пермского края тексты (по большей части хранятся в фондах Центра этнолингвистики народов Прикамья, Пермский педагогический университет). Частушечные окказионализмы охарактеризованы по способам образования, по их отнесенности к семантическим группам. При интерпретации окказиональной единицы мы учитывали абсолютную зависимость окказионализма от контекста, исходили из того, что ситуация, контекст, наличие в контексте повторов и вариантов, вообще слов с общими семантическими элементами определяют характер окказионализма, его эстетическую нагрузку. Во многих случаях применение окказионализма подчеркнуто его позицией в тексте (часто – в зачине), сопровождается повтором. Повтор корня развивает семантическую тему, часто используется для актуализации символического смысла слова. Так, в тексте *Эх, тучка за тучку затучилась, долго милого не видела, соскучилась* тройной повтор корня *туч-* актуализирует тему неприятности, печали, тоски (в связи с переносным значением *туча* ‘о грозящей беде, неприятности’). Слово *перепутать*, восходящее к *перепутаться* ‘прийти в беспорядок’, оценивает беспорядочность милого в отношениях (*Я иду по перепуте, перепутанной траве. Перепутанная совесть, ягодиночка, в тебе*). Слово *суда* ‘кто осуждает, судит’, созданное по аналогии с *задира* ‘кто задирается’, *рёва* ‘кто ревет’, диалектным *суя* ‘кто суется, мешает’, задает четырехкратный корневой повтор, что усиливает отрицательную оценку (*Бабы-суды, бабы-суды, Бабы-пересудочки. Осудили бабы нас За коротки юбочки*). По словам исследователей, в таких случаях народная лирика демонстрирует принцип «поз-

тического подчеркивания», «психологического расчета» [Еремина 1978: 162].

Основные способы образования частушечных окказионализмов

Критерием окказиональности считается отсутствие слова в известных словарях, образование его из морфем, уже существующих в языке, и с помощью представленных в системе языка словообразовательных способов. В текстах частушек отмечено немало «заумных» искусственных, намеренно сконструированных слов, применение которых может приводить к своеобразному иноговорению: *Куплю милому тарью-барью – не может он носить. Куплю чубарью с вереверью тарью-барью возить*. Гармонь здесь названа *тарья-барья*, поскольку частушка характеризует милого и его желание играть на гармонии иронично (сочетание *тары-бары* используется обычно как оценка пустых разговоров). Лошадь для ее перевозки – *чубарья* (в связи с *чубарый* о коне редкой масти с овальными пятнами по телу); словом *вереверья* обозначен повод (ср. в тюремном жаргоне *верьверья* петля). Тексты с подобными «тарабарскими» вставками хорошо известны в фольклоре (например, часты в эротических текстах, в свадебных песнях – обычно для замены непристойных слов, имитации «иностранный» или пьяной речи, а также для создания ритма и звукоизображения; они, выражая любование «звоном» слова, дают простор воображению слушателей [Федорова 1981: 41]). Аналогично как звуковая вставка используется в известных «Нескладушках» М. Мордасовой наречное образование *тинтель-винтель* («*Послушайте частушечки, спою вам нескладушечки – Тинтеля, тинтеля, винтеля, тинтеля, тинтеля...*»). Сочетание, вероятно, связанное с *финт* ‘обман’ (из немецкого языка), широкозначно, используется в просторечии как шутливая брань, как обозначение секса, как выражение удовольствия. На уровне звуко-символизма оно подчеркивает пребывание участников веселья не в реальной ситуации, а в игре.

В частушке *Ваня ты, Ваня ты, Ваня розовы цветы. Ваня, я в тебя втююнилась, втююнился ли ты* звукоизобразительный глагол подчеркивает физиологический аспект чувства (как в глаголах *втюриться, втюхаться, втрескаться* – в них также влюбленность показана через уподобление нахождению в физически трудном положении). Этот смысл усилен сопоставлением с идеализацией героя в начале текста, где он назван *розовы цветы* (милый часто романтически связывается с *розой*: *Каждый день в рубашке розовой, сегодня в голубой. Как ему не возноситься: каждой девушке любой*).

Сочетание *сирь-бирь-бирь* (*Сирь-бирь-бирь конфеты ела, сирь-бирь-бирь из баночки, сирь-бирь-бирь избаловалась хуже хулиганочки* – текст из репертуара братьев А. и Г. Заволокиных), скорее всего, также мотивировано звукоимитацией (игры на гармошке, разговора, перебирания леденцов в баночке) и, возможно, одновременно является отсылкой к названию Сибири. В народной речи встречаются образования со звуковым комплексом, передающим звук *сбир/бер*, соотносимый с разговорами, шумом (например, калужское *серба* прозвище болтливой женщины (СРНГ 37: 181), смоленское и одесское *сёрбатъ* ‘звучно хлебать’). Из-за своей особой звучности сочетание *сирь-бирь-бирь* используется как название хоров (Кубань), фольклорных детских студий (Красноярск). Поедание конфет (ответ на ухаживание) героиня соотносит со своим будущим (глагол *избаловаться* использован в значении ‘приобрести порочные привычки’).

Типичная для частушки тавтология также связана со словопроизводством. Тавтология отражает особый способ фольклорно-образного мышления, выполняет функцию «выражения общего, типического, что характерно для художественного стиля устной поэзии...» [Евгеньева 1963: 139]. Она обеспечивает взаимодействие смысловых оттенков слов («усугубление в речи одного и того же слова», в результате чего рождаются дополнительные смыслы [Потебня 1968: 186]). Так, слово *игручий* (*Гармонисту за игру, за игру игручую – приходи назавтре есть картошку рассыпучую*) с суффиксом *-уч-* не связано с обозначением склонности к какому-нибудь действию, а отмечает его длительность и интенсивность. Тавтологизм своей двусмысленностью (прилагательное *игручий* – ‘игривый, веселый’ и одновременно, что проявлено в контексте, ‘несерьезный, ненастоящий’) придает частушке комический эффект.

Неотъемлемый элемент языка частушки – диминутивы, слова, в которых подчеркнут малый размер называемого, а на самом деле выражается доброжелательность и сочувствие к нему. Как известно, диминутивов много в живой речи: «Для разговорной диалектной речи характерно обилие ласкательных и уменьшительно-ласкательных форм слова» [Блинова 1975: 82]. В фольклорных текстах они значимы не только из-за своей высокой эмоциональной насыщенности, важнее то, что они выступают как условные слова-эмблемы с постоянным смыслом, заданным не индивидуальным восприятием, а традицией. В частушке *Дорожиночка на льдиночке, а я на берегу. Перебрось, милка, тесиночку, к тебе перебегу* обозначена этой формой не слабая степень любовного чувства, не легкость отношений,

а, напротив, их сила (представление себя большим, сильным и уверенным).

«Живое непосредственное чувство, рождающее частушечный текст, прихотливо выбирает слова, нужные для его выражения, а в случае недостатка их создает новые, передающие с максимальной точностью требуемый оттенок мысли или чувства» [Колпакова 1966: 269]. Язык частушки демонстрирует разнообразие способов создания окказиональных единиц, слов, которые используются как переименования ранее обозначенных в языке фрагментов мира, фактов эмоционального опыта (оттенки таких эмоций, как радость, счастье, печаль, отчаянье, боль). На первом месте, безусловно, стоят разновидности суффиксального словообразования. Это отглагольные существительные *игриночка* – название гармошки, *скакуха* – название плясовой частушки, *прискаженька* – частушка по поводу. Свойства суффикса способны влиять на семантику новообразования. Так, суффикс *-тель* (имеет официальный или книжный характер) вносит в текст отчужденности: *Дороги родители, поители, кормители, наши завлекатели дорожке отца-матери* (аналогично тексту *Дорогой не провожай, найдется проводителей*). Слово *спальщик* ‘тот, с кем есть только физическая любовь’ (*Отворяй, мамаша, двери, дочка пьяная идет, стели мягкую постелю, себе спальщика ведет*) содержит прямую неприятную оценку приведенного кавалера. Образованы от прилагательных слова *коротушка* ‘частушка’, *голубиночка* ‘ягода голубого цвета’, *беляночка* ‘о милой’. В последнем случае цветное обозначение не оценивает внешний вид светловолосой или белокожей девушки, а является идеализирующей характеристикой (*Девушки-беляночки, пойдёмте на гуляночки...*), ср. в диалектах *беляйка* ‘приветливая и красивая женщина’ (СРНГ 2: 207); *белянушка* ‘женщина или девушка, которой хотят выразить свою любовь, ласковое отношение’ (там же: 241). Образование *черночек* (*На милёночке черноночке печатные пимы...*), скорее всего, лишено символического смысла (с черным цветом обычно соотносятся социальные характеристики человека [Вендина 1999: 301]), вероятно, указывает на черные волосы, смуглую кожу милого, выделяя его среди других. Изредка используется при образовании окказионализмов-существительных нулевая суффиксация: в тексте *Бабы-суды, бабы-суды, Бабы-пересудочки. Осудили бабы нас За коротки юбочки* слово *суда* (кто осуждает) от *судит*, аналогично словам *задира* ‘кто задирается’, *рева* ‘кто ревет’. Использование префиксальных новообразований встречается намного реже. Общеусилительный, выделительный смысл имеет префикс *пере-*: *Люблю*

дроллю-передролю, дролю-выдроллю-дроллю; Ох ты мильчик мой, перемильчик мой, Пожила бы я с тобой, с разудалой головой; Сошью кофту-перекофту, кофту-выкофту-кофту... Морфема с основным значением повторного действия или явления в этих контекстах выражает избыток чувства героини.

Из неморфологических способов отметим использование сложения: *лиходейка* (название соперницы: *Охвати, милой, покрепче – лиходеечка идёт...* – из сочетания *деять лихо*), *самоходочка* (подруга, любовница: *Открывай-ка, мать, ворота, Сын с гуляночки идет. Открывай да и пошире: Самоходочку ведет*); *сладкопоцеловочка* (*Ягодина моя, сладкопоцеловочка. Раньше меня целовал – Теперь – остановочка*). Сложные слова представляют собой сложное, расчлененное наименование персонажа, к которому герой испытывает сложные чувства.

Продуктивно суффиксальное образование прилагательных. В фольклорной морфемике популярны суффикс *-чат-* со значением 'имеющий что-л. в большом количестве или в большой степени' (*Ваня, Ваня, ванчатый, какой Ваня обманчивый*), суффикс *-ист-* с близкой семантикой (*Ох, ты Ваня-Ванистый, Какой ты музыканистый; Коля, Коля, колистый, какой Коля подбористый* – от *подбор* наряд, *Шура шуристый, какой Шура фигуристый*). Здесь суффиксы используются для подчеркивания значимости милого, для выделения имени любимого.

В образовании глаголов продуктивны формы с суффиксом *-и-* (*баянить, тальянить, засимпатить* (от *симпатка*: *Рубашка бела, полосата – засимпатила меня, А вторая, голубая, скоро высушит меня*). Аналогично созданы глаголы *шурить, петить* с условным значением 'быть в любовных отношениях, ходить с Шурой, Петей': *Шурила я, шурила, всю я ночь дежурила. Всю я ночь дежурила – Шуру караулила. Петила да петила, была симпатка Петина*. Подобные формы передают ощущение своей неотрывности от любимого, «растворение» в нем, любование не только милым, но и его именем. Префиксальные отглагольные формы в частушках распространены реже. Приобретают усилительный смысл образования типа *перестоить* со значением 'соответствовать в большей мере': *Я свою соперницу стою-перестою, Стою выходкой своей, Стою красотю*.

Как способ семантической деривации в частушечных новообразованиях нередко используется метафорический перенос. В названии милого *гоноболинка* (*Гоноболинка моя, что ты гоноболишься...*) использована аналогия милого с ягодой (название восходит к вышедшему из употребления названию голубики *гонобол*, *гонобо-*

бель, она же в народной терминологии *пьяника, дурника*). Устойчивое определение *гармошка-горностайка* (*Эх, гармошка-горностайка, приди, милка, приласкай-ка*) мотивировано аналогией разноцветных мехов инструмента и маленького пушного зверька с пестрым мехом (летом мех буровато-рыжий, зимой снежно-белый). Слово *барнаулить* (*Я иду не барнаулю, Ты иди, не барнауль. Я тебя не караулю, Ты меня не карауль*) содержит пермский глагол *барнаулить* 'назойливо ухаживать, приставать' (ср. сиб. «громко кричать; просить помощи», в уголовном жаргоне «устраивать беспорядок» (Словарь современной лексики)). Упоминание центра Алтайского края города *Барнаул* имеет, на наш взгляд, свою историческую подоплеку: пермяки контактировали с населением этого края, поскольку горнозаводчик Акинфий Демидов (основатель города Барнаула) переводил сюда с Урала приписных крестьян для закладки заводов («барнаульские», т. е. заводские, в отличие от безденежных крестьян, отличались, конечно, большей свободой поведения).

Таким образом, в частушках при создании окказионализмов задействованы самые разные словообразовательные способы и средства. Включение новообразований в текст связано прежде всего с их повышенной экспрессивностью.

Лексико-семантические группы частушечных окказионализмов

Лексические новообразования в частушках включены в большое количество лексико-семантических групп. Значительную часть частушечных окказионализмов составляют названия самих текстов, представляющих жанр частушки, в которых часто отмечается обозначение манеры исполнения частушек, их характер (архангельская *Рассыпуха*, белгородская *Акулина*, вологодская *Субботка*, воронежская *Разнесуха*, сибирская *Тараторка*, уральская *Голубка*, пермские *Набирушка*, *Ихохонюшка*, *Прискаженька*, см. подробнее: [Первушина 2021], [Зырянов 1966: 5]). В названиях отмечается предназначенность частушек (*собирушки* сводят воедино, *скакуха* называет плясовую песенку), манера исполнения (*пригудка* от *гудеть* 'издавать длительный протяжный низкий звук'), размер (*коротушка*). Слово *ихохонька* (отмечен также вариант *ихохошка*) обозначает особое взвизгивание при исполнении частушек этого типа (ср. пермское диалектное *ихохониться/ игогониться* 'визжать'). Нередко названия типов частушек хранят память о региональных особенностях культурной традиции. Так, частушки *притабора* названием связаны с временным поселением *табор* и богатым селом и пристанью *Таборы* в Оханском рай-

оне Пермского края (сюда во второй половине XIX в. приходили грузы и разные товары для Очёрского и Павловского заводов и была развита своя праздничная традиция).

Развернутый ряд составляют окказиональные названия музыкальных инструментов. Это подчеркивающее сущность предмета название по функции (*Хороша игриночка, играет ягодиночка*); по виду (*Милый в вяточку-тальяночку играет хорошо...*; *тальянка от итальянка* 'однорядная ручная диатоническая гармоника итальянского строя', *вяточка* 'хроматическая гармонь', считалась упрощенным вариантом тальянки). В тексте *Балалайка-лайка-лайка, Балалайка-лаечка, в балалаечку играет моя ненаглядочка* инструмент назван по характерным для него громким, резким и отрывистым звукам. Игрок может быть назван *гармонщик, гитарь* (*Я гитаре подгитарю, гитарю подгитарю...*; слово создано по типу *лекарь, пекарь*, с помощью суффикса, обозначающего лицо, производящее действие).

Отдельные новообразования (*баянить, тальянить*) отражают манеру пения, игру на музыкальных инструментах, их звучание: *Вот пришли и заиграли вот и забаянили (затальянили); Ты, тальяночка, тальянь, Любое имечко Иван; Ты играй, гармошка, ладь, а я буду припевать (ладить здесь строить, 'гармонично сочетать звуки и созвучия')*. Глагол *ойкать* 'пропевать, произносить в пении «ой»' (*Все я песни перепела, все я переойкала*) характеризует один из способов исполнения страданий. Частушка *Топай, топай, топочка, отлетывай, подметочка* содержит указание на типичное для плясовых частушек при топывание ногами.

Среди новообразований немало слов, оценивающих любовное поведение (*ягодиниться* 'ухаживать': *Ягодина, ягодина, ты не ягодинься..., заухажорить* 'увлечь': *Дура я, заухажорила четырех человек. Надо бы заухажорить одного на целый век*). С их помощью передается эмоциональное состояние, соотнесенное с любовным чувством (*оиться: Я бывало оилась, бывало беспокоилась...*; *Ойся, ойся, Ты меня не бойся, Я тебя не укушу, Ты не беспокойся*), отношение (*уважина* вместо *уважение: Уважала, уважала – уважина в путь нейдет. Сколь платочков подарила, все на ленточки дерёт*). Встречаются названия черт характера (*Боевая, боевая, боевинка во мне есть...*), описательные оценки глаз (*Ой, глазки мои, серые прижмурки...; глазки карие, глазки карие, карие кариночки...*). Наиболее обширна группа названий основных героев частушечных персонажей, которые оформлены как ласковые, умильные, строгие, шуточные, серьезные. Доминируют среди них названия милой и милого.

Названия милой представлены развернутым рядом – *матаня* (*Говорил мне Ванечка: Расти, моя матанечка*), возможно, от мотаться 'двигаться из стороны в сторону, сильно качаться'), *эхехенька* (образовано от междометия восхищения: *Из-за лесу не видать нашу деревеньку. Надо к лету наживать каку-то эхехеньку*). В них подчеркивается сила любовного переживания: *зазноба, пряточка, истомочка, приманилка* (*Эх, милка моя, приманилка моя!*). Слово *гоноболинка* (*Гоноболинка моя, что ты гоноболишься*) соотношением милой с названием дурманящей ягоды (ср. другие ее народные названия *пьяника, дурника*) подчеркивает состояние влюбленного. Как и в целом ряде других случаев, слово намеренно выделяется с помощью корневого повтора (ср. также о названии милой *крутилочка: Эх ты милочка, крутилочка, крутое колесо, Закрутила мою голову и думаешь – хорошо*).

Аналогично строятся **названия милого**, отмечающие отношение к нему (*помилаша, завлекаша, дорожиночка: Помилаша в Красной Армии Служу, не унывай, Служу Советскому Союзу И меня не забывай; Дорогая дорожиночка, не делай боле так, Под мою веселу песенку играешь кое-как; Завлекаши, да не наши, завлекают, да не нас. А как наши завлекаши Далеко живут от нас*). Образованное от *забавлять* 'развлекать, занимать чем-нибудь веселым и приятным' именование милого *забавлюшечка* в текстовом употреблении подчеркивает глубину переживания девушки (*Всю слезами оболюю пуховую подушечку. Судьба заставила любить чужую забавлюшечку*).

Сложный случай именованья милого – слово *макароля: Коля, Коля, макароля, макароля Коля мой, Коля с новой макаролочкой Гуляет под горой*. Вероятно, название родственно имени *Макар*. Имя получило в русском языке разнообразные смысловые развертывания. *Макаром* называют бедного, невезучего, а с другой стороны – плута, хитреца; оно известно и как шуточное название рыбака (ср. также старое *макарыга* 'попрошайка'). Символические развертывания могут восходить к этимологии имени, ср. *Макар* и греческое *makaria* «блаженство»; *Макарийские острова*, или *острова блаженных*, – известная в русской культуре мифическая область, сакральная заморская страна, расположенная посреди океана (ср. у К. Бальмонта о *макарийцах*, не знающих горя: *На Макарийских островах Живут без горя человеки, Там в изумрудных берегах Текут пурпуровые реки. Там камни ценные цветут, Там все в цветенье ...вечно юном, Там птицы райские живут – Волшебный Сирип с Гамаюном...*). Учитывая отрицательно-иронический смысл контекста, можно предполагать

обозначение словом *макароля* того, кто получает удовольствие (в контексте частушки – незаслуженно).

Негативных оценок милого в частушках немало, что объясняется действием «специфической социально-коммуникативной стратегии, характерной для деревенского сообщества» – стремлением говорящего смягчить категоричность своих высказываний «непрямым» говорением, намеками [Березович, Леонтьева 2017]. Поведение милого обычно оценивается смягченно, чтобы избежать категоричности. Так, высмеивается шуткой непостоянство милого, который все равно называется *моим* (*Мой миленок, повертёнок, повертушечка моя*; непостоянство милого оценивается отглагольной номинацией – от *вертеться* ‘увиливать, прибегать к уловкам, уклоняясь от прямого ответа’).

Более категоричны негативные характеристики **соперницы, разлучницы**: *лиходейка* (*Охвати, милой, покрепче – лиходеечка идёт...*), *перебейка* (*Перебеечка намазалась, сидит красивая – из перебивать ‘пытаться пересилить, соперничать в любви с кем-л.’*), *отбивушка отбивалочка* (*Ты подружка-отбивушка, отбивай, тебе идет; Ой ты, Валя дорогая, Отбивалочкой не будь*), *навязница* (*Ты не думай, я не дура, Не навязница твоя, – Будет время, пожалеешь, Когда замуж выйду я*), *тараторочка* (*Говорила я миленку, говорила я не раз: ты не пей у тараторочки ни воду и ни квас – из названия болтливой*), *подмигушка* (*Ой подружка-подмигушка, не люби мово дружка – из осмысления подмигивания как флирта, заигрывания*).

Заключение

Новообразования в частушках не столько называют персонажей, предметы внешнего мира, действия героев любовной истории, сколько выражают широкий спектр эмоций и чувств. Обилие любовных номинаций в частушках – следствие попытки осмыслить суть многоликого, неуловимого и изменчивого чувства любви, живущего по законам воображения (при этом «подлинное чувство в частушке намеренно сокрыто, упрятано глубоко, так как частушки исполняются прилюдно» [Подюков 1999: 359]). С помощью окказиональных названий заостряются любовные коллизии, подчеркивается сама основа отношений в любви – и прежде всего любовный конфликт. Окказионализмы относятся к средствам непрямого говорения, что связано с содержательной стороной понятия «любовь», логически слабо определяемого и от этого бесконтрольного чувства. Благодаря окказиональной лексике выражается внутреннее и внешнее проявление любовного чувства (разлуки, печали,

радости), разные степени проявления переживания (реакция на измену, расставание, разрыв отношений; ожидание, прощение). Разнообразие окказионализмов позволяет точнее передать индивидуальные особенности любовной истории, индивидуальный любовный опыт, оттенки любовного чувства и любовной игры.

Список источников

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 315 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2005. Вып. 37. 232 с.

Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: rus-yazniv.ru (дата обращения: 12.02.2022).

Список литературы

Березович Е. Л., Леонтьева Т. В. Намек в диалектной лингвокультурной среде: жанровая разновидность частушек и лексические репрезентации понятия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 6–26.

Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Материалы для спецкурса. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. 257 с.

Вендина Т. И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. М.: Индрик, 1999. С. 277–304.

Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л., 1963. 348 с.

Еремينا В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. 183 с.

Зырянов И. В. Уральские частушки о любви. Пермь: Книж. изд-во, 1966. 196 с.

Колпакова Н. П. Типы народной частушки // Русский фольклор. Специфика фольклорных жанров. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 10. С. 264–288.

Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.

Меркулова В. А. Заметки по русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 114–124.

Первушина Е. В. Актуальные вопросы изучения плясовой частушки // Культура и искусство. 2021. № 7. С. 17–26.

Подюков И. Частушка: поэтический примитив или поэтический изыск? Заметки фольклориста // Третья Пермь. Пермь: Перм. отд-ние литер. фонда России, 1999. С. 358–366.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 376 с.

Симакова М. С. Платок в русской частушке: традиция и новации // Фольклор и постфольклор: структура. URL: www.ruthenia.ru/folk-

lorelaboratory/Simakova.htm (дата обращения: 10.02.22).

Тубалова И. В. Современная письменная частушка: новая художественная форма в современной культурной парадигме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 50–58.

Федорова В. П. Особый тип припева в необрядовых лирических песнях // Русский фольклор. Л.: Наука, 1981. Вып. XXI. С. 38–46.

Хроленко А. Т. Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Т. XXVI. С. 122–133.

References

Berezovich E. L., Leont'eva T. V. Namek v dialektnoy lingvokul'turnoy srede: zhanrovaya raznovidnost' chastushek i leksicheskie reprezentatsii ponyatiya [A hint in dialectal linguocultural environment: the ditty genre and lexical representations of the notion]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, issue 47, pp. 6–26. (In Russ.)

Blinova O. I. *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu. Materialy dlya spetskursa* [Introduction to Modern Regional Lexicology. Materials for the Special Course]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1975. 257 p. (In Russ.)

Vendina T. I. Tsvet v etnokul'turnoy sisteme russkogo, staroslavianskogo i drevnerusskogo yazykov [Color in the ethnocultural system of the Russian, Old Slavic and Old Russian languages]. *Slavyanskiy al'manakh 1998* [Slavic Almanac 1998]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 277–304. (In Russ.)

Evgen'eva A. P. *Ocherki po yazyku russkoy ustnoy poezii v zapisyakh XVII–XX vv.* [Essays on the Language of Russian Oral Poetry in the Records of the 17th–20th Centuries]. Moscow, Leningrad, 1963. 348 p. (In Russ.)

Eremina V. I. *Poeticheskiy stroy russkoy narodnoy liriki* [The Poetic Structure of Russian Folk Lyrics]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 183 p. (In Russ.)

Zyryanov I. V. *Ural'skie chastushki o lyubvi* [Ural Ditties About Love]. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 196 p. (In Russ.)

Kolpakova N. P. Tipy narodnoy chastushki [Types of folk ditties]. *Russkiy fol'klor. Spetsifika*

fol'klornykh zhanrov [Russian Folklore. The Specific Feature of Folklore Genres]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, issue 10, pp. 264–288. (In Russ.)

Kulagina A. V. *Poeticheskiy mir chastushki* [The Poetic World of Ditties]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 303 p. (In Russ.)

Merkulova V. A. Zametki po russkoy dialektnoy leksike [Notes on Russian dialect vocabulary]. *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological Studies]. Sverdlovsk, 1981, issue 2, pp. 114–124. (In Russ.)

Pervushina E. V. Aktual'nye voprosy izucheniya plyasovoy chastushki [Topical issues in the study of the dance ditty]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2021, issue 7, pp. 17–26. (In Russ.)

Podyukov I. Chastushka: poeticheskiy primitiv ili poeticheskiy izysk? Zametki fol'klorista [Chastushka: poetic primitive or poetic sophistication? A folklorist's notes]. *Tret'ya Perm'* [The Third Perm]. Perm, Perm Branch of the Literary Fund of Russia Publ., 1999, pp. 358–366. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Moscow, Prosvetshcheniye Publ., 1968, vol. 3. 376 p. (In Russ.)

Simakova M. S. Platok v russkoy chastushke: traditsiya i novatsii [A babushka scarf in a Russian ditty: Tradition and innovation]. *Fol'klor i post-fol'klor: struktura* [Folklore and Post-Folklore: Structure]. Available at: www.ruthenia.ru/folklore-laboratory/Simakova.htm (accessed 02 Oct 2022). (In Russ.)

Tubalova I. V. Sovremennaya pis'mennaya chastushka: novaya khudozhestvennaya forma v sovremennoy kul'turnoy paradijme [Modern written chastooshka: The new art form in a modern cultural paradigm]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 2011, issue 4, pp. 50–58. (In Russ.)

Fedorova V. P. Osobyi tip pripeva v neobryadovykh liricheskikh pesnyakh [A special type of a refrain in non-ritual lyrical songs]. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, issue XXI, pp. 38–46. (In Russ.)

Khrolenko A. T. Svoebrazie fol'klornogo slova [The originality of a folk word]. *Russkiy fol'klor. Problemy tekstologii fol'klora* [Russian Folklore. Problems of Textology of Folklore]. Leningrad, 1991, vol. XXVI, pp. 122–133. (In Russ.)

Word-Creation in Ditty (Chastushka) Folklore of the Kama River Area: Mechanisms and Functions

*The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00117
'Traditional culture of Russians in areas of active interethnic contacts in the Urals and the Volga region'*

Ivan A. Podyukov

**Professor, Senior Researcher in the Department of History, Archaeology and Ethnography
Institute of Humanities Research,**

Perm Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. podjukov@yandex.ru

SPIN-code: 8516-2258

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Submitted 27 Sep 2022

Revised 08 Nov 2022

Accepted 13 Jan 2023

For citation

Podyukov I. A. Slovtvorchestvo v prikamskom chastushechnom fol'klоре: mekhanizmy i funktsii [Word-Creation in Ditty (Chastushka) Folklore of the Kama River Area: Mechanisms and Functions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 37–45. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-37-45 (In Russ.)

Abstract. The article presents the results of a study on the lexical composition of ditty (chastushka) texts recorded in the Perm region at the end of the 20th – early 21st centuries. On the material of the Kama folklore tradition (suffering texts, texts of love, dance, military and recruiting, reprobating, and satirical ditties), the most productive means and ways of ditty word-creation are considered, the derivational structure of the new formations and their functions are analyzed. The closeness of the ditty word-formation to the oral-colloquial folk word-creation in general is noted. The ditty genre shows the level of linguistic creativity associated with the ability of a nameless author to consciously vary a linguistic utterance in accordance with the artistic task set. The paper studies the semantics of the new formations found in ditties, their lexical-semantic stratification (names and features of the characters, names of emotional states and relationships, musical instruments, varieties of ditties, etc.). The polyfunctionality of ditty new formations (psychological, expressive, evaluative, play functions) and their focus on creating typical images are shown. Particular attention is paid to the study of the textual role of folklore occasionalisms. The ways of textual actualization of folklore new formations (a strong position in the text, the role of repetitions of various types) are analyzed. The author draws a conclusion about the specific features of occasionalisms as one of the means of ditty poetics, about the manifestation in folklore word-creation of universal folk naive-linguistic ideas, on which the tradition of folk aesthetic use of language is based. The variety of love naming units revealed in the texts of ditties is associated with their focus on sharpening love collisions. Being the means of indirect speaking, occasionalisms express the internal and external manifestation of a love feeling, different degrees of manifestation of emotional experience. The abundance of new formations makes it possible to convey the individual characteristics of a love story, an individual love experience with greater accuracy.

Key words: small folklore genres; folklore language; folk word creation; text functions of occasionalisms.

УДК 070:659
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-46-57

Рекламный сериал в печатных СМИ рубежа XIX–XX вв.: путешествия Дяди Михея в рекламе Товарищества «Лаферм»

Полина Алексеевна Рожкова

лаборант Топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. polina348@gmail.com

SPIN-код: 2318-3660

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6198-9719>

ResearcherID: C-2766-2019

Статья поступила в редакцию 12.11.2022

Одобрена после рецензирования 02.12.2022

Принята к публикации 25.12.2022

Информация для цитирования

Рожкова П. А. Рекламный сериал в печатных СМИ рубежа XIX–XX вв.: путешествия Дяди Михея в рекламе Товарищества «Лаферм» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 46–57. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-46-57

Аннотация. Статья посвящена серии рекламных текстов, объединенной общим персонажем и сюжетом. Появившиеся в печатной рекламе рубежа XIX–XX вв., такие серии могут быть рассмотрены как первые проявления жанра рекламного сериала, в которых, наряду с доминирующей тенденцией к информативности, характерной для начала XX в., появляются новые приемы, усиливающие экспрессивную и манипулятивную составляющие текста. Для анализа были взяты рекламные тексты, размещенные в региональной газете «Уральская жизнь» (1903 г.). В рассмотренном массиве рекламных текстов обнаружена только одна серия, связанная сюжетом и персонажем, опубликованная в ноябре–декабре 1903 г. Она посвящена папиросам Товарищества «Лаферм». Вместо повтора на протяжении нескольких месяцев одного и того же текста, свойственного рекламе этого периода, читатель получает новый текст в каждом номере. Оформление текстов в целом стилизовано под телеграммы, а каждый отдельный текст стилизован под рэпный народный стих. Все вместе они складываются в своеобразный роман-путешествие или же путевые заметки в стихах. Важными составляющими текста являются персонаж (представитель фирмы) и его взаимодействие с читателями. Именно они, а не сам товар, выходят на первый план. Отказ от подробного информирования о товаре также является новаторской чертой развивающейся рекламы. Персонаж, объединяющий все тексты, преподносится авторами как символ рекламируемой продукции и Товарищества, что позволяет говорить не только о новой форме рекламы, но и о более комплексном подходе к презентации товара, а именно об основах формирования бренда.

Ключевые слова: рекламный текст; рекламный сериал; печатная реклама; рубеж XIX–XX вв.; манипулятивные тактики в рекламе.

Период рубежа XIX–XX вв. характеризовался активным развитием рекламы в печатных СМИ. В указанный период информативность все еще преобладает над другими свойствами текстов, рассказывающих о товаре или фирме. «Рекламные тексты XIX в. имеют скорее повествовательный, чем побудительный характер, и чаще

сообщают об услуге или товаре, чем призывают воспользоваться ими или купить что-нибудь» [Тарасова 2018: 227]. Рекламные тексты отличаются сложностью и подробностью: «с одной стороны, это большое количество профессиональных слов, понятных только специалистам, употребление слов в их конкретных предметно-

логических значениях, с другой – широкий спектр суггестивных приемов» [Миронова 2008: 94]. В это же время происходит активный поиск новых путей взаимодействия с потенциальным покупателем, авторы соревнуются, придумывая новые языковые и оформительские приемы. Характерно разнообразие форм [там же: 94] рекламных текстов: кроме кратких объявлений, можно увидеть отзывы, прейскуранты, рекламные статьи и даже циклы стихотворений. Последней форме и будет посвящено настоящее исследование.

Источником материала стала общественная, литературная и торгово-промышленная газета «Уральская жизнь» за 1903 г. Для выявления рекламных объявлений, представляющих по форме рекламный сериал, были рассмотрены все рекламные тексты, опубликованные за год. Массив составил более 1500 неповторяющихся рекламных объявлений. Отметим, что общее количество публикуемых в год объявлений значительно больше (около 10 000), но многие из них повторяются из номера в номер, поэтому сложно говорить о серийности таких текстов.

Исключение составляет реклама табачной фабрики «Лаферм». Фирма проводит развернутую рекламную кампанию, посвященную различным сортам своей продукции. На фоне других текстов эта серия становится примером постепенного «внедрения в рекламное творчество известных художников, поэтов и писателей» [Бриленкова 2007: 4], а также маркером усложнения рекламного текста.

В конце XIX – начале XX в. в Петербурге шло активное развитие табачного производства и торговли [Крузе 1959: 58–60]. Огромное количество больших и маленьких фабрик боролись за покупателей. Лидерами табачного рынка были две фирмы: табачная фабрика А. Н. Шапошникова и табачная фабрика «Лаферм». Они соревновались и на рекламном поприще, придумывая

оригинальные и уникальные для своего времени приемы [Козлова 2008: 17].

В ноябре–декабре 1903 г. в газете было размещено 36 рекламных текстов Товарищества «Лаферм». Два из них представляют собой типичные информационные рекламные объявления, остальные 34 – это два стихотворных цикла, объединенных общим сюжетом и персонажем, от имени которого фирма общается с потенциальными покупателями. Персонаж, о котором идет речь, – Дядя Михей¹. Он действует как своего рода торговый агент фирмы, несмотря на то что представлен как «человек из народа».

Рекламные тексты стилизованы под телеграммы (рис. 1), которые Дядя Михей отправляет покупателям папирос, сначала из путешествия по Европе, а затем из деревни, куда он едет охотиться.

Рис. 1. Пример «телеграммы» от Дяди Михея
Fig. 1. An example of a 'telegram' from Uncle Mikhey

В результате у каждого текста появляется двойная датировка (табл. 1): 1) дата отправки телеграммы рекламным персонажем; 2) дата публикации рекламы в газете. Эти две датировки не совпадают, хотя воздействующий эффект был бы сильнее при их совпадении. Такой порядок публикации создавал бы эффект реального времени.

Таблица 1 / Table 1

Двойная датировка рекламных текстов
Double dating of advertising texts

№	Дата публикации	Дата в объявлении	Место в объявлении
	5 ноября		Обычная реклама
1	6 ноября	5 июля	Москва
2	7 ноября	6 июля	Варшава
3	8 ноября	7 июля	Александрово
4	11 ноября	9 июля	Дрезден
5	12 ноября	12 июля	Мариенбад
6	13 ноября	28 июля	Мариенбад
7	14 ноября	2 августа	Мариенбад
8	15 ноября	25 июля	Мадрид
9	16 ноября	8 августа	Мариенбад
10	18 ноября	14 августа	Кенигсварте

№	Дата публикации	Дата в объявлении	Место в объявлении
11	19 ноября	15 августа	Кайзервальд
12	20 ноября	16 августа	Карлсбад
13	21 ноября	17 августа	Мариенбад
14	22 ноября	20 августа	Нюрнберг
15	23 ноября	20 августа	Штутгарт
16	25 ноября	22 августа	Париж
17	26 ноября	23 августа	Париж
18	27 ноября	27 августа	Сен Дени
19	28 ноября	30 августа	Базель
20	29 ноября	30 августа	Цюрих
21	30 ноября	30 августа	Ланген
22	2 декабря	30 августа	Инспрук
23	3 декабря	1 сентября	Вена
24	4 декабря	2 сентября	Вена
25	5 декабря	2 сентября	Граница
26	7 декабря	7 сентября	Москва
	9 декабря		Обычная реклама
27	10 декабря	8 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
28	11 декабря	9 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
29	12 декабря	10 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
30	13 декабря	13 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
31	14 декабря	14 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
32	16 декабря	16 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
33	17 декабря	19 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
34	18 декабря	21 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
35	20 декабря	23 октября	Охотничий хутор «Коротковка»
36	21 декабря	7 сентября	Москва

Объявления делятся на два цикла, у каждого из которых есть свое название: «Дядя Михей за границей», «Дядя Михей в деревнѣ». Первый цикл состоит из 25, а второй – из 9 рекламных объявлений.

Все тексты построены одинаково и состоят из трех блоков. Например:

Дядя Михей за границей.

Мариенбадъ, 19 $\frac{8}{VIII}$ 03.

Врачъ попался мнѣ хорошій.

Онъ живетъ «Вилла Вауфридъ»,

Умный, знающій, пригожій

И по-русски говоритъ.

Намъ курить не запрещаетъ,

Самъ «Зефиромъ» угощаетъ.

Дядя Михей.

Т-ва Лафермъ.

Табаки и сигары внѣ конкуренци,

на всѣ цѣны и вкусы.

прод. завтра. (УЖ 1903: № 315)

Первый блок включает в себя заголовок и дату. Читатель узнает, откуда и когда пишет Дядя Михей, например: *Мариенбад, 8 августа 1903 г.*

Далее читатель видит сам стихотворный текст «телеграммы». Это главная, центральная часть

объявления, в которой обычно находится информация о товаре или хотя бы упоминание о нем. Оформление рекламного текста в виде стихотворения является типичным для современной рекламы, но новаторским для рубежа XIX–XX вв. использованием иностильевых жанровых форм, в данном случае заимствуются литературные жанры [Бобровская 2015: 96]. Приведенный текст отличается от стандартного тем, что рекламируемый товар не занимает центрального места в главной части. Обращает на себя внимание косвенная рекомендация врача. Отметим, что сегодня, в соответствии со ст. 16 Федерального закона о «Об охране здоровья граждан от воздействия табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» действует запрет на рекламу табачной продукции. В то время как на рубеже XIX–XX вв. возможно не только рекламирование, но и включение в рекламный текст рекомендации врача. На этом примере хорошо видна социальная функция рекламы, которая состоит, в частности, в том, чтобы «предлагать привлекательные модели перемен» [Хавторина 2011: 21]. Однако привлекательность некоторых предлагаемых «перемен» может противоречить современным принципам охраны здоровья.

Последний блок содержит указание на производителя, на другие товары фабрики и ряд клише (например, для описания цены на товары). Этот блок предполагает эмоциональное воздействие на читателя. Все характеристики товара, от качества до цены, преувеличиваются: «вне конкуренции», «на все цены и вкусы». В этом же блоке есть еще один элемент, важный для характеристики серии объявлений как рекламного сериала. Это указание на продолжение (прод. завтра). Такая структура свойственна большинству рассматриваемых текстов.

Несмотря на необычные тексты рекламы, оформление используется максимально лаконичное: нет ни рисунков, ни разнообразия шрифтов, ни декоративных рамок, кроме того, текст чаще всего попадает в колонку «Объявления», в которой обычно публиковались частные объявления о поиске работы, продаже вещей в связи с отъездом и т. д. (рис. 2).

Рис. 2. Расположения рекламного объявления на газетной полосе

Fig. 2. The position of the advertisement on the newspaper page

Обратимся к первому циклу – «Дядя Михай за границей». В нем Дядя Михай рассказывает о своем путешествии по Европе, которое начинается и заканчивается в Москве. Прямо цель поездки не называется, но по маршруту можно предположить, что он едет поправить здоровье на водах и посмотреть, пользуются ли спросом папиросы фабрики «Лаферм» в разных странах и городах³. Больше всего времени (больше месяца) он проводит в Мариенбаде (см. табл. 1), который

славится своими водами, также в текстах упоминается доктор. Далее он совершает короткие остановки во многих городах, в том числе в европейских столицах (Мадрид, Париж, Вена). Посещает он и Дрезден, в котором также находилась фабрика «Лаферм», основанная одним из учредителей петербургской фабрики еще в 1840-х гг., то есть раньше, чем в Петербурге [Сартор 1996: 303].

Каждый рекламный текст представляет собой небольшой рассказ о путешествии. Где бы Дядя Михай ни находился, он обращает внимание на то, какие папиросы курят в этом городе («Большинство курят «Зефирь»» (УЖ 1903: № 311) – Мариенбад), курят ли там папиросы «Лаферм» и есть ли спрос («товар Лаферма здѣсь не новый! Весь городокъ къ ему привыкъ» (УЖ 1903: № 322) – Штутгарт), сравнивает местные папиросы с продукцией Лаферма («Нашъ «Трезвонъ» приятенъ, вкусенъ, Капораль⁴ ихъ просто гнусенъ» (УЖ 1903: № 324) – Париж). Такое прямое и резкое сравнение товаров говорит о том, что на рубеже XIX–XX вв. не было правил, регулирующих этические аспекты рекламы.

Второй мини-цикл «Дядя Михай въ деревнѣ» посвящен охоте, которую Дядя Михай и его друзья, приятели и родственники ведут на хуторе Коротковка. Существенных различий в организации текстов и способах воздействия на читателя в двух циклах нет. Все различия только в сюжете, поэтому далее циклы рассматриваются вместе².

Стихотворная организация рекламных текстов

Поскольку персонаж – Дядя Михай – человек из народа, все его стихи очень простые. Чаще всего используется четырехстопный ямб, иногда – четырехстопный хорей. Ямб придает текстам энергичный ритм, деловитость, хорей помогает стилизовать стихи под дорожные песенки, что уместно для путевых заметок. Дядя Михай как бы отчитывается о проделанной работе (о своем путешествии, о том, какие папиросы курят в разных городах), старается, с одной стороны, рассказать о том, что он видит, с другой – не утомить читателя и быть для него полезным. Стихи очень простые по организации, в большинстве случаев используется смежная рифма. Такая структура придает авторским стихотворениям С. А. Короткого (поэта, работавшего под псевдонимом *Дядя Михай*) сходство с народной поэзией, например с частушками.

Образ рекламируемого товара

В цикле представлены шесть сортов папирос, но непосредственно в стихотворной части появляются только четыре, что отражено в табл. 2.

Количество упоминаний разных сортов в рекламных текстах
The number of mentions of different varieties in advertising texts

Название сорта	Количество упоминаний в стихотворной части	Количество упоминаний в любой части рекламного текста
Зефирь	11	16
Дюшесь	5	11
Трезвонь	2	7
Молодецъ	1	8
Фру-Фру	0	11
Незабудка	0	8
Вся продукция	1	6

В большинстве случаев акцент в рекламном тексте делается не на образе рекламируемого товара, что может рассматриваться как тактика «имплицитного воздействия» [Кочетова 2008: 148], которое часто более эффективно, чем прямое.

1. «Зефирь»

Сорт, которому посвящено больше всего текстов, – «Зефирь». Как и все представленные сорта, он из низкой ценовой категории и предназначен для широкого круга покупателей. Именно это акцентируется в его рекламе.

Используется тактика скрытой рекомендации и отсылки к мнению большинства (что тоже можно отнести к частному проявлению тактики скрытой рекомендации). Рекомендация скрытая, потому что читатель не видит прямой речи рекомендующего, он видит только рассказ Дяди Михея. Здесь нужно отметить, что этот персонаж пользовался большим доверием и существовало убеждение, что он никогда не врет, даже если его истории были откровенными небылицами⁵. Другими словами, Дядя Михею как персонажу многое «прощалось» [Ковалева, Кальнеус, Логиновская 2015: 160]. Дядя Михея говорит о враче, который не только курит сам, но и разрешает курить своим пациентам, проходящим лечение на водах: *«Врач попался мнѣ хорошій. <...> Намъ курить не запрещаетъ, самъ “Зефиромъ” угощаетъ»* (УЖ 1903: № 315). Рекомендация врача служит гарантией качества и безвредности.

Мнение большинства также имеет важное значение, ведь большинство не может выбирать плохой, некачественный товар: *«курятъ почти что всѣ “Зефирь”»* (УЖ 1903: № 305) (в Мариенбаде); *«здесь русскихъ много за чайкомъ “Зефиромъ” балуютъ тайкомъ»* (УЖ 1903: № 319) (в Карлсбаде).

Еще одна тактика – описание папирос «Зефирь» как чего-то необходимого, без чего тяжело обходиться, или же обыденного: *«Нѣтъ “Дюшеса”, нѣтъ “Зефира” въ утѣшенье одна лира. Если б можно ихъ достать, То была бы*

благодать» (УЖ 1903: № 312); *«“Зефира” нѣтъ – вотъ въ чемъ досада»* (УЖ 1903: № 313); *«“Зефирь” полученъ, слава Богу, Его курю я понемногу»* (УЖ 1903: № 317).

В рекламе «Зефира» нет привычных для указанного периода экспрессивных, преувеличенных описаний качества товара, реклама полностью строится на манипулятивных стратегиях разной степени воздействия (от рекомендации до указания на необходимость товара в повседневной жизни), но сами папиросы никак не описываются, мы видим только мнение о них.

2. «Дюшесь»

Следующий по популярности сорт – «Дюшесь» (см. табл. 2). Этому сорту посвящены не только рекламы-телеграммы, но и обычные объявления, не входящие в рассматриваемую серию. Здесь можно увидеть более разнообразные тактики. Просьба: *«Не забываютъ о “Дюшесѣ”»* (УЖ 1903: № 305). Снова скрытая рекомендация: *«Ваняша земскій прикатилъ <...> “Дюшесь” он куритъ преисправно Находитъ дешево и славно»* (УЖ 1903: № 346). Обратим внимание на второй пример. Для рекламы необычна рекомендация от частного лица, неизвестного широкой публике. Только ручательство Дяди Михея может немного усилить значимость такой рекомендации, поскольку в глазах потенциальных покупателей, незнакомых с «Ваняшей», воздействующий эффект полностью исчезает, и такой текст можно считать неэффективным.

Еще одна, частотная для рассматриваемого периода, тактика, используемая для рекламы как «Зефира», так и «Дюшеса», – сравнение с аналогичными товарами конкурентов. Повторно обратим внимание на то, что с позиций современной рекламы такие тексты противоречат этическим принципам. *«Нѣтъ “Дюшеса”, нѣтъ “Зефира” въ утѣшенье одна лира. <...> Отъ австрійскихъ папиросъ Языкъ мохомъ ужъ поросъ»* (УЖ 1903: № 312). Товары конкурента принижаются. Смягчающим фактором является то, что все тексты презентуют субъективное мнение Дяди Михея,

который, как «простой» человек, может позволить себе резкую эмоциональную оценку, тем более что она сообщается в «частной» переписке.

3. «Трезвонь»

Еще реже в стихотворной части рекламного текста упоминается сорт «Трезвонь». Ему посвящена самая неэтичная реклама во всем цикле. «Трезвонь» сравнивается с конкретным сортом парижских папирос, конечно же, не в пользу последних: «*Нашъ “Трезвонь” приятень, вкусень, Капораль ихъ просто гнусень*» (УЖ 1903: № 324). Такая резкая оценка – часть образа персонажа – простого человека, который не привык говорить обиняками. Данный подход может расположить читателей из «простого» народа.

4. «Молодец»

Реже всего в стихотворной части упоминается сорт «Молодец», поэтому говорить о доминирующих стратегиях невозможно. В единственном объявлении «Молодец» характеризуется как товар с потенциально высоким спросом: «*Папиросокъ “Молодца” Продать можно безъ конца*» (УЖ 1903: № 332).

5. «Фру-Фру» и «Незабудка»

Эти два сорта упоминаются часто, но не в стихотворной части, а в последнем клишированном блоке. Об этих сортах дается минимальное количество информации: название и цена. Никакого дополнительного описания нет.

6. Вся продукция Товарищества «Лаферм»

В нескольких текстах нет упоминания конкретного сорта, но вместо этого говорится о продукции Товарищества «Лаферм» в целом. Поскольку Дядя Михей напоминает нам торгового агента, наблюдающего за продажами папирос «Лаферм» в разных городах и странах, то в одном из стихотворений есть общий комментарий: «*Товаръ Лаферма здѣсь не новый Весь городокъ [Штудгардт] къ нему привыкъ*» (УЖ 1903: № 322). Также мы видим комментарий о накрутке цен на товар Лаферма в Париже: «*Но на что это похоже? Втрое здѣсь “Зефиръ” дороже!*» (УЖ 1903: № 325). Есть и наблюдения за активностью спроса: «*Народъ здѣсь больше все рабочій До папиросъ всегда охочій*»; «*Папиросокъ “Молодца” Продать можно безъ конца*» (УЖ 1903: № 332). Такие тексты интересны, так как не несут информации ни о свойствах товара (ни в информативной, ни в экспрессивной форме), ни о фирме. Комментарии Дяди Михея направлены в большей степени на формирование образа фирмы и мнения о товаре. Это становится возможным, так как Дядя Михей – свой человек для публики, на которую рассчитана реклама

дешевых папирос (городские рабочие, военные и т. д.).

7. Отсутствие информации о сортах и фирме в стихотворной части

Обращает на себя внимание группа текстов, в стихотворной части которых нет ни упоминания конкретного сорта, ни упоминания продукции «Лаферм» в целом, другими словами, в них отсутствует главное – реклама товара. В большинстве таких объявлений рекламная информация, в сокращенном и клишированном виде, находится в последней части, но есть один пример, когда в тексте полностью отсутствует рекламная составляющая.

Дядя Михей въ деревнѣ

Охотничий хуторокъ «Коротковка» 19²¹_X03.

Вчера мы ѣздили въ болота.

Могу сказать, была охота!

Валился гаршнепъ и бекасъ.

Все это радовало насъ.

Промазаль я разочковъ восемь,

Ищу сторожка – нато и осень.

Дядя Михей (УЖ 1903: № 347)

Это стихотворение – дневниковая запись, в которой просто перечислены события дня и эмоции Дяди Михея. Такой текст может считаться рекламным, только если мы рассматриваем его в рамках серии, а персонажа – Дядю Михея – рассматриваем как часть бренда, созданного Товариществом «Лаферм». Максимально значимым становится узнавание персонажа, так как, если мы не знаем, кто такой Дядя Михей, мы просто не поймем, о чем говорится в объявлении.

Тексты Товарищества «Лаферм» как рекламный сериал

Сегодня слово «сериал» тесно связано с кино или мультфильмами, но мы часто забываем о том, что в XIX в., когда кино еще не существовало, или же, на рубеже XIX–XX вв., когда оно было доступно единицам, романы известных писателей, например Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Дюма, Ч. Диккенса, публиковались частями. Такой способ позволял поддерживать интерес читателей, публикация большого романа могла растянуться на годы. Так первыми сериалами становятся сериалы литературные, а за ними и рекламные.

Сериал – «масштабное теле-, видеопроизведение, объединенное единым драматургическим и режиссерским решением, главными действующими лицами. Сериал рассчитан на последовательный просмотр» (Медиакультура... 2019: 114). За исключением видеоформата, который был технически невозможен в рассматриваемый

период, остальные условия соблюдаются как при публикации романов по главам, так и в анализируемом нами рекламном сериале от Товарищества «Лаферм».

Остановимся на элементах, объединяющих все 34 текста. Они присутствуют как на уровне оформления (заголовки, стилизация под телеграммы, клишированная часть), о чем сказано выше, так и на уровне содержания. Объявления публикуются в хронологическом порядке, позволяя нам, вместе с персонажем, постепенно двигаться из города в город. Датировки и «геотеги» помогают организовать тексты в единое целое, но события в каждом последующем объявлении не связаны ни с предыдущим, ни с последующим, кроме формальной информации о том, что в следующем номере выйдет продолжение. Но такая связь и необязательна, так как общая тема – путешествие, а частные тема каждого текста – события конкретного дня, которые могут быть не связаны с предыдущим. Такую организацию можно сравнить с современными детективными сериалами, где в каждой серии расследуется новое дело, но главные действующие лица остаются прежними. Поскольку прием новый и автор, возможно, не продумывал все детали каждого текста, в них можно найти противоречия и несовпадения. Например, в телеграммах из Мариенбада Дядя Михай сначала (12 июля) сообщает, что «большинство курят “Зефир”» (УЖ 1903: № 311), но уже через две недели (28 июля) он пишет о том, что «нѣтъ “Дюшеса”, нѣтъ “Зефира”» (УЖ 1903: № 312), причем опубликованы эти телеграммы одна за другой. Еще через некоторое время (8 августа) Дядя Михай снова пишет о том, что доктор угощает его «Зефиром». К таким нарушениям единства повествования можно отнести и появление в серии «Дядя Михай въ деревнѣ» текста о Муроме.

**Дядя Михай как герой сериала:
формирование бренда
Товарищества «Лаферм»**

Выше рассмотрено, как презентуются в серии рекламных текстов отдельные товары и вся продукция фирмы. Нужно отметить, что презентация товара и его характеристика почти всегда не занимают центрального места в рекламах цикла. Главным становится путешествие Дяди Михея, то, что с ним происходило, что он видел и чувствовал. Реклама маскируется под путевые заметки. Акцент переносится с товара на персонажа – представителя бренда. Также большое место в цикле занимает «диалог» с читателем / получателем телеграмм. Важно, что получатель – это вся публика. Дядя Михай знает, что его теле-

граммы будут доступны широкой публике, и регулярно просит об обратной связи.

Кто же такой Дядя Михай? Чтобы узнать о нем больше, недостаточно только анализируемого цикла объявлений, так как образ этого персонажа появился раньше и к 1903 г., по-видимому, уже имел широкую известность среди курящей публики⁵. Именно это делает узнаваемыми даже те тексты, в которых нет ни названия фирмы, ни названия сортов. Дядя Михай олицетворяет собой Товарищество «Лаферм», следовательно, когда читатель видит это имя, он сразу понимает, о чем идет речь. В это время понятия «бренд» и «брендинг» (Новые... Т. 1 2009: 224–225) еще не существовали, но ряд производителей и людей, профессионально занимавшихся рекламой, искали и находили новые способы привлечения и удержания внимания потенциальных покупателей. Так, важной частью рассматриваемой серии текстов становится общение Дяди Михея с читателями. Интересно то, что мы видим не только «реплики» Дяди Михея, но и ответ на них.

С самого первого текста Дядя Михай начинает общаться с читателями как со старыми друзьями: «Сегодня, пятаго, въ экспрессѣ Я за границу, господа! <...> Кому изъ публики взгрустнется, Пишите прямо въ Мариенбадѣ. Дядя Михай вамъ отзовется, Вниманью будетъ очень радъ» (УЖ 1903: № 305). Перед поездкой он сообщает всем о том, куда едет, и рассказывает, как с ним можно связаться. Далее разговор продолжается в такой же манере. Дядя Михай пишет о том, что в Мариенбаде ему не хватает папирос «Зефир» и «Дюшес» и сетует на невозможность их достать: «Если бѣ можно ихъ достать, То была бы благодать» (УЖ 1903: № 312); «“Зефира” нѣтъ – вотъ въ чемъ досада» (УЖ 1903: № 313). Но через некоторое время, когда Дядя Михай уже находится в Кенигсварте, он пишет: «Зефиръ полученъ, слава Богу, Его курю я понемногу» (УЖ 1903: № 317). Это показывает, что «публика» не только читает телеграммы Дяди Михея, но и реагирует на них, отзывается на просьбы. В еще одной телеграмме Дядя Михай пишет: «Москва меня не забываетъ Открытокъ массу присылать» (УЖ 1903: № 320). Когда Дядя Михай возвращается в Москву, он посвящает всю «телеграмму» просьбе дать ему обратную связь:

Дядя Михай за границей

Москва, 7 сентября 1903 г.

Публикѣ

Я знать желаю без сомнѣнья,

Вашиъ взглядъ на эти сообщенья,

Моя в отвѣтѣ голова,

Мой адресъ такъ:

*Лафермь (Кузнецкій мостъ) Москва.
Дядя Михей.
Зефирь Фру-Фру папирасы Т-ва Лафермь.
10 ш. 10 к. 10 ш. 6 к.
Прод. завтра*

Поскольку далее, с небольшим перерывом, следует новая серия телеграмм, в этот раз из деревни, можно сделать вывод, что Дядя Михей получил хорошие отзывы и решает продолжить рассказывать о своей жизни и путешествиях. Во втором цикле «Дядя Михей в деревнѣ» коммуникации с читателями становится меньше. Только в последнем тексте, который повторяет «телеграмму», отправленную по возвращении из Европы (даже без изменения даты отправки), он интересуется «взглядом на эти сообщения».

Объявления публиковались в газете с большим тиражом и невысокой подписной ценой, исходя из чего можно сделать вывод, что они были рассчитаны на всю курящую аудиторию, но так как для привлечения внимания используется довольно яркий персонаж, можно понять, на кого в первую очередь ориентировались создатели рекламного сериала. Для этого посмотрим на особенности языка Дядя Михея. Здесь возникает небольшое противоречие. С одной стороны, поэтическое качество текстов не слишком высокое, они просты, схожи с народной поэзией, что делает их привлекательными для рабочих, которые не имеют высокого образования, но которым могут понравиться такие строки. На эту же публику направлен и дружеский, иногда грубоватый и простой язык Дядя Михея. Это выражается в следующем: 1) использование разговорных слов и выражений: «*нѣту силушки уйти*», «*“Зефирь” въ зубы и пошель*», «*всему лѣченію капуть*», «*поѣздъ нашъ хоть и рапидъ Черепанхой тутъ тащитъ*», «*“Зефирь” полученъ, слава Богу*»; «*вот мой брательничекъ каковъ!*», «*языкъ мохомъ ужъ порось*», «*промазаль я разочковъ восемь*»; 2) использование оценочной лексики: «*капораль ихъ просто гнусень*», «*всему лѣченію капуть*». Такой язык и некоторая резкость в оценках создают образ своего человека, понятного и близкого потенциальному покупателю дешевых папирос. Но если рассматривать тексты более подробно, в цикле «Дядя Михей за границей» мы увидим, что персонаж обладает довольно неплохими знаниями о культуре, которыми, вероятно, не обладали рабочие, практически не имевшие доступа к образованию. Так, в текстах, посвященных путешествию по Европе, используются отсылки к фоновым знаниям о культуре и истории [Ильясова, Амири 2018: 280], упоминаются Вилла Ванфрид (вилла, на которой жил Рихард Вагнер) и вилла Меттерних⁷. Глядя

на виллу Меттерних, Дядя Михей вспоминает о Наполеоне II, причем упоминает его прозвище – Aiglon⁸ (фр. «Орлёнок»). Нюрнберг описывается как столица игрушек, а значит, Дядя Михей знает о главной достопримечательности этого города. Находясь во Франции, он посещает не только Париж, но и капеллу Сен-Дени, в которой похоронены практически все французские короли. Также в этой части используется довольно сложная иностранная лексика: *рантьерь* (рантье), *метрополия*, *винерь-шикъ* (венский шик), *донъ* (дон), упоминается слово «ферботен» (нем. «вход запрещен»). Приведенные отсылки не считаются заводскими рабочими, но их не может не заметить образованная публика – разночинцы. Они не обладали высоким доходом, поэтому их могла интересовать реклама дешевых папирос, но были достаточно образованны, чтобы заметить и понять культурные отсылки. Также подобные отсылки делают рекламные тексты товарищества «Лафермь» источниками «сведений о культурной жизни общества» [Скуридина, Масленникова 2017: 76], модных тенденциях. Во втором цикле «Дядя Михей въ деревнѣ» нет отсылки к культурным реалиям и иностранной лексики. Это определяется тем, что данные тексты практически полностью посвящены охоте. Но там мы находим слово *кума* в значении «лиса», что снова возвращает нас к народной речи. Таким образом, автор рекламных текстов хочет угодить разной публике, что помогает сделать персонажа более популярным. Его тексты использовались и на плакатах столичной рекламы, и в провинциальной рекламе.

Новаторство в рекламе Товарищества «Лафермь»

На рубеже XIX–XX вв. зарождались многие рекламные приемы, которые позже получили развитие и широкое распространение. Одним из таких приемов стало создание серии связанных между собой рекламных текстов, посвященных одному товару или фирме, переросшее впоследствии в жанр рекламного телесериала.

Товарищество «Лафермь» стало одной из первых фирм, придумавших персонажа-представителя для общения с потенциальными покупателями. Дядя Михей стал не просто персонажем, разово появившимся в одном из текстов (такой прием, например, использовала фирма Кёлер и К^о), он превратился в символ, а его имя – в бренд-нейм. Это стало возможным благодаря тому, что за персонажем стоял автор – Сергей Аполлонович Короткий, придавший Дяде Михею индивидуальность, необычный язык и живой характер. Подобный персонаж не мог не понравиться публике, в особенности не привыкшей к

таким приемам, что привело к быстрому росту его популярности.

Сложно сказать, кто предложил идею создания цикла стихотворений от имени Дяди Михея, но эта, также новаторская, идея была очень удачной. Вместо простого повторения одного и того же текста потенциальный читатель каждый раз получает новый текст, причем текст с продолжением. Это создает эффект чтения романа по главам. Небольшая глава каждый день, без возможности сразу узнать продолжение, хорошо поддерживает интригу – и на протяжении полутора месяцев читатель не забывает о папиросах Товарищества «Лаферм», а после такой серии имя Дяди Михея тесно связывается с именем фирмы, превращаясь в бренд. Появление нового приема не только придает разнообразие рекламному развороту, но и способствует развитию рекламы в целом. Использование новой формы взаимодействия с потенциальным покупателем является еще одним шагом, способствующим переходу рекламного текста в «персуазивный дискурс, в котором тесно переплетены убеждение, внушение и манипуляция» [Миронова 2010: 26–27].

Примечания

¹ Неоднозначна принадлежность Дяди Михея как персонажа к той или иной фабрике. Так, например, в Справочном листке по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделанию в 1907 г. [Миронова 2021: 113]. Дядя Михей рекламировал Товарищество А. Н. Шапошникова, в то время как в рассматриваемом в данной работе цикле рекламных текстов, размещенных в газете Уральская жизнь в 1903 г., Дядя Михей рекламирует продукцию прямого конкурента – Товарищества Лаферм. Возможно, что Дядя Михей (Сергей Аполлонович Короткий) (Масанов 1960: 246) работал в разное время на обе фирмы. Но в этом случае непонятно, по какой причине он не сменил имя персонажа, так как благодаря необычности и широкой распространенности этой рекламы Дядя Михей стал практически представителем бренда и чаще упоминается как представитель фирмы А. Н. Шапошникова. Использование же одного персонажа и приема для рекламирования конкурирующих фирм могло запутать потенциальных покупателей.

² Тексты, входящие в оба мини-цикла, имеют одинаковую текстовую организацию. Все тексты стилизованы под телеграммы, оформлены в виде стихотворения. Главный герой всех текстов – Дядя Михей. Разница в описании конкретных событий, происходивших с персонажем.

³ Отделение фабрики «Лаферм» находилось в Дрездене. Именно оно было открыто первым.

⁴ Капорал – сорт темного французского табака, входивший в состав некоторых дешевых папирос.

⁵ К таким небылицам можно отнести историю о морском чудовище, описанную, в частности, в книге «Дым отечества, или Краткая история табакокурения» [Богданов 2007: 184].

⁶ В одной из наиболее цитируемых книг [Богданов 2007], в которой описываются, пусть и довольно кратко, рекламные кампании Товарищества «Лаферм» и Фабрики А. Н. Шапошникова, говорится о том, что Дядя Михей был придуман именно на фабрике Шапошникова, Товариществу «Лаферм» же принадлежал другой персонаж – Дядя Корней. Это подтверждается, например, плакатами данной фирмы, хранящимися в фондах РГБ. Но в анализируемом издании (Уральская жизнь, 1903 г.) мы видим, что этот персонаж рекламирует товарищество «Лаферм». Также сложно установить точное время появления персонажа на страницах столичной и региональной прессы. Поскольку установление точной даты появления персонажа не является основной задачей исследования, мы специально не рассматривали этот вопрос, но считаем необходимым указать на неполную ясность в решении данной проблемы. В 1903–1904 гг. автор этих рекламных текстов Сергей Аполлонович Короткий (под псевдонимом Дядя Михей) публиковал свои произведения отдельными изданиями. Спрос на эти издания и значительные тиражи только подтверждают популярность персонажа.

⁷ Вилла Меттерних. Вероятно, имеется в виду поместье, принадлежавшее семье Клеменса фон Меттерниха, располагавшееся в Кёнигсварте.

⁸ Возможно, Эглон упоминается в рекламе потому, что в это время был популярен спектакль, поставленный по драме Эдмона Ростана “L’Aiglon” в 1900 г. Главную роль в нем сыграла Сара Бернар. Спектакль имел огромный успех.

Список источников

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1960. Т. 4. 557 с.

Медиакультура: словарь терминов и понятий / авт.-сост. Н. Б. Кириллова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 196 с.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Т. 1. 815 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М.; Л.: АН СССР, 1948–1965.

УЖ – Уральская жизнь: газета политическая, общественная, литературная и экономическая. 1903. № 1–356.

Об охране здоровья граждан от воздействия табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: Федер. закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (ред. от 31.07.2020 № 303-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 25.2.2013 г., ст. 0001201302250007.

Список литературы

Бобровская Г. В. Жанровые заимствования в рекламе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). С. 95–99.

Богданов И. А. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 272 с.

Бриленкова А. В. Коммерческая реклама в России (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 24 с.

Ильясова С. В., Амири Л. П. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 328 с.

Ковалева А. В., Кальнеус А. С., Логиновская А. В. Особенности рекламы в прессе на Алтае дореволюционного периода // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2015. Вып. 13. С. 149–167.

Козлова О. В. Реклама как литературный текст в российских периодических изданиях 1890–1917 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 19 с.

Кочетова Л. А. Печатный рекламный текст как гипертекстовая структура // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2008. № 2(8). С. 147–151.

Крузе Э. Э. Табачный и ниточный тресты (Из истории монополий в обрабатывающей промышленности России) // Из истории империализма в России. Труды ЛОИИ. 1959. Вып. 1. С. 57–84.

Миронова А. А. Новые жанровые признаки рекламных текстов XIX – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 23–27.

Миронова А. А. Фасцинация & Суггестивность: способы воздействия в русских рекламных текстах XIX – начала XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7(453). Филологические науки. Вып. 125. С. 110–117. doi 10.47475/1994-2796-2021-10714

Миронова А. А. Формирование жанра объявления в истории русского языка // Вестник Челя-

бинского государственного университета. 2008. № 26. С. 91–96.

Сартор В. Торговый дом «Шпис» и табачная фабрика «Лаферм» в 1852–1914 гг.: (исследование по истории предпринимательства и промышленности Санкт-Петербурга) // Петербургские чтения – 96: материалы Энцикл. б-ки «Санкт-Петербург – 2003» / Ассоц. исследователей С.-Петербурга. СПб., 1996. С. 301–305.

Скуридина С. А., Масленникова И. А. Периодическая печать как историко-культурологический источник (на примере газетных объявлений XX века) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3(26). С. 72–77.

Тарасова К. П. Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 225–230.

Хавторина Ю. В. Развитие печатной рекламы в России в 1861–1914 годах (по материалам периодических изданий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 23 с.

References

Bobrovskaya G. V. Zhanrovye zaimstvovaniya v reklame [Genre borrowings in advertising]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities], 2015, no. 24(221), issue 28, pp. 95–99. (In Russ.)

Bogdanov I. A. Dym otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokureniya [Smoke of the Fatherland, or a Brief History of Tobacco Smoking]. Moscow, New Literary Review Publ., 2007. 272 p. (In Russ.)

Brilenkova A. V. *Kommercheskaya reklama v Rossii (1861–1917 gg.)*. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk [Commercial advertising in Russia (1861–1917). Abstract of Cand. hist. sci. diss.]. St. Petersburg, 2007. 24 p. (In Russ.)

Il'yasova S. V., Amiri L. P. Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomalija [The Language of Media and Advertising: Play as Norm and Abnormality]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2018. 328 p. (In Russ.)

Kovaleva A. V., Kalneus A. S., Loginovskaya A. V. Osobennosti reklamy v presse na Altae dorevolutsionnogo perioda [Peculiarities of advertising in the press in the Altai region, pre-revolutionary period]. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt* [PR and Advertising in the Changing World: The Regional Aspect], 2015, issue 13, pp. 149–167. (In Russ.)

Kozlova O. V. Reklama kak literaturnyy tekst v rossiyskikh periodicheskikh izdaniyakh 1890-1917 godov. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Advertising as literary text in Russian periodicals of 1890-1917. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2008. 19 p. (In Russ.)

Kochetova L. A. Pechatnyy reklamnyy tekst kak gipertekstovaya struktura [Printed advertising text as a hypertext structure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Ser. 2, Linguistics], 2008, issue 2(8), pp. 147–151. (In Russ.)

Kruze E. E. Tabachnyy i nitochnyy tresty (Iz istorii monopoliy v obrabatyvayushchey promyshlennosti Rossii) [Tobacco and thread trusts (From the history of monopolies in the manufacturing industry of Russia)]. *Iz istorii imperializma v Rossii. Trudy LOII* [From the History of Imperialism in Russia. Works of the LOII (Leningrad Branch of the Institute of History)], 1959, issue 1, pp. 57–84. (In Russ.)

Mironova A. A. Novye zhanrovyye priznaki reklamnykh tekstov XIX – nachala XX vv. [New genre characteristics of advertising texts of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 4 (10), pp. 23–27. (In Russ.)

Mironova A. A. Fastsinatsiya & Suggestivnost': sposoby vozdeystviya v russkikh reklamnykh tekstakh XIX – nachala XX v. [Fascination & suggestiveness: Ways of influence in Russian advertising texts of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2021, 7(453), pp. 110–117. doi 10.47475/1994-2796-2021-10714. (In Russ.)

Mironova A. A. Formirovanie zhanra ob'yavleniya v istorii russkogo yazyka [The formation of the

announcement genre in the history of the Russian language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, issue 26, pp. 91–96. (In Russ.)

Sartor V. Torgovyy dom 'Shpis' i tabachnaya fabrika 'Laferm' v 1852–1914 gg: (issledovanie po istorii predprinimatel'stva i promyshlennosti Sankt-Peterburga) [Trading House 'Shpis' and Tobacco Factory 'Laferm' in 1852–1914: (research on the history of entrepreneurship and industry of St. Petersburg)]. *Peterburgskie chteniya – 96: Materialy entsiklopedicheskoy biblioteki 'Sankt-Peterburg-2003'*. [St. Petersburg Readings – 96: Proceedings of St. Petersburg-2003 Encyclopedic Library], 1996, pp. 301–305. (In Russ.)

Skuridina S. A., Maslennikova I. A. Periodicheskaya pechat' kak istoriko-kul'turologicheskiy istochnik (na primere gazetnykh ob'yavleniy XX veka) [Periodicals as a historical and cultural source (by the example of newspaper advertisements of the 20th century)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2017, issue 3(26), pp. 72–77. (In Russ.)

Tarasova K. P. Razvitie pechatnoy reklamy kak rechevogo zhanra na materiale rossiyskikh gazet XVIII–XX vv. [The development of printed advertising as a speech genre on the material of Russian newspapers of the 18th – 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, issue 2, pp. 225–230. (In Russ.)

Khavtorina Yu. V. Razvitie pechatnoy reklamy v Rossii v 1861–1914 godakh (po materialam periodicheskikh izdaniy). Avtoreferat diss. kand. ist. nauk [The development of printed advertising in Russia in 1861–1914 (on the materials of periodicals). Abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.)

Advertising Series in the Print Media of the Turn of the 19th and 20th Centuries: Uncle Mikhey's Travels in Advertisements of the Laferm Association

Polina A. Rozhkova

**Research Assistant in the Toponymic Laboratory at the Department
of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

19, prospekt Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation. polina348@gmail.com

SPIN-code: 2318-3660

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6198-9719>

ResearcherID: C-2766-2019

Submitted 12 Nov 2022

Revised 02 Dec 2022

Accepted 25 Dec 2022

For citation

Rozhkova P. A. Reklamnyy serial v pechatnykh SMI rubezha XIX–XX vv.: puteshestviya Dyadi Mikheya v reklame Tovarishchestva «Laferm» [Advertising Series in the Print Media of the Turn of the 19th and 20th Centuries: Uncle Mikhey's Travels in Advertisements of the Laferm Association]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 46–57. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-46-57 (In Russ.)

Abstract. The article is focused on a series of advertising texts united by a common character and story. Having emerged in print advertising of the turn of the 19th–20th centuries, such series can be seen as the first manifestations of the advertising series genre, in which, along with the dominant tendency to informativeness, typical for the early 20th century, new techniques appear, these strengthening the expressive and manipulative components of the text. The advertisements analyzed in the paper are texts placed in the regional newspaper *Uralskaya Zhizn* (1903). In the array of the advertising texts examined, only one series united by the story and the character, published in November–December 1903, was found. It is devoted to the cigarettes of the Laferm company. Instead of the same text repeatedly published for several months, which was typical of advertisements of that period, the reader receives a new text in each issue. The texts are designed and laid out so as to resemble telegrams, and each individual text is stylized as a rayosh folk verse. Together they form a kind of travel novel or travel notes in verse. Important components of the text are the character (a representative of the company) and his interaction with the readers. It is they, not the product itself, that come to the fore. The non-provision of detailed information about the product is also an innovative feature of evolving advertising. The character uniting all the texts is presented by the authors as a symbol of the advertised products and the Association, which indicates not only a new form of advertising but also a more complex way of presenting goods, specifically the basics of brand formation.

Key words: advertising text; advertising series; print advertising; turn of the 19th and 20th centuries; manipulative tactics in advertising.

УДК 811.581.11

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-58-66

Эвфемизмы наименований профессий в русском и китайском языках

Чжао Цзэхун

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. zhaozhong@mail.ru

SPIN-код: 3285-7910

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7441-4802>

ResearcherID: AGY-6617-2022

Статья поступила в редакцию 23.09.2022

Одобрена после рецензирования 06.10.2022

Принята к публикации 12.11.2022

Информация для цитирования

Чжао Цзэхун. Эвфемизмы наименований профессий в русском и китайском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 58–66. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-58-66

Аннотация. Статья посвящена эвфемизмам наименований профессий в русском и китайском языках. Целью исследования является уточнение определения эвфемизмов наименований профессий и установление причин их употребления. В работе используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Материалом исследования послужили как сами эвфемизмы наименований профессий в русском и китайском языках, так и теоретические исследования, посвященные процессу эвфемизации. В статье рассмотрены традиции исследования эвфемизмов в русской и китайской лингвистике, приводятся определения эвфемизмов в русском и китайском языках, объясняются причины возникновения эвфемизмов наименований профессий. После выявления различий между такими понятиями, как *престиж* и *социальный статус*, на основе характеристик самих эвфемизмов подтверждается, что именно *престиж* выступает в качестве показателя для оценки профессий. Дается научное определение эвфемизмов наименований профессий: поскольку причина их появления кроется в социальном неравенстве, то для обозначения малопрестижных профессий используются смягченные, положительные или нейтральные слова и выражения, которые призваны улучшить имидж таких сфер деятельности и уменьшить негативные эмоции работников, в них занятых. В ходе исследования подтверждается, что причины использования эвфемизмов в области наименований профессий включают: 1) вежливость, 2) сотрудничество, 3) сохранение лица, 4) устранение дискриминации в отношении людей, имеющих непрестижные профессии. Исследование заполняет пробел в теории эвфемизмов наименований профессий и обеспечивает основу для их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: эвфемизмы наименований профессий; причины использования эвфемизмов; профессиональная стратификация; русский язык; китайский язык.

Использование эвфемизмов имеет одинаковые пути развития в русском и китайском языках: первоначально эвфемизмы употребляются вместо табуированной лексики, но в дальнейшем люди начинают применять их для создания психологического комфорта и эмоциональной защи-

ты. Использование эвфемизмов имеет одинаковые причины и цели у обоих народов, однако специфические особенности национальной культуры каждого из двух этносов заставляют исследователей эвфемизмов идти в разных направлениях. Под влиянием традиционной кон-

фуцианской культуры сформировался вежливый стиль китайского общения: непрямые, эвфемистические языковые выражения очень популярны как в жизни, так и в литературе. Это привело к тому, что китайские эвфемизмы обычно исследуются именно в стилистике. Многие китайские традиционные эвфемизмы являются смягченными, непрямыми номинациями, но при этом то, что ими заменяется, – не обязательно табуированные слова, объекты такой номинации не обязательно неприятны, они могут быть даже приятными для говорящих, а эвфемизмы используются исключительно с эстетической целью. Китайские исследователи определяют эвфемизм в качестве фигуры речи следующим образом: «Не говорят прямо то, что думают, используют имплицитные, перифрастические, тактичные слова и выражения, чтобы намекать на первоначальное намерение»¹ [Чен Вандао 2008: 109]. И если в китайской лингвистике эвфемизмы изучаются стилистически, то российские исследователи в основном рассматривают моральные мотивы использования эвфемизмов и считают, что последние являются средством смягчения речи, это «замена грубых или резких слов и выражений более мягкими» [Ванюшина 2008: 35]. Столь различные направления исследований привели к двум разным научным определениям эвфемизма в китайской и в русской лингвистике.

Вместе с тем изучение эвфемизмов в Китае продолжается, и в последних исследованиях приводится уже обновленное их определение: «эвфемизм – это слово или выражение, в котором говорящий сознательно использует фонетические, семантические, грамматические и другие средства для непрямого обозначения предмета или явления (при общении с людьми, переживающими страх, панику, стыд, самоунижение, угрызение совести и другие негативные психологические реакции) в конкретной языковой ситуации, чтобы помочь говорящему и слушающему избежать чувства боли» [Шао Цзюньхан 2016: 20]. Об эвфемизмах как средстве смягчения речи также пишет Ли Цзюхуа: «Эвфемизм – это выражение, которое не говорит напрямую, может быть приятным и мягким, вместо выражения, которое имеет неприятный смысл или недостаточно уважительное» [Ли Цзюньхуа 2010: 14–15]. В настоящее время определение эвфемизма в русском и китайском языкознании стало одинаковым и является основой нашего исследования.

Эвфемизация наименований профессий происходит из социального неравенства, которое наблюдается в человеческом обществе – от раб-

ства и феодализма и до сегодняшних капиталистических и коммунистических систем. Можно утверждать, что «неравенство является естественной формой любого социума; везде, где есть иерархия, наблюдается неравенство» [Гонашвили 2015: 14]. Следовательно, расслоение – это естественный, бессознательный, почти автоматический процесс развития общества [Головин 2007: 134], а возникновение профессиональной стратификации связано с общественным разделением труда [Николенко 2014: 45]. Это разделение, по сути, означает, что у разных людей оказываются неравные ресурсы, права и обязанности, при этом наиболее очевидным является разрыв в престиже. Престиж – один из показателей оценки социального статуса, «все престижное обладает в глазах общества особой значимостью и вызывает желание попасть в его орбиту» [НОССРЯ 2000: 2], и эвфемизмы наименований профессий появляются именно вследствие большого разрыва по уровню престижности между разными видами деятельности. Несмотря на то что социальное неравенство существовало в обществе всегда, эвфемизация наименований профессий активно развивается только в последние годы. Во-первых, это связано с изменением системы человеческих ценностей: под влиянием правозащитного движения и феминизма представление о всеобщем равноправии глубоко вошло в сознание людей. Распространение политкорректности делает преодоление дискриминации одной из целей общества: люди больше не воспринимают неравенство как нечто само собой разумеющееся, стремятся изменить этот факт и добиться равенства. Во-вторых, детализация общественного разделения труда (все большая и большая специализация в деятельности) и развитие передовых технологий привели к появлению ряда новых профессий, в частности, в сфере услуг, которые нуждаются в эвфемизмах для наименования, вследствие чего в настоящее время существует гораздо больше эвфемизмов, чем раньше (например: вместо *маникюрист* в русском языке используется номинация *менеджер ногтевого сервиса*, а в китайском – *美甲师* “*мастер по украшению ногтей*”). Все эти факторы привели к высокой популярности эвфемизмов наименований профессий.

В прошлом эвфемизмы наименований профессий также существовали, но их было немного (по сути, только сфера проституции издревле дает значительное количество эвфемистических наименований). Поэтому специальные исследования эвфемизмов наименований профессий

начали проводиться только после того, как существенно увеличилось само количество видов профессиональной деятельности, расширилась группа номинаций профессий. В России это произошло после распада Советского Союза (1991 г.), а в Китае – после того, как правительство объявило официальный курс на политику реформ и открытости² (1978 г.). После серьезных социальных изменений в этих двух странах впервые появились и стали популярны многие культурные ценности западного мира, что оказало огромное влияние на традиционную национальную культуру, и русскую, и китайскую. Происходящее способствовало активной эвфемизации наименований профессий, что нашло отражение в появлении большого количества заимствований в данной сфере. К примеру, *销售经理* (из англ.) “менеджер по продаже” – вместо «продавец»; *менеджер* (из англ.) – как наименование целого ряда непрестижных профессий в коммерческой структуре (диспетчер, курьер, грузчик, дворник, продавец и т. п.). Следует отметить, что причины использования эвфемизмов наименований профессий в прошлом и сейчас не совпадают. Раньше люди использовали эвфемизмы наименований профессий исключительно вследствие того, что представители образованного общества были вежливы и воспитанны, при этом совершенно отсутствовала такая причина использования этой группы эвфемизмов, как желание повысить социальный статус того, о ком идет речь, как это наблюдается сегодня.

Хотя эвфемизмы наименований профессий замечены учеными и выделены в отдельную группу, их исследование по-прежнему ведется недостаточно активно. В существующих исследованиях русских эвфемизмов наименований профессий ученые опираются на определение эвфемизма как такового, а описание именно эвфемизмов наименований профессий завершается путем дополнения, расширения перечня причин происхождения эвфемизмов или их использования; строго научного описания эвфемизмов наименований профессий не существует (см. подробнее: [Чжан Чань 2010], [Старук, Меликян 2014], [Денисова, Халиман 2016]). В исследованиях китайских эвфемизмов наименований профессий ситуация еще более сложная, и, хотя китайские ученые уже начали по-новому рассматривать эвфемизацию, традиционное направление изучения эвфемизмов все еще имеет большое влияние. Новое определение эвфемизма в китайской лингвистике пока не полностью унифицировано, вследствие чего результаты последних

исследований еще не применены к тем группам профессий, которые относительно непопулярны в контексте темы эвфемизмов. Таким образом, границы эвфемизмов наименований профессий в существующих русских и китайских исследованиях различны: в работах китайских ученых их исследование проводится в рамках стилистики, что делает границу между эвфемизмом и «окольной речью» (迂回语) очень нечеткой; более того, эвфемизмы наименований профессий также содержат часть примеров «скромной и уважительной речи» (谦敬语), которым посвящены традиционные исследования (см. подробнее: [Ян Цзиньфэнь 2007], [Ге Веньян 2015]). В отличие от «окольной речи», которая подчеркивает только средства непрямого выражения, «скромная и уважительная речь» указывает на две цели использования окольных методов – выражение скромности и выражение уважения, что приводит к двум различным семантическим направлениям: активно умалить и максимально украсить. Однако большинство названий профессий, требующих выражения уважения или выражения скромности, связаны с тем, что сама профессия престижна; причина выбора «скромной и уважительной речи» заключается в том, чтобы прославить определенные профессии или активно умалить себя, чтобы стать ближе к собеседнику для достижения успешного общения. Например, преподаватель – профессия с высокой социальной репутацией в китайском обществе, поэтому у нее много других названий, которые обычно считаются эвфемизмами. Очевидно, что эта ситуация не соответствует такому обязательному признаку эвфемизмов, как обозначение негативного денотата. В данном исследовании автоматически исключаются такие эвфемизмы наименований профессий, у которых отсутствуют обязательные признаки.

Одним из обязательных признаков эвфемизма в сфере наименований профессий является то, что профессия связана с чем-то негативным, а основными показателями оценки профессии являются престиж и социальный статус. Нет сомнений в том, что профессии с низким престижем и низким социальным статусом требуют эвфемистических наименований. Путем сравнительного изучения эвфемизмов наименований профессий обнаруживаем, что китайские исследователи связывают эвфемизмы наименований профессий с социальным статусом профессии, а русские исследователи – с ее престижем. Социальный статус и престиж – это два взаимосвязанных понятия, оценка престижа представляет

собой важный показатель социального статуса, высокий социальный статус считается источником престижа, но все же существует разница между этими двумя терминами. «Социальный статус есть место индивида в иерархически организованной структуре и определяется многочисленными показателями, которые задаются типом социокультурной системы» [Шкаратан 2009: 44], эти показатели включают политический потенциал (в объеме властных и управленческих функций), экономический потенциал, социокультурный потенциал и социальный престиж [Гонашвили 2015: 14]. Согласно исследованиям Н. В. Крючковой, концепт *престиж* аккумулирует в себе следующие смысловые элементы: сложившееся общественное мнение, положительное отношение / оценка, известность, возможность воздействия [Крючкова 2008: 94]. Таким образом, можно сделать выводы, что престиж – это субъективная сравнительная оценка, основанная на базовых ценностях и включенная в оценку социального статуса. В силу множества показателей оценка социального статуса является более официальной и объективной, чем оценка престижа, поэтому социальный статус редко может быть переоценен или недооценен, в отличие от престижа.

Поскольку эвфемизмы представляют собой такую лексическую область языка, которая очень чувствительна к социальным изменениям, а их использование основано на субъективной оценке говорящим предмета речи, престиж больше соответствует ситуации использования эвфемизма, чем социальный статус. Наиболее наглядным примером вышесказанного является процесс переосознания места рабочих в социальной структуре Китая: еще недавно профессии, воспринимавшиеся как престижные, теперь требуют эвфемистических наименований. Однако при этом социальный статус рабочих остался прежним, потому что после экономической реформы политические, экономические и социокультурные показатели рабочих не изменились, а действительно сильное изменение касается именно общественного престижа рабочих. В первые десятилетия после образования КНР в целях пропаганды идей коммунизма и стабилизации власти проводилась широкомасштабная пропаганда профессии рабочих. А после экономической реформы пропагандистское направление правительства изменилось в сторону содействия экономическому развитию, при этом профессия рабочего стала терять ореол, созданный политической пропагандой предшествующей эпохи. Люди

вновь обратили внимание на низкие показатели, которые всегда существовали у рабочих профессий в политической, экономической и социокультурной сферах, вследствие чего в это время в лексической группе наименований профессий стали появляться и употребляться эвфемизмы (蓝领 “синие воротнички” вместо “рабочий”). Можно сказать, что падение престижа синхронизировано с появлением эвфемизмов, а такая оценка, как социальный статус, теряет актуальность вследствие своей объективности и устойчивости, следовательно, в научном определении эвфемизмов наименований профессий оценочным показателем профессии становится престиж, а не социальный статус.

Основываясь на всех приведенных утверждениях, эвфемизмы наименований профессий можно определить следующим образом: поскольку причина их появления кроется в социальном неравенстве, то для обозначения малопrestiжных профессий используются смягченные, положительные или нейтральные слова и выражения, которые призваны улучшить имидж таких сфер деятельности и уменьшить негативные эмоции работников, в них занятых.

Обратимся к причинам использования эвфемизмов наименований профессий. «Принятая в обществе система ценностей, моральных и этических норм, выступая в роли регулятора поведения людей, детерминирует систему стигм – социально неприемлемых понятий или явлений» [Харитоновна 2016: 142]. Процесс эвфемизации – это не что иное, как преодоление дискомфорта, вызванного несоответствием чего-либо системе ценностей, а также замена неудачных слов и выражений в соответствии с нормами вербального общения. Вежливость – это первая причина использования эвфемизмов в наименованиях профессий, вежливость как моральное качество делает уважение к другим людям одной из повседневных норм поведения [СПЭ 1983: 40], в то же время вежливость понимается как речевые правила, ее цель – предотвращение конфликтных ситуаций и способствование успеху общения. Аналогичным образом люди часто предпочитают использовать эвфемизмы наименований профессий для поддержания гармонии социальных отношений, поэтому сотрудничество является второй причиной использования эвфемизмов в данной тематической группе. Необходимо пояснить, что означает понятие «лицо» в теории вежливости. По определению Э. Гоффмана, «лицо – это позитивный общественный облик (positive public self-image), которым стремится обладать

каждая личность» [Goffman 1967: 5]. Само общение людей «значительно чаще эмоционально, чем не эмоционально» [Шаховский 2009: 159], поэтому в процессе общения следует обращать внимание на сохранение своего лица и лица собеседника для обеспечения нормального межличностного взаимодействия. Согласно Э. Гоффману, «научиться сохранять лицо – это все равно что выучить правила дорожного движения» [Goffman 1972: 323]. В целях сохранения лица (как своего, так и собеседника) необходимо использовать эвфемизмы наименований профессий, а также включать эмоциональную защиту, чтобы у коммуникантов не возникали негативные эмоции из-за непрестижности их профессий, такие как неудовлетворенность и самоунижение. Таким образом, сохранение лица как расширение вежливости становится третьей причиной употребления эвфемизмов наименований профессий.

Интересно, что вежливость, как и эвфемизмы, всегда отражает определенную социальную культуру. Различные языковые сообщества по-разному оценивают вежливость: например, спрашивать незнакомца о его возрасте невежливо в России, но нормально в Китае. Люди осознают возможность того, что разные культуры и мировоззрения неодинаково оценивают один и тот же факт в процессе культурного взаимодействия [Хлыщева 2009: 46], следовательно, понятие толерантности принимается и становится предпосылкой эффективного общения, а сама толерантность необходима как регулятор межличностных и социальных отношений. Толерантность понимается как уважение к различиям и понимание разнообразия, которое проявляется во внешности, статусе, речи, поведении, ценностях и т. д. В современном полиэтничном и мультикультурном обществе необходимо регулировать отношения между его представителями для поддержания гармоничности общения. «Требование социальной и культурной толерантности в современных условиях дополняется требованием языковой толерантности» [Савватеева 2008: 27]. Политкорректность как явление, тесно связанное с толерантностью, также понимается как «языковая толерантность» [Томашева, Ковалевич 2014: 158] и быстро расширяет свое влияние.

Политкорректность – это масштабное языковое, культурное, социальное и политическое явление современной эпохи. Как мощная культурная и языковая тенденция, она постепенно стала одной из норм повседневного речевого поведения людей. Политкорректность впервые появилась в США в конце XX в., а затем распростра-

нилась на другие страны. Политкорректные слова все чаще используются в политике, экономике, медийном дискурсе, повседневной жизни. Л. В. Цурикова определяет политкорректность как «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества» [Цурикова 2001: 94]. В книге С. Г. Тер-Минасовой читаем: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [Тер-Минасова 2000: 216].

Определение политической корректности обычно включает в себя такие характеристики, как избегание оскорблений или отсутствие дискриминации, а в языке – использование смягченных выражений для достижения этих целей. Как известно, одна из основных функций эвфемизма – именно смягчение, кроме того, задействуется и манипуляционный потенциал эвфемизма. Политкорректность – это не только социальное явление, но и культурная установка, она представляет собой переосмысление социальной культуры и пересмотр общепринятых норм поведения и языка. Функция манипулирования, присущая эвфемизму, может помочь сформировать общественное мнение и сделать его (эвфемизм) средством выражения новых социальных установок. Таким образом, становится совершенно понятно, почему именно эвфемизация стала наиболее распространенным средством формирования политкорректной лексики.

Следует принять во внимание, что главная цель политкорректности – преодоление всех видов дискриминации, в том числе по отношению к людям, обладающим непрестижными профессиями с низким социальным статусом. Эвфемизмы наименований профессий также являются политкорректной лексикой, вследствие чего добавляется новая причина их использования – устранение дискриминации в отношении непрестижных профессий. Эвфемизм – это не только замена и синоним некоторых языковых единиц, но и новое объяснение или новый ракурс определенного явления, и как таковой, он содержит новую – этическую оценку явления [Осипова, Веденская 2015: 164].

Таким образом, смягченные, положительные или нейтральные по окраске слова и выражения призваны улучшить имидж малопrestижных профессий и уменьшить негативные эмоции работников, занятых в этих профессиях, а также добиться успеха в общении и выразить желание говорящего исправить определенные некорректности. Следовательно, причины использования эвфемизмов наименований профессий в основном являются социальными и психологическими. Они включают в себя вежливость, сотрудничество, сохранение лица и устранение дискриминации в отношении непрестижных профессий.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод автора – Чжао Цзэхун.

² Программа экономических реформ, принятых в КНР; экономическая реформа, о которой говорится в тексте, также относится к этой программе.

Список литературы

Ванюшина Н. А. Происхождение и генезис термина «эвфемия» // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8(1). С. 33–35.

Головин С. А. Социальное неравенство: сущность и научные подходы // Преподаватель. XXI век. 2007. № 3. С. 134–147.

Гонашвили А. С. Социальная стратификация российского общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 1. С. 13–16.

Денисова Э. С., Халиман М. Б. Эвфемизм как уникальный языковой феномен в русской и китайской лингвокультурах (на материале тематической группы «Профессии») // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 270–280.

Крючкова Н. В. Концепт «prestиж» в отражении системной и ассоциативной лексикографии // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 3(7). С. 91–98.

Николенко Н. А. Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения // Logos et Praxis. 2014. № 6(26). С. 44–54.

НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. Вып. 2. 488 с.

Осипова Ю. А., Веденская Т. Е. Место эвфемизмов в лексической системе языка // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: Моск. молодеж. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2015. С. 164–170.

Савватеева Л. В. Метаязык коммуникации: лингвистическая политкорректность и социальная толерантность // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 10. С. 27–31.

СПЭ – Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М.: Политиздат, 1983. 445 с.

Старук М. М., Меликян В. Ю. Эвфемизация наименований малопrestижных профессий в современном русском языке // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. Ростов н/Д: Дониздат, 2014. С. 129–133.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.

Томашева И. В., Ковалевич Е. П. Политкорректность наименований профессий в английском, испанском и русском языках // Языки. Культуры. Перевод. 2014. № 1. С. 156–164.

Харитонова В. Ю. Эвфемизм как средство непрямой коммуникации // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма: сб. ст. Саратов: Саратов. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 141–146.

Хлыщева Е. В. Принцип толерантности как основа диалога культур // Власть. 2009. № 10. С. 45–48.

Цурикова Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагматический феномен // Эссе о социальной власти / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 94–102.

Чжан Чань. Эвфемизмы в наименованиях профессий в русском и китайском языках // ВГПУ «Грани познания». 2010. № 5(10). С. 64–65.

Шаховский В. И. Дискурсивность эмоций как коммуникативная универсалия // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юбилею В. И. Шаховского / отв. ред. С. В. Ионова. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. С. 149–160.

Шкаратан О. И. Сущность и функции социальной стратификации. Лекция из курса «Социальная структура и социальная стратификация» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 3. С. 43–66.

Goffman E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour. Garden City, New York: Anchor Books, 1967. 270 p.

Goffman E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 319–346.

Ге Веньян. Исследование эволюции китайских типичных эвфемизмов наименований профессий

дна общества: дис. ... канд. филол. наук. Сян-таньский университет, 2015. 66 с. 葛文艳. 汉语典型社会底层职业委婉语的流变研究. 中国语言文学. 湘潭大学, 2015. 66 p. (Ge wen yan. Han yu dian xing she hui di ceng zhi ye wei wan yu de liu bian yan jiu. Zhong guo yu yan wen xue. Xiang tan da xue. 2015. 66 p.)

Ли Цзюньхуа. Изучение китайских эвфемизмов. Китайское издательство общественных наук, 2010. 256 с. 李军华. 汉语委婉语研究. 中国社会科学出版社, 2010. 256 p. (Li jun hua. Han yu wei wan yu yan jiu. Zhong guo she hui ke xue chu ban she. 2010. 256 p.)

Чен Вандао. Введение в стилистику. Издательство университета Фудань, 2008. 238 с. 陈望道. 修辞学发凡. 复旦大学出版社, 2008. 238 p. (Chen wang dao. Xiu ci xue fa fan. Fu dan da xue chu ban she. 2008. 238 p.)

Шао Цзюньхан. Исследование эвфемизмов. Издательство Шанхайского университета транспорта, 2016. 187 с. 邵军航. 委婉语研究. 上海交通大学出版社, 2016. 187 p. (Shao jun hang. Wei wan yu yan jiu. Shang hai jiao tong da xue chu ban she. 2016. 187 p.)

Ян Цзиньфань. Исследование новых слов китайских наименований профессий: дис. ... канд. филол. наук. Юньнаньский педагогический университет, 2007. 47 с. 杨锦芬. 汉语职业称谓语中的新词研究. 语言学及应用语言学. 云南师范大学, 2007. 47 p. (Yang jin fen. Han yu zhi ye cheng wei yu zhong de xin ci yan jiu. yu yan xue ji ying yong yu yan xue. Yun nan shi fan da xue. 2007. 47 p.)

References

Vanyushina N. A. Proiskhozhdenie i genezis termina 'evfemiya' [The origin and genesis of the term 'euphemism']. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2008, issue 8(1), pp. 33–35. (In Russ.)

Golovin S. A. Sotsial'noe neravenstvo: sushchnost' i nauchnye podkhody [Social inequality: essence and scientific approaches]. *Prepodavatel. XXI vek* [The 21st Century Educator], 2007, issue 3, pp. 134–147. (In Russ.)

Gonashvili A. S. Sotsial'naya stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva [The social stratification of the Russian society]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2015, issue 1, pp. 13–16. (In Russ.)

Denisova E. S., Khaliman M. B. Evfemizm kak unikal'nyy yazykovoy fenomen v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh (na materiale tematicheskoy gruppy 'Professii') [Euphemism as a unique

phenomenon in Russian and Chinese linguocultures (on the basis of the thematic group 'the jobs')]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2016, issue 2, pp. 270–280. (In Russ.)

Kryuchkova N. V. Kontsept 'prestizh' v otrazhenii sistemnoy i assotsiativnoy leksikografii [Concept 'prestige' in the reflection of systematic and associative lexicography]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 2008, issue 3(7), pp. 91–98. (In Russ.)

Nikolenko N. A. Professional'naya stratifikatsiya kak sotsial'nyy fenomen: teoreticheskie podkhody i metody izucheniya [Professional stratification as a social phenomenon: theoretical approaches and methods of research]. *Logos et Praxis*, 2014, issue 6(26), pp. 44–54. (In Russ.)

Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2000, vol. 2. 488 p. (In Russ.)

Osipova Yu. A., Vedenskaya T. E. Mesto evfemizmov v leksicheskoy sisteme yazyka [The place of euphemisms in the lexical system of language]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: Moskovskaya molodezhnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Moscow Youth Scientific and Practical Conference 'Current Issues of Social and Humanities Knowledge']. Moscow, Pero Publ., 2015, pp. 164–170. (In Russ.)

Savvateeva L. V. Metayazyk kommunikatsii: lingvisticheskaya politkorrektnost' i sotsial'naya tolerantnost' [The metalanguage of communication: linguistic political correctness and social tolerance]. *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2008, issue 10, pp. 27–31. (In Russ.)

Slovar' po etike [A Dictionary of Ethics]. Ed. by I. S. Kon. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 445 p. (In Russ.)

Staruk M. M., Melikyan V. Yu. Evfemizatsiya naimenovaniy maloprestizhnykh professiy v sovremennom russkom yazyke [Euphemisation of names of low-prestige professions in contemporary Russian]. *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya* [Language and Law: Current Issues of Interaction: Proceedings of the IVth All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ed. by V. Yu. Melikyan. Rostov-on-Don, Donizdat Publ., 2014, pp. 129–133. (In Russ.)

Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Com-

munication]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 264 p. (In Russ.)

Tomasheva I. V., Kovalevich E. P. Politkorrektnost' naimenovaniy professiy v angliyskom, ispanskom i russskom yazykakh [Political correctness of occupational titles In English, Spanish and Russian]. *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Cultures. Translation], 2014, issue 1, pp. 156–164. (In Russ.)

Kharitonova V. Yu. Evfemizm kak sredstvo nepryamoy kommunikatsii [Euphemisms as a means of indirect communication]. *Problemy sovremennoy lingvistiki v kontekste antropotsentrizma* [Issues of Modern Linguistics in the Context of Anthropocentrism: Collection of Articles]. Saratov, Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics Press, 2016, pp. 141–146. (In Russ.)

Khlyshcheva E. V. Printsip tolerantnosti kak osnova dialoga kul'tur [The principle of tolerance as a basis for dialogue between cultures]. *Vlast'* [Power], 2009, issue 10, pp. 45–48. (In Russ.)

Tsurikova L. V. Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyy i pragmalingvisticheskiy fenomen [Political correctness as a socio-cultural and pragmalinguistic phenomenon]. *Esse o sotsial'noy vlasti* [An Essay on Social Power]. Ed. by L. I. Grishaeva. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001, pp. 94–102. (In Russ.)

Zhang Chan. Evfemizmy v naimenovaniyakh professiy v russskom i kitayskom yazykakh [Euphemisms in profession names in the Russian and Chinese languages]. *VGPU 'Grani poznaniya'* [VSPU 'Facets of Knowledge'], 2010, issue 5(10), pp. 64–65. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I. Diskursivnost' emotsiy kak kommunikativnaya universal'ya [Discursiveness of emotions as a communicative universal]. *Yazyk i emotsii: nominativnye i kommunikativnye aspekty*

[Language and Emotions: Nominative and Communicative Aspects: collection of scientific works]. Ed. by S. V. Ionova. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2009, pp. 149–160. (In Russ.)

Shkaratan O. I. Sushchnost' i funktsii sotsial'noy stratifikatsii. Lektsiya iz kursa 'Sotsial'naya struktura i sotsial'naya stratifikatsiya' [The essence and functions of social stratification. A lecture from the course 'Social structure and social stratification'] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2009, issue 3, pp. 43–66. (In Russ.)

Goffman E. *Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour*. Garden City, New York, Anchor Books, 1967. 270 p. (In Eng.)

Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction. *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, Penguin, 1972, pp. 319–346. (In Eng.)

Ge Wenyan. Han yu dian xing she hui di ceng zhi ye wei wan yu de liu bian yan jiu [Exploring the evolution of Chinese typical euphemisms for names of occupations at the bottom of society. Cand. philol. sci. diss.]. Xiangtan University, 2015. 66 p. (In Chin.)

Li Junhua. Han yu wei wan yu yan jiu [The Study of Chinese Euphemisms]. Zhong guo she hui ke xue chu ban she Publ., 2010. 256 p. (In Chin.)

Chen Wangdao. Xiu ci xue fa fan [Introduction to Stylistics]. Fu dan da xue chu ban she Publ., 2008. 238 p. (In Chin.)

Shao Junhang. Wei wan yu yan jiu [Research on Euphemisms]. Shang hai jiao tong da xue chu ban she Publ., 2016. 187 p. (In Chin.)

Yang Jinfen. Han yu zhi ye cheng wei yu zhong de xin ci yan jiu [Exploring new words in Chinese occupational titles. Cand. philol. sci. diss.]. Yunnan University of Education, 2007. 47 p. (In Chin.)

Euphemisms for Occupational Titles in the Russian and Chinese Languages

Zhao Zehong

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation. zhaozehong@mail.ru

SPIN-code: 3285-7910

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7441-4802>

ResearcherID: AGY-6617-2022

Submitted 23 Sep 2022

Revised 06 Oct 2022

Accepted 12 Nov 2022

For citation

Zhao Zehong. Evfemizmy naimenovaniy professiy v russkom i kitayskom yazykakh [Euphemisms for Occupational Titles in the Russian and Chinese Languages]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 58–66. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-58-66 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to euphemisms used for occupational titles in the Russian and Chinese languages. The study aims to clarify the definition of such euphemisms and to identify the reasons for their use. Descriptive and comparative research methods are employed in the work. Material for the study includes euphemisms themselves and theoretical studies on the process of euphemization. The article discusses the traditions in the study of euphemisms in Russian and Chinese linguistics, provides definitions of euphemisms in the Russian and Chinese languages, and explains the reasons why occupational titles are sometimes given euphemistic names. After determining the differences between the notions *prestige* and *social status*, the paper confirms, on the basis of the characteristics of euphemisms themselves, that it is *prestige* that acts as an indicator for evaluation of professions. The paper provides a scientific definition of euphemisms for occupational titles: as the reason for their appearance lies in social inequality, for designation of professions that are low in prestige there are used softened, positive or neutral words and expressions designed to improve the image of such areas of activity and reduce the negative emotions of workers employed in them. The study confirms that the reasons behind the use of euphemisms for occupational titles include: 1) politeness, 2) cooperation, 3) saving face, and 4) elimination of discrimination against people with non-prestigious professions. The study fills a gap in the theory of euphemisms used for occupational titles and provides a basis for their further study.

Key words: euphemisms for occupational titles; reasons for the use of euphemisms; professional stratification; Russian language; Chinese language.

УДК 030:81'374

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-67-77

Об истории составления китайско-русских словарей в России и Китае

Чэнь Юйцюн

аспирант факультета Высшей школы перевода

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. 15754326288@163.com

SPIN-код: 7833-6668

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7681-2601>

IstinaResearcherID (IRID): 338979097

*Статья поступила в редакцию 13.01.2022**Одобрена после рецензирования 17.06.2022**Принята к публикации 01.11.2022***Информация для цитирования**

Чэнь Юйцюн. Об истории составления китайско-русских словарей в России и Китае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 67–77. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-67-77

Аннотация. Статья посвящена истории составления китайско-русских словарей в России и Китае. Анализируется вклад в составление двуязычных словарей китайских и российских исследователей, рассматриваются особенности и последовательность создания китайско-русских словарей в обеих странах в разные периоды их истории. Показывается, что принципы отбора лексики в двуязычные словари обусловлены политическими, экономическими и социальными факторами. Материалом исследования послужили труды русских китаеведов XVIII в. (И. К. Россохин, А. Н. Парышев), XIX в. (Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, архимандрит Палладий), XX в. (И. М. Ошанин, Б. Г. Мудров) и китайских русистов (Чжан Хоучэнь, Чэнь Фэн, Чэнь Чусян), а также такие словари 1980-х годов, как: Большой Китайско-русский словарь (под ред. И. М. Ошанина), Китайско-русский словарь (под ред. Б. Г. Мудрова), «汉俄词典» Китайско-русский словарь (под ред. Ся Чжунъи). Автор делает вывод о том, что составители исследованных китайско-русских словарей, изданных в России и в Китае в указанный период, по-разному подходили к отбору диалектной и архаичной лексики, слов из литературного языка взънянь, научно-технических терминов. С точки зрения автора, это обусловлено стремлением российских лексикографов включить в словарь максимальное количество узкоспециализированной лексики, тогда как китайских лексикографов больше интересовала входящая в активный словарный состав языка обиходно-бытовая лексика.

Ключевые слова: русская лексикография; китайская лексикография; китайско-русская лексикография; двуязычные словари.

Введение

Словари являются важным индикатором политического, идеологического, социального и культурного развития страны, отражая внутренние процессы в стране и характер отношений с иностранными государствами. Россия и Китай являются странами-соседями и стратегическими партнерами, вследствие этого исторически сформировалась необходимость тесного взаимодействия между народами двух стран. В статье рас-

смотрена история составления китайско-русских словарей в России и в Китае, а также факторы, определяющие приоритетность включения тех или иных лексических единиц в словари. В качестве основного материала исследования были выбраны следующие словари: «Большой Китайско-русский словарь» (1983–1984) под редакцией И. М. Ошанина, «Китайско-русский словарь» (1980) под редакцией Б. Г. Мудрова, «Китайско-русский словарь» («汉俄词典»)

1989 г. под редакцией Ся Чжунъи. Рассмотрение словарей 1980-х гг. позволяет определить ту базу, на которой в дальнейшем развивалась в обеих странах китайско-русская лексикография, и делает возможным впоследствии конкретизировать детальный анализ более современных словарей.

Зарождение китайско-русской лексикографии в России

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению содержания наиболее поздних китайско-русских двуязычных словарей, необходимо проанализировать историю возникновения и развития китайско-русской лексикографии в России.

Начало истории двуязычной китайско-русской лексикографии относится к XVIII в., когда русские китаеведы разрабатывали рукописные словари и составляли справочники по китайскому языку, которые могли использовать изучающие этот язык [Ху Цзюньмэй 2007: 165; Чжан Бин 2018: 195]. Создателем первого русско-китайского словаря, нескольких разговорников и автором первой русской транскрипции китайских иероглифов был И. К. Россохин (Рассохин), проживший 12 лет в Пекине в качестве ученика Российской духовной миссии и с 1738 г. преподававший в этом городе в Училище русского языка при Императорской канцелярии. И. К. Россохин руководил школой китайского и маньчжурского языков при Академии наук и Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге с 1741 по 1751 г. Также после обучения в школе китайского языка в 1739–1743 гг. в качестве ученика Духовной миссии был отправлен в Пекин А. Л. Леонтьев. В Китае он перевел несколько научных работ и составил русско-маньчжурско-китайский разговорник. А. Агафонов известен как один из авторов первого маньчжурско-русского словаря. Воспитанник Тобольской духовной семинарии, ученик VI Российской духовной миссии А. Н. Парышев, собравший большую коллекцию китайских книг и рукописей [Дацышен 2013], был создателем словарей китайского и маньчжурского языка. Труды русских китаеведов XVIII в. заложили основу для будущего составления китайско-русских словарей.

К XIX в. изучение китайского языка в России было переведено на качественно иной уровень, и именно в этот период Н. Я. Бичурин (1777–1853) и В. П. Васильев внесли значительный вклад в развитие российского китаеведения.

Н. Я. Бичурин – один из основоположников русского китаеведения. Во время своего пребывания в Пекине для того, чтобы научиться лучше говорить по-китайски и составить китайско-

русский словарь, он надевал китайскую одежду¹ и бродил по улицам в Пекине, задавая вопрос: «как это называется?». В том случае, когда он видел что-то, чего не знал, он фиксировал конкретный термин и таким образом постепенно обогащал свой словарный запас. Ему удалось провести обширное исследование лексики на основе китайских словарей и классических текстов [Ху Цзюньмэй 2007: 165]. За время своего четырнадцатилетнего пребывания в Пекине в 1830-х гг. Н. Я. Бичурин составил первую часть Китайско-латинского словаря (для приезжавших в Цинский Китай русских китаистов). Позднее, сравнив этот словарь с китайским Словарем Канси (康熙字典), он сделал множество правок и дополнений к нему, затем переписал, разделив на девять томов [Чжан Цзиньчжун 2007: 81].

В 1840 г. В. П. Васильев, организатор кафедры китайского языка на Восточном факультете Санкт-Петербургского Императорского университета, отправился с Российской Духовной миссией в Пекин, где провел более девяти лет, изучая китайский, тибетский, санскритский, монгольский и маньчжурский языки. В 1867 г. он издал первый российский китайско-русский словарь «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (汉字的编排体系——第一部汉俄词典试编) [Лю Жомэй 2013: 61; Дацышен 2018: 858].

В 1888 г. в пекинской типографии Тун-вэньгуань было опубликовано издание первого тома «Китайско-русского словаря» (汉俄合璧韵编), разработанное бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской Дипломатической миссии П. С. Поповым [Ху Цзюньмэй 2007: 165]. Французский синолог Э. Э. Шаванн дал этой лексикографической работе такую оценку: «<...> словарь Палладия Кафарова зачастую является “последним резонансом”, когда даже китайские словари не могут помочь <...>. Пеллио, преподавая в Коллеж де Франс, тоже пользуется этим словарем» [Лю Жомэй 2013: 62].

Первый большой «Китайско-русский словарь» (по фонетической системе²) издал в 1887 г., Д. А. Пещуров (второе издание с дополнениями вышло в 1888 г.). Наибольшую известность получил изданный в 1891 г. в Академии наук его «Китайско-русский словарь» (по графической системе) (汉俄画法合璧字汇), причем автор в своей работе указывал, что он в части объема своего словаря был ограничен возможностями типографии Академии наук [Дацышен 2018: 859].

Составителем «Полного китайско-русского словаря» (Пекин, 1909), который по количеству иероглифов остается самым большим китайско-

русским словарем и до сегодняшнего дня, был И. А. Фигуровский (митрополит Иннокентий Пекинский). Современники о нем писали: «Начальник миссии, бывающий за службами также ежедневно утром и вечером, изучив китайский язык, ныне закончил издание монументального полного русско-китайского словаря, вышедшего в двух больших томах и заключающего в себе 2100 страниц текста. В этом словаре истолковано 16 845 китайских иероглифов и 150 000 выражений из китайских классиков и разговорной китайской речи» [цит. по: Дацышен 2018: 861]. В 1914 г. митрополит Иннокентий составил «Карманный китайско-русский словарь» [Дацышен 2013; Дацышен 2018: 861; Лю Жомэй 2018: 21].

Помимо опубликованных словарей, большое количество списков слов и словарных рукописей, составленных членами Российской духовной миссии в процессе изучения китайского языка, до сих пор сохранилось в рукописном виде. В Институте восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург) хранится 45 китайско-русских, маньчжурско-русских, русско-китайских и китайско-маньчжурских рукописных словарей, из которых около 15 были написаны в конце XVIII и первой половине XIX в., а также 34 рукописных словаря, авторов которых невозможно установить [Лю Жомэй 2010: 129].

Таким образом, основу для составления китайско-русских словарей в России заложили русские православные миссионеры, разработавшие рукописные словари и справочники по китайскому языку. Данный исторический этап является отправной точкой в китайско-русской лексикографии в России.

Китайско-русская лексикография России в XX в.

В XX в. в СССР было издано не менее десяти китайско-русских словарей, чему, с точки зрения китайских исследователей, способствовал «источниковедческий взрыв» в России 1990-х гг., приведший к более глубокому изучению китайско-российских отношений, истории и культуры Китая [Чжан Бин 2018: 198–199].

В 1927 г. был создан «Краткий китайско-русский словарь» под редакцией М. М. Абрамсона, Ху Цзя, «под руководством В. С. Колоколова и при участии китайских студентов в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена», отпечатанный литографическим способом [Чэнь Фэн 1988: 107]. Этот словарь основан на публицистике 1920-х гг. и полностью отражает богатую языковую практику В. С. Колоколова как преподавателя и переводчика китайского языка. В 1935 г. словарь был переименован в «Краткий китайско-русский словарь по графической систе-

ме, включающий важнейшие военные термины», переиздан и в течение нескольких десятилетий являлся «одним из лучших в этом роде» [Сафронов 1988: 104].

В конце 1920-х гг. ленинградские китаеведы из Академии наук СССР приступили к разработке проекта полного китайско-русского словаря, в котором нужно было учесть новые идеи в советской лексикографии. При работе над словарем его главный редактор филолог-китаист академик В. М. Алексеев опирался на лексикографическую теорию академика Л. В. Щербы, благодаря чему и план составления словаря, и сам словарь достигли высокого теоретико-методологического уровня [Сафронов 1988: 104].

В новом контексте образования Китайской Народной Республики китайско-русские словари, отражающие понятия традиционной китайской культуры, устарели. Появилась острая необходимость составления нового китайско-русского словаря. В 1952 г. под руководством и редакцией профессора И. М. Ошанина вышел словарь среднего объема «Китайско-русский словарь» (华俄词典, «Гос. изд-во иностр. и нац. словарей»), который «основан на современной китайской лексике и опирается на литературу из антологии Мао Цзэдуна и различных периодических изданий, выходявших в то время (объем которых не указан в предисловии к словарю)», причем его «справочные материалы включают различные современные китайские словари, опубликованные в Китае в 1940-х гг.», а весь текст проверен «согласно «Гоюй цыдянь»³ (国语词典, «Словарь государственного языка») под редакцией профессора Ли Цзиньси» [Сафронов 1988: 105]. Однако, как написал Б. Г. Мудров в 1980 г., хотя этот словарь «в течение почти тридцати лет (после издания) <...> был единственным серьезным пособием для китаистов различного профиля, но он в значительной степени устарел» [Дацышен 2018: 855].

В связи с продвижением в Китае пугунхуа, процессами стандартизации китайского языка, осуществлением реформы иероглифов, реализацией транскрипционной системы⁴ (拼音), китайский язык в графике, словоформах, фонетике, семантике и других аспектах претерпел большие изменения, и советские китаеведы нуждались в новом двуязычном словаре, содержащем лексику современного китайского языка. В результате в 1980 г. появился «Китайско-русский словарь» (汉俄词典) под редакцией Б. Г. Мудрова.

«Китайско-русский словарь» под редакцией Б. Г. Мудрова составлен на материале современной китайской литературы и периодических изданий. Употребительные словосочетания и иди-

оматические выражения включены в словарь в большом количестве. Также здесь в достаточной степени представлена научная терминология, а старый литературный язык «вэньянь»⁵ – в тех пределах, в каких его элементы сохранились в языке до настоящего времени. Поскольку в литературе, изданной в Китае до 1964 г., и в прессе Тайваня, Гонконга и Сингапура используются иероглифы в старом начертании, то в словаре традиционные иероглифы приводятся как ссылочные, со ссылкой на упрощенные иероглифы [Мудров 1980].

Как пишут китайские исследователи, «в восьмидесятые годы “Китайско-русский словарь” под редакцией Б. Г. Мудрова считался одним из лучших китайско-русских словарей, основанных на современном китайском языке» [Ху Цзюньмэй 2009: 90]. Этот словарь предназначался для практической и научной работы в области китаеведения, переводчиков, преподавателей и студентов, а также для лиц, знакомых с иероглифической письменностью и интересующихся литературой, культурой и историей Китая [Мудров 1980]. Второе издание этого словаря было опубликовано в 1988 г., обновлено до третьего издания в 1999 г. и в шестом издании (2006 г.) словарь стал называться «Большой китайско-русский словарь» (汉俄大词典).

В 1983 г. вышел другой словарь, также под редакцией И. М. Ошанина – первый том «Большого китайско-русского словаря» (华俄大词典) (далее – БКРС). «Мысль о необходимости в советское время издать “большой китайско-русский словарь, словарь всего китайского культурно-мирового наследия” принадлежала покойному академику Василию Михайловичу Алексееву и была высказана им не раз ещё в 30-х гг. За составление такого словаря под руководством акад. Алексеева и принялся созданный им коллектив ленинградских китаистов, в состав которого в конце 40-х гг. В. М. Алексеев включил и некоторых китаистов Москвы» [БКРС: 5]. В БКРС зафиксировано более 16 тысяч китайских иероглифов, включая более двух тысяч иероглифов в сокращенном написании, официально принятых в КНР [там же: 6].

Этот словарь содержит богатый набор лексических материалов, «важнейшими источниками для составления БКРС явились следующие издания: “Толковый словарь национального китайского языка” (国语词典) под редакцией Ли Цзиньси, Чжао Юаньжэя и Цянь Сюаньтуна; <...> копия первоначальной рукописи “Словаря современного китайского языка” (现代汉语词典) и сам словарь, вышедший в 1979 г.; рукопись “Китайско-русского словаря”, составленная

под руководством акад. В. М. Алексеева, краткие словари, изданные в 1957 г. и позднее: Тунъинь цзыдянь (同音字典) и Синьхуа цзыдянь (新华字典); “Словник односложных слов Пекинского диалекта” проф. Лу Чживэя (陆志伟, 北京话单音词词汇). Использован был также толковый и энциклопедический словарь “Цы хай” (辞海) под ред. Шу Синьчэна (舒新城), Шэнь И (沈颐), Сюй Юаньгао (徐元浩) и Чжан Сяна (张相), т. 1–2, издания 1936 и 1979 г. <...> Значительный лексический материал БКРС получен в результате расписки политической литературы». Кроме того, был использован «изданный в 1977 г. в Пекине “Китайско-русский словарь” (汉俄词典), составленный в Шанхайском институте иностранных языков» [БКРС: 6].

Далее необходимо более подробно остановиться на особенностях содержания вышеперечисленных советских словарей.

«Большой китайско-русский словарь» включает более 250 000 словарных статей, учитывает все виды лексических материалов, в том числе общеупотребительные слова и слова старого литературного языка «вэньянь», древнекитайские слова, часто употребляющиеся в современных текстах, слова, встречающиеся в стихах, поэмах, песнях, а также научно-технические термины и жаргонные слова из литературных произведений [Гу Болин 1986: 28].

Однако в «Большом китайско-русском словаре» архаичные слова, особенно слова старого литературного языка «вэньянь», собраны чрезмерно, например, 仁恕掾 ‘ист. Чин гуманности и кротости (об инспекторе тюрем; дин. Хань)’, 仁獸 ‘миф. единорог’, 仁寿节 ‘стар. Праздник гуманности и долголетия (2/ХІІ по лунному календарю)’, 仁尊 ‘будд. Человеколюбивый, за человеколюбие почитаемый (один из титулов Будды)’. Существует в словаре также ряд ошибок в толковании словарных статей, например, с. 6: 一锤子买卖 ‘торговля на одну гирьку (обр. в знач.: торговое предприятие едва держится; лавка, фирма на краю банкротства)’, это слово в китайском языке употребляются в значении «однократная торговля» [БКРС 2009: 2399]; с. 20: 一丝不挂 ‘совершенно свободный, ничем не связанный’, 一丝不挂 означает «голый» [БКРС 2009: 2408]. Следует отметить, что в этом словаре использованы традиционные иероглифы, а не упрощенные, что вызывает трудности при его использовании, «это недостаток, который нельзя игнорировать» [Гу Болин 1986: 34].

По сравнению с «Большим китайско-русским словарем» под редакцией И. М. Ошанина, изданным в 1983–1984 г., словарь под редакцией

Б. Г. Мудрова включает в себя совсем немного устаревших слов. Так, например, в нем исключены словарные статьи с заголовочным словом, включающим иероглиф — ‘и’ (一指禅 ‘1) будд. познание единой сущности, к которой сводятся все дармы (по преданию, один из будд. монахов достиг этого познания, когда наставник показал ему поднятый кверху палец); 2) искусство массажа; массаж; 10 приемов массажа (напр. Надавливание, поглаживание)’, 一堂儿 ‘1) одно помещение; одно заседание; один комплект (набор); 家具一堂儿新 вся мебель целиком новая; 2) все присутствующие; весь зал; весь стол; вся аудитория; 3) ряд подношений, жертвенные дары’, 一立楞 ‘диал. встать (подняться) дыбом, разом вздыбиться, сразу подняться вверх’, 一搭儿 ‘вместе, сообща’, 一络索 ‘1) связываться воедино; 2) среднекит., перен. одно целое; вся коллекция’, 一署 ‘однажды; если однажды’, 一審 ‘юр. первое слушание дела, разбор дела в первой инстанции’, 一準 ‘точно, определенно; непременно, обязательно, конечно; определенный, установленный’, 一下裏 ‘среднекит. с одной (с другой) стороны’, которые редко употребляются. Кроме того, в словаре под редакцией Б. Г. Мудрова пересмотрена техническая терминология и удалены неточные технические термины, включенные в словарь под редакцией И. М. Ошанина, а при толковании китайских фразеологизмов нередко приводятся соответствующие русские фразеологизмы (например, 穷乡僻壤 ‘захолустье, медвежий угол’; 有备无患 ‘готовь сани летом, а телегу зимой’).

Для некоторых безэквивалентных слов, обозначающих вещи и концепции, уникальные в истории и культуре китайского народа, «Китайско-русский словарь» под редакцией Б. Г. Мудрова дает комментарий в дополнение к переводу. Например, 二锅头 ‘эрготоу (кит. водка двойной очистки)’, 二更 ‘вторая стража (время с 9 до 11 часов вечера)’, 二花脸 ‘второй персонаж китайской оперы (изображающий смелого или коварного героя)’, 上元节 ‘праздник фонарей (15-го числа 1-го месяца по лунному календарю)’, 土地庙 ‘кумирня (в честь местных духов)’, 压岁钱 ‘денежный подарок (детям) к Новому году’, 上月节 ‘праздник начала лета (в 5-й месяц по лунному календарю)’.

Таким образом, XX век стал периодом расцвета китайско-русской лексикографии, поскольку именно тогда начали издаваться китайско-русские словари, составленные китайскими учеными. В то же время в России был издан ряд влиятельных работ – таких как «Китайско-русский словарь» (1952) под редакцией И. М. Ошанина, «Китайско-русский словарь» (1980) под

редакцией Б. Г. Мудрова и четырёхтомный «Большой Китайско-русский словарь» (1983–1984) также под редакцией И. М. Ошанина.

Помимо этого, поскольку Китай в XX в. испытал значительные преобразования культурного, политического, экономического и социального плана, их необходимо было учитывать и в содержании словарей, издававшихся в то время в Советском Союзе, где особую роль играл подбор новой лексики, связанной с новым политическим строем страны, а также с теми процессами, которые проходили в китайском языке на фоне политики «Культурной революции» и стандартизации китайского языка.

В свою очередь, смена политического курса в Китае вызвала заметный сдвиг в сторону интереса к СССР, а также его идеологической и политической модели, что неизбежно привело к процессам в русско-китайской лексикографии, о которых будет идти речь ниже.

Китайско-русская лексикография в Китае

Несмотря на то что в Китае в сорок седьмой год правления императора Канси (в 1708 г.) была создана школа русского языка и к концу цинской династии его преподавание велось уже более двух столетий, в отличие от России, никаких достижений в области составления русско-китайских и китайско-русских словарей отмечено не было [Янь Годун 2010: 16]. В 1917 г. благодаря выходу в свет «Русско-китайского словаря» Чэн Яочэня была завершена эпоха создания таких русско-китайских и китайско-русских словарей, которые со времен цинской династии преимущественно составлялись русскими специалистами, и словарь Чэн Яочэня ознаменовал эру создания словарей русского языка китайскими авторами [Янь Годун 2010: 24].

В Китае развитие китайско-русской и русско-китайской лексикографии происходило в основном во второй половине XX в., поскольку в его первой половине было популярно изучение английского языка, а русский язык преподавался лишь в нескольких учебных заведениях, и в целом очень немногие китайцы владели этим языком. В связи с этим было издано небольшое количество китайско-русских словарей. Согласно сведениям о словарях, включенным в «Большой китайский словарь справочной литературы» (中国工具书大辞典), в этот период в Китае было издано семь русско-китайских и китайско-русских словарей, в частности «Большой русско-китайский словарь» (俄华大字典) под редакцией Чэн Яочэня (1925), «Новый русско-китайский словарь» (俄华新字典) под редакцией Лу Дахэ (1924), «Новый китайско-русский комбинированный словарь» (中俄合璧新字典) под редакци-

ей Ван Инхя (1929), «Новый большой китайско-русский словарь» (新中俄大字典), под редакцией Лу Дахэ и др. (1930), «Большой китайско-русский коммерческий комбинированный словарь» (华俄合璧商务大字典, редактор и переводчик Чэн Яочэнь, 1917) [Сюй Цзую 1991].

В 1950-х гг. КНР находилась на начальном этапе своего становления и остро нуждалась в большом количестве строительных и управленческих кадров, обладающих профессиональными и техническими навыками. После восстановления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом с 1932 г. председатель КНР Мао Цзэдун заявил: «我们要进行伟大的国家建设, 我们目前的工作是很艰苦的, 我们的经验是很不够的, 因此, 要认真学习苏联先进经验, <...> 我们不仅要学习马克思、恩格斯、列宁、斯大林的理论, 而且要学习苏联先进的科学技术。我们要在全国范围内掀起学习苏联的热潮, 来建设我们的国家» ‘Мы хотим осуществить великое государственное строительство, наша нынешняя работа очень трудна, наш опыт очень недостаточен, поэтому мы должны серьезно изучить передовой опыт Советского Союза, <...>, мы должны не только изучать теории К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, но и изучать передовые технологии Советского Союза. Для строительства нашей страны мы должны поднять настоящую волну по обучению у Советского Союза’ [Хао Шичан 2001: 259]. В такой политической обстановке в Китае начался подъем изучения русского языка. Однако из-за отсутствия в то время в Китае профессиональной команды по составлению словарей для удовлетворения насущной потребности было опубликовано лишь небольшое количество русско-китайских словарей, а китайско-русских словарей не было издано вообще [Чэнь Чусян 2001: 3].

«Культурная революция», произошедшая в Китае с 1966 по 1976 г., нанесла тяжелый удар по образованию и культуре. В то же время сильно пострадало и составление китайско-русских словарей. В 1975 г. Министерство образования КНР и Национальное издательство организовали в г. Гуанчжоу «Семинар по составлению и изданию китайско-иностранных словарей» [Цзо Дачэн 1989: 8], и это стало переломным моментом для китайской лексикографии. Много учебных заведений и издательств взяли за составление различных научно-справочных работ, которые были запланированы на семинаре, в том числе начали создавать китайско-русские словари. В 1977 г. был опубликован «Китайско-русский словарь» (汉俄词典), и в 1991 г. и 1992 г. были изданы «Прикладной китайско-русский словарь»

(汉俄实用词典) под редакцией Чжан Хоучэня и двухтомный «Большой китайско-русский словарь» (大汉俄词典) [Чэнь Чусян 2001: 6].

«Китайско-русский словарь» (汉俄词典) был создан старшим поколением преподавателей факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков, опубликован «Коммерческим издательством» в 1977 г., переиздан в 1989 г., его главный редактор – Ся Чжунъи. Словарь является первым китайско-русским словарем в Китае. Он имеет около 56 000 словарных статей и до 1980 г. печатался 18 раз. В нем гнездовые иероглифы расположены в алфавитном порядке, для поиска имеется детальный ключевой указатель. В тот же период данный словарь неоднократно издавался в России. Его основой является «Словарь современного китайского языка» (现代汉语词典) 1965 г. Необходимо отметить, что в «Китайско-русском словаре» были выработаны чрезвычайно строгие критерии отбора диалектных и древнекитайских слов. Составители смягчили критерии включения энциклопедических слов, добавили новую научную и техническую терминологию, отражающую современное развитие науки и техники, а также новые слова, часто употребляющиеся в газетах и журналах [Гу Болин 1987: 17]. В словаре нашла свое отражение экономическая, политическая и культурная жизнь современного Китая.

По сравнению с «Большим китайско-русским словарем» под редакцией И. М. Ошанина, изданным в тот же период, критерии отбора диалектизмов «Китайско-русского словаря» под редакцией Ся Чжунъи более строгие: отбиралось лишь небольшое количество общеупотребительных диалектных слов, которые знакомы всем китайцам и канонически употребляются так, что их невозможно заменить, например: 咋 ‘〈方〉怎么’ как; что; почему; зачем; каким образом’, 俺 ‘〈方〉1. 我们’ мы; (我们的) наш. 2. (我的) мой’. Среди слов старого литературного языка «вэньянь» в данном словаре выбирались только те, которые широко используются в современных книгах и периодических изданиях, как 阅世 ‘〈书〉 приобретать жизненный опыт’, 颐养 ‘〈书〉 беречь здоровье; заботиться о здоровье’, 莞尔 ‘〈书〉 чуть (еле заметно) улыбнуться; с легкой (с чуть заметной) улыбкой’. А устаревшие слова не принимались. С быстрым развитием науки и техники появилось много новых научных и технических терминов, поэтому научно-технические термины представлены в данном словаре в достаточной степени. Наряду с этим, из словаря исключены термины, встречающиеся только в узкоспециализированных словарях, добавлены те, которые

широко известны, например: 激光 ‘〈理〉 лазер’, 生物圈 ‘〈地质〉 биосфера’, 航空母舰 ‘авианосец; авиаматка’, 航路 ‘〈海〉 фарватер’.

Таким образом, расцвет китайско-русской лексикографии в Китае относится ко второй половине XX в., что было обусловлено значительными преобразованиями в стране, а также потребностью в области политических, культурных и идеологических обменов с СССР.

Помимо этого, в отличие от словарей, составленных российскими и советскими исследователями, в словарях, созданных в Китае, основной акцент делался на практическом применении тех лексических единиц, которые включались в содержание словарей. В данном процессе активно происходило исключение устаревших и диалектных слов, а также сокращение узкоспециализированной лексики.

Выводы

В данной работе был проведен анализ исторических этапов развития китайско-русской лексикографии в России и в Китае. Кроме того, нами были рассмотрены особенности содержания некоторых китайско-русских словарей, принципы отбора лексических единиц, а также исторический, политический и культурный контекст, который оказывал влияние на процесс отбора лексических единиц.

Итак, рассмотрение истории составления китайско-русских словарей в России и Китае позволяет выявить следующее.

1. Первые китайско-русские словари были составлены русскими православными миссионерами, прибывшими в Китай. Именно они были первыми русскими китаеведами, которые разрабатывали рукописные словари и составляли справочники по китайскому языку. Их труды заложили основу для будущего китайско-русской лексикографии.

2. XX в. стал периодом расцвета китайско-русской лексикографии, именно тогда начали издаваться китайско-русские словари, составленные китайскими учеными. В то же время в России был издан ряд влиятельных работ – таких как «Китайско-русский словарь» (1952) под редакцией И. М. Ошанина, «Китайско-русский словарь» (1980) под редакцией Б. Г. Мудрова и четырехтомный «Большой Китайско-русский словарь» (1983–1984) также под редакцией И. М. Ошанина.

3. При изучении истории китайско-русской лексикографии очень важно принимать во внимание факторы политические, экономические и культурные.

Предварительный анализ отбора лексики в нескольких словарях, созданных в XX в. в России («Китайско-русский словарь», «Большой Китайско-русский словарь») и Китае («汉俄词典»), выявил следующее.

1. Все три словаря составлены на основе современной китайской лексики, включают слова различных типов, но различаются критериями отбора диалектных слов, архаичных слов, слов из литературного языка «вэньянь», научно-технических терминов.

2. Составители китайско-русских словарей, изданных в России, собрали максимально полную коллекцию слов различных периодов и типов, а создатели китайско-русских словарей, изданных в Китае для практического решения переводческих проблем, исключили термины, встречающиеся только в узкоспециализированных словарях, для того, чтобы, как представляется, сэкономить место для более необходимых, с их точки зрения, словарных статей.

Примечания

¹ XVIII век – Маньчжурская династия Цин (1644–1911), захватившая Пекин в 1644 г., стала последней монархической династией Китая и просуществовала около 260 лет. «На первом этапе династия Цин, чтобы укрепить свою власть и позиции в Пекине, издала указ, согласно которому под страхом смертной казни каждый мужчина в империи был обязан одеваться в маньчжурском стиле и брить макушку, как это было принято у маньчжуров» [Чжу Хуа 2020: 12].

² Русские словари используют фонетическую систему поиска, во всех современных китайских словарях применяются специальные поисковые системы – ключевая, фонетическая и графическая, то есть лексические единицы группируются по ключевому, фонетическому принципам и по количеству черт. Однако «система “пиньинь” используется в качестве основной фонетической системы поиска в китайских специальных/толковых словарях и справочниках, китайско-английских (и прочих западных) словарях и справочниках, вышедших после 1979 г.» [Шеньшина 2007: 15].

³ «В 1937–1945 годах была осуществлена публикация первого полного словаря слов современного китайского языка – восьмитомного «Гоюй цыдянь» («国语辞典», «Словарь государственного языка»), который в отличие от традиционных иероглифических справочников включал не только отдельные иероглифы, но также и слова современного языка, в том числе двусложные и многосложные, которые обычно записываются иероглифами по числу слогов. Стандарт-

ное пекинское чтение иероглифов в «Гоюй цыдянь» было указано с помощью чжуинь цзыму и гоюй ломацзы» [Завьялова 2014: 41].

⁴ В указанных китайских словарях лексические единицы упорядочены по латинизированному алфавиту ханьюй пиньинь: «В «Законе о языке и письменности» <...>, вступившем в силу 1 января 2001, пиньинь определен как единый стандарт алфавитной записи и транскрипции слов путунхуа, который применяется в тех случаях, когда использование иероглифов является неудобным или невозможным» [Завьялова 2008: 708].

⁵ Термин «вэньянь» «употребляется применительно к китайскому письменному языку, воспроизводящему грамматические и лексические особенности раннеклассических и отчасти позднеклассических древнекитайских текстов. Начало формированию вэньяня было положено в эпоху Тан (618–907). <...> До начала XX в. вэньянь был единственным языком официальных документов (Исключение – период монг. дин. Юань), деловой переписки, науки, периодич. изданий, появившихся в Китае в 70-х XIX в., отчасти художественной литературы. <...> В учебной западной литературе вэньянем иногда называют также собственно древнекитайский язык» [Завьялова 2008: 693].

Список источников с сокращениями

БКРС – Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах / под ред. проф. И. М. Ошанина = 華俄大辭典. М.: Наука (Глав. ред. вост. лит-ры), 1983–1984.

Мудров 1980 – Мудров Б. Г. Китайско-русский словарь / З. И. Баранова, В. Е. Гладиков, В. А. Жавороников, Б. Г. Мудров. М.: Рус. яз., 1980. 528 с.

Ся Чжунъи. Китайско-русский словарь. Шанхай: Шанхай Вайюйцзяоюй, 1989. 2575 с. 夏仲毅. 汉俄词典. 上海: 上海外语教育出版社, 1989. 2575页 (Xia Zhongyi. Han e ci dian. Shang hai: Shang hai wai jiao yu chu ban she. 1989. 2575 p.)

Список литературы

Дацышен В. Г. Русские китаеведы XVIII – начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий библиографический справочник) // Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН / сост. А. И. Кобзев; отв. ред. А. Р. Вяткин. М.: Наука, 2013. 583 с.

Дацышен В. Г. К проблеме словарей в русском китаеведении // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48, № 48-2. С. 851–865.

Завьялова О. И. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко;

Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3: Язык и письменность. 2008. 855 с.

Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М.: Восточная книга, 2014. 320 с.

Сафронов М. В. История создания китайско-русских словарей / пер. Се Зайфу // Исследования лексикографии. 1988. № 4. С. 102–108.

Шеньшина М. А. Как не заблудиться в китайских словарях: начальный уровень: современный комплексный подход к самостоятельному изучению любого иностранного языка. М.: Восток-Запад, 2007. 119 с.

Лю Жомэй. Первые словари китайского языка, опубликованные русскими китаеводами // Академик В. П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения: тез. конф. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 19–23.

Чжан Бин. Исторический очерк российского китаеведения // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48, № 48-2. С. 195–204.

Янь Годун. Первый русско-китайский словарь, составленный китайцем // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение, африканистика. 2010. № 2. С. 16–25.

Большой китайско-русский словарь. Шанхай: Шанхай Вайюйцзяоюй, 2009. 2877 с. 汉俄大词典. 上海: 上海外语教育出版社. 2009. 2877 p. (Han e da ci dian. Shang hai wai yu jiao yu chu ban she. 2009. 2877 p.)

Гу Болин. Словарные статьи «Большого китайско-русского словаря» // Исследование лексикографии. 1986. № 3. С. 27–34. 顾柏林. 华俄大词典的汉语词目. 辞书研究. 1986(3). P. 27–34. (Gu Bolin. Hua e da ci dian de han yu ci mu // Ci shu yan jiu. 1986(3). P. 27–34.)

Гу Болин. Опыт составления «Китайско-русского словаря» // Современные иностранные языки. 1987. № 2. С. 17–20. 顾柏林. 编写《汉俄词典》的一些体会. 现代外语. 1987(2). P. 17–20. (Gu Bolin. Bian xie han e ci dian de yi xie ti hui // Xian dai han yu. 1987(2). P. 17–20.)

Лю Жомэй. О рукописях маньчжурских и китайских словарей русских китаеведов, попавших в Китай во времена династии Цин // Исследования лексикографии. 2010. № 4. С. 127–138. 柳若梅. 清代入华俄罗斯汉学家的满汉语词典手稿散论. 辞书研究. 2010(4). P. 127–138. (Liu Ruomei. Qing dai ru hua e luo si han xue jia de man han yu ci dian shou gao san lun // Ci shu yan jiu. 2010(4). P. 127–138.)

Лю Жомэй. Ранние китайские словари, издаваемые русскими синологами // Исследование лексикографии. 2013. № 1. С. 60–67. 柳若梅. 俄罗斯汉学家出版的早期汉语词典. 辞书研究. 2013(1). P. 60–67. (Liu Ruomei. E luo si han xue jia chu ban

de zao qi han yu ci dian // Ci shu yan jiu. 2013(1). P. 60–67.)

Сюй Цзюю, Шень И. Справочник китайских словарей. Фучжоу: Фуцзяньжэйминь чубаньшэ, 1991. 1138 с. 徐祖友、沈益. 中国工具书大辞典. 福州: 福建人民出版社. 1991. 1138 p. (Xu Zuyou, Shen Yi. Zhong guo gong ju shu da ci dian. Fuzhou: Fu jian ren min chu ban she. 1991. 1138 p.)

Хао Шичан, Ли Ячэнь. История образования в Советском Союзе. Харбин: Хэйлунцзян Цзяюй, 2001. 407 с. 郝世昌、李亚晨. 留苏教育史稿. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社. 2001. 407 p. (Hao Shichang, Li Yachen. Liu su jiao yu shi gao. Harbin: Hei long jiang jiao yu chu ban she. 2001. 407 p.)

Ху Цзюньмэй. История составления китайско-русских словарей в России // Информация о науке и технике провинции Хэйлунцзян. 2007. № 3. С. 165. 胡俊梅. 俄国汉俄词典编纂历史沿革. 黑龙江科技信息. 2007(3). P. 165. (Hu junmei. E guo han e ci dian bian zuan li shi yan ge. // Hei long jiang ke ji xin xi. 2007(3). P. 165.)

Ху Цзюньмэй. Анализ «Большого Китайско-русского словаря» под редакцией Б. Г. Мудрова с точки зрения отбора лексики и толкования // Преподавание русского языка в Китае. 2009. № 2. С. 90–94. 胡俊梅. 从收词、释义看牧德落夫主编的《汉俄大词典》. 中国俄语教学. 2009(2). P. 90–94. (Hu junmei. Cong shou ci shi yi kan mu de luo fu zhu bian de han e da ci dian // Zhong guo e yu jiao xue. 2009(2). P. 90–94.)

Цзо Дачэн. Обзор и размышление об издании словарей // Исследование лексикографии. 1989. № 1. С. 8–10. 左大成. 辞书出版工作的回顾与思考. 辞书研究. 1989(1). P. 8–10. (Zuo Dacheng. Ci shu chu ban gong zuo de hui gu yu si kao. // Ci shu yan jiu. 1989(1). P. 8–10.)

Чжу Хуа. Изучение культурных особенностей маньчжурских костюмов династии Цин // Журнал Восточного университета Ляонин (издание по общественным наукам). 2020. № 3. С. 11–16. 朱华. 清代满族服饰文化特征探析. 辽东学院学报(社会科学版). 丹东: 辽东学院. 2020(3). P. 11–16. (Zhu Hua. Qing dai man zu fu shi wen hua te zheng tan xi // Liao dong xue yuan bao (She hui ke xue ban). 2020(3). P. 11–16.)

Чжан Цзиньчжун. Ранние русско-китайские словари в нашей стране // Исследование лексикографии. 2007. № 6. С. 80–84. 张金忠. 我国早期的俄汉词典编纂. 辞书研究. 2007(6). P. 80–84. (Zhang Jinzhong. Wo guo zao qi de han e ci dian bian zuan // Ci shu yan jiu. 2007(6). P. 80–84.)

Чэнь Чусян. Столетний обзор русских двуязычных словарей // Исследование лексикографии. 2001. № 4. С. 1–10. 陈楚祥. 俄语类双语

词典发展的世纪回顾. 辞书研究. 2001(4). P. 1–10. (Chen Chuxiang. E yu lei shuang yu ci dian fa zhan de shi ji hui gu // Ci shu yan jiu. 2001(4). P. 1–10.)

Чэнь Фэн. Комментарий к «Большому китайско-русскому словарю» под редакцией проф. И. М. Ошанина // Исследование лексикографии. 1988. № 1. С. 130–135. 陈枫. 评鄂山荫教授主编的《华俄大辞典》. 辞书研究. 1988(1). P. 130–135. (Chen Feng. Ping e shan yin jiao shou zhu bian de hua e da ci dian // Ci shu yan jiu. 1988(1). P. 130–135.)

References

Datsyshen V. G. Russkie kitaevedy XVIII – nachala XX vv.: prepodavateli i sostaviteli slovarey (kratkiy biobibliograficheskiy spravochnik) [Russian Sinologists of the 18th – early 20th centuries: Teachers and dictionary compilers (a brief biobibliographical reference book)]. The Archive of Russian Sinology. The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Comp. by A. I. Kobzev, ed. by A. R. Vyatkin. Moscow, Nauka Publ., 2013. 583 p. (In Russ.)

Datsyshen V. G. K probleme slovarey v russkom kitaevedenii [On the problem of dictionaries in Russian Chinese studies]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2018, vol. 48, issue 48-2, pp. 851–865. (In Russ.)

Zav'yalova O. I. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. [Spiritual Culture of China: An Encyclopaedia: in 5 vols.]. Ed. by M. L. Titarenko. The Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006, vol. 3. Yazyk i pis'mennost' [Language and Writing]. 855 p. (In Russ.)

Zav'yalova O. I. *Bol'shoy mir kitayskogo yazyka* [The Big World of the Chinese Language]. 2nd ed. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2014. 320 p. (In Russ.)

Safronov M. V. *Istoriya sozdaniya kitaysko-russkikh slovarey* [The History of Creation of Chinese-Russian Dictionaries]. *Issledovanie leksikografii* [Lexicography Research], 1988, issue 4, pp. 102–108. (In Russ.)

Shen'shina M. A. Kak ne zabludit'sya v kitayskikh slovaryakh: nachal'nyy uroven': sovremennyy kompleksnyy podkhod k samostoyatel'nomu izucheniyu lyubogo inostrannogo yazyka [How Not to Get Lost In Chinese Dictionaries: Basic Level: a Modern Comprehensive Approach to Independent Learning of any Foreign Language]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2007. 119 p. (In Russ.)

Liu Ruomei. Pervye slovari kitayskogo yazyka, opublikovannye russkimi kitaevedami [First dictionaries of the Chinese language published by Russian

Sinologists]. *Akademik V. P. Vasil'ev (1818–1900) kak issledovatel' istorii i kul'tury Kitaya, Tibeta i Mongolii. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya: Tezisy konferentsii* [The Member of the Academy of Sciences V. P. Vasil'ev (1818–1900) as a Researcher of the History and Culture of China, Tibet, and Mongolia. On the Occasion of the Bicentennial of the Birth: Proceedings of the Conference]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2018, pp. 19–23. (In Russ.)

Zhang Bing. *Istoricheskiy ocherk rossiyskogo kitaevedeniya* [Brief history of Russian Sinology]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State In China], 2018, vol. 48, issue 48-2, pp. 195–204. (In Russ.)

Yan Guodong. *Pervyy russko-kitayskiy slovar' sostavlennyi kitaytsem* [The first Russian-Chinese dictionary compiled by a Chinese]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie, afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian and African Studies], 2010, issue 2, pp. 16–25. (In Russ.)

Han e da ci dian [The Big Chinese-Russian Dictionary]. Shang hai wai yu jiao yu chu ban she Publ., 2009. 2877 p. (In Chin.)

Gu Bolin. *Hua e da ci dian de han yu ci mu* [Lexical entries in 'The Big Chinese-Russian Dictionary']. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 1986, issue 3, pp. 27–34. (In Chin.)

Gu Bolin. *Bian xie han e ci dian de yi xie ti hui* [Some experience in compiling 'Chinese-Russian Dictionary']. *Xian dai han yu* [Modern Foreign Languages], 1987, issue 2, pp. 17–20. (In Chin.)

Liu Ruomei. *Qing dai ru hua e luo si han xue jia de man han yu ci dian shou gao san lun* [On the manuscripts of Manchu and Chinese dictionaries of Russian Sinologists that reached China during the reign of the Qing dynasty]. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 2010, issue 4, pp. 127–138. (In Chin.)

Liu Ruomei. *E luo si han xue jia chu ban de zao qi han yu ci dian* [Early Chinese dictionaries published by Russian Sinologists]. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 2013, issue 1, pp. 60–67. (In Chin.)

Xu Zuyou, Shen Yi. *Zhong guo gong ju shu da ci dian* [A Reference book of Chinese Dictionaries]. Fuzhou: Fu jian ren min chu ban she Publ., 1991. 1138 p. (In Chin.)

Hao Shichang, Li Yachen. *Liu su jiao yu shi gao* [The History of Education in the Soviet Union]. Harbin: Hei long jiang jiao yu chu ban she Publ., 2001. 407 p. (In Chin.)

Hu Junmei. *E guo han e ci dian bian zuan li shi yan ge* [The History of Russian-Chinese dictionary compilation]. *Hei long jiang ke ji xin xi* [Information on Science and technology in Heilongjiang], 2007, issue 3, p. 165. (In Chin.)

Hu Junmei. *Cong shou ci shi yi kan mu de luo fu zhu bian de han e da ci dian* [Analysis of 'The Big Chinese-Russian Dictionary' edited by B. G. Mudrov from the point of view of word selection and interpretation]. *Zhong guo e yu jiao xue* [Teaching of the Russian Language In China], 2009. pp. 90–94. (In Chin.)

Zuo Dacheng. *Ci shu chu ban gong zuo de hui gu yu si kao* [A review and reflection on the publication of dictionaries]. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 1989, issue 1, pp. 8–10. (In Chin.)

Zhu Hua. *Qing dai man zu fu shi wen hua te zheng tan xi* [Exploring the cultural characteristics of Manchu costumes of the Qing Dynasty]. *Liao dong xue yuan bao (She hui ke xue ban)* [Journal of Eastern Liaoning University. Social Sciences], 2020, issue 3, pp. 11–16. (In Chin.)

Zhang Jinzhong. *Wo guo zao qi de han e ci dian bian zuan* [Early Russian-Chinese dictionaries in our country]. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 2007, issue 6, pp. 80–84. (In Chin.)

Chen Chuxiang. *E yu lei shuang yu ci dian fa zhan de shi ji hui gu* [A centenary review of Russian bilingual dictionaries]. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 2001, issue 4, pp. 1–10. (In Chin.)

Chen Feng. *Ping e shan yin jiao shou zhu bian de hua e da ci dian* [Commentaries on 'The Big Chinese and Russian Dictionary' edited by Prof. I. M. Oshannin]. *Ci shu yan jiu* [Lexicography Research], 1988, issue 1, pp. 130–135. (In Chin.)

On the History of Compilation of Chinese-Russian Dictionaries in Russia and China

Chen Yuqiong

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpreting

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. 15754326288@163.com

SPIN-code: 7833-6668

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7681-2601>

IstinaResearcherID (IRID): 338979097

Submitted 13 Jan 2022

Revised 17 Jun 2022

Accepted 01 Nov 2022

For citation

Chen Yuqiong. Ob istorii sostavleniya kitaysko-russkikh slovarey v Rossii i Kitae [On the History of Compilation of Chinese-Russian Dictionaries in Russia and China]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 67–77. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-67-77 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the history of compiling Chinese-Russian dictionaries in Russia and China. The contribution of Chinese and Russian researchers to the compilation of bilingual dictionaries is analyzed, the features and sequence of the creation of Chinese-Russian dictionaries in both countries in different periods of their history are discussed. It is shown that the principles of selecting vocabulary for bilingual dictionaries are determined by political, economic, and social factors. The material of this article are the works of Russian Sinologists of the 18th century (I. K. Rossokhin, A. N. Paryshev), 19th century (N. Ya. Bichurin, V. P. Vasiliev, Archimandrite Pallady), 20th century (I. M. Oshanin, B. G. Mudrov), and Chinese Russianists (Zhang Houchen, Chen Feng, Chen Chuxiang), as well as dictionaries of the 1980s *The Big Chinese-Russian Dictionary* (1983–1984) edited by I. M. Oshanin, *Chinese-Russian Dictionary* (1980) edited by B. G. Mudrov, 汉俄词典 (Chinese-Russian Dictionary, 1989) edited by Xia Zhongyi. The author concludes that the compilers of the studied Chinese-Russian dictionaries published in Russia and China in the specified period approached the selection of dialect and archaic vocabulary, words from the literary Wenyan language, and scientific and technical terms for their dictionaries in different ways. From the author's point of view, this was due to the desire of Russian lexicographers to include in dictionaries the maximum amount of highly specialized vocabulary, while Chinese lexicographers were more interested in everyday vocabulary being part of the active vocabulary of the language.

Key words: Russian lexicography; Chinese lexicography; Chinese-Russian lexicography; bilingual dictionaries.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.133.1:2
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-78-85

Поль Клодель – читатель Библии

Константин Валерьевич Банников

старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

603052, Россия, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, 30. kbannikov@hse.ru

SPIN-код: 5449-8077

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2046-6919>

ResearcherID: U-5759-2017

Статья поступила в редакцию 07.05.2022

Одобрена после рецензирования 07.09.2022

Принята к публикации 07.12.2022

Информация для цитирования

Банников К. В. Поль Клодель – читатель Библии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 78–85. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-78-85

Аннотация. Поль Клодель – французский писатель рубежа XIX и XX вв., известный в России своими поэтическими произведениями раннего периода и драматургией. Незвестна в русскоязычном научном поле большая часть прозаического наследия, которую составляют переводы и комментарии библейских книг, в частности вершинный текст «Поль Клодель вопрошает Песнь Песней» (“Paul Claudel interroge le Cantique des Cantiques”). Цель данной статьи – ввести в научный оборот тему «Клодель – прозаик, автор художественных комментариев к Библии». Именно эту часть наследия необходимо изучать для того, чтобы понять и оценить место Клоделя в мировой культуре XX в. В первую очередь, рассматривается метод работы Клоделя с Библией (ее каждодневное чтение, обращение к трудам Отцов Церкви и конкордансам), что формирует поэтологические основы стиля. Данные книги создают творческую лабораторию, из которой вырастает метод художественного комментирования библейских текстов. Так формируется клоделевский библейский стиль, который можно определить как отношение к Писанию не как к череде посланий (“message”), а как к образам (“image”). Сохранение многовековой традиции Церкви в толковании Слова ведет писателя к поэтическому комментарию, «клоделевскому роману» с библейскими персонажами и сюжетом. Клодель делает драму Священного Писания центром читательского интереса, объединяя сакральное и профанное, облагораживая лицедейство, направив мимесис на библейскую действительность, в существовании которой Клодель не сомневается. Писатель подчеркивал, что его произведения исключительно художественные. Понимание клоделевского текста как художественного углубляется не только самим текстом, но и читательским опытом и готовностью его воспринять. Так Клодель оказывается создателем нового романного слова.

Ключевые слова: французская литература; католическое возрождение; Поль Клодель; Библия; поэтический комментарий Библии.

Поль Клодель (Paul Claudel, 1868–1955) известен в русской культуре в первую очередь как поэт и драматург: интерес к нему и его творчеству был уже у поэтов Серебряного века и теат-

ральных режиссеров первой трети XX в. П. Клодель и его произведения были знакомы русским поэтам и, безусловно, оказали влияние на их творчество. Так, Максимилиан Волошин, первый

переводчик Клоделя на русский язык, посвятил статью клоделевским «Музам», а также китайскому периоду в жизни и работах писателя [Волошин 1989]. Переводами трудов Клоделя занимались М. А. Кузмин, Е. М. Блинова [Книга масок 1913], Б. Лившиц [Библиотека всемирной литературы 1977: 523], И. Шафаренко [там же: 524–526], М. Кудинов [там же 1977: 527], В. Козовой [Французская поэзия 2001: 18], Л. М. Цывьян [Клодель 2006а], М. Гринберг [Клодель 1992], Н. Кулиш [Клодель 2006б], О. Седакова [Клодель 1999], А. Курт [Клодель 2003а], И. А. Некрасова [Некрасова 2007], Е. Богопольская, Т. П. Понятина [Клодель 2009], С. Исаев [Как всегда – об авангарде 1992]. Известно, что Марина Цветаева также была знакома с его творчеством. Всеволод Мейерхольд первым поставил «Благовещание» Клоделя в русском театре. Прозаические сочинения Клоделя известны в России мало, среди них только «Капля божественного меда» [Клодель 2003б] и стихотворения в прозе «Познание востока» [Клодель 2010], остальные же, многочисленные филолого-экзегетические, остаются в стороне.

Во Франции и в мире давно изучают Клоделя, существуют академические издания: *Oeuvres en prose* [Claudel 1965], *Théâtre* [Claudel 2011], *Le Poète et la Bible* [Claudel 1998, 2004]. Во Франции клоделевскому творчеству посвящено большое количество монографий. Драматургию рассматривали такие исследователи, как М. Лиур [Lioure 1971], Ж. Мадоль [Madaule 1933], Г. Марсель [Marcel 1964]. Время и пространство в произведениях изучал А. Вашон [Vachon 1965]. Трансфигуративную прозу (*la prose transfigurée*) исследовала Д. Мийе-Жерар [Millet-Gérard 2005]. Большую часть прозаического наследия составляют переводы и комментарии библейских книг. Защищено 59 диссертаций о его творчестве. Данная статья посвящена одному из вершинных текстов этого наследия «Полю Клодель вопрошает Песнь Песней» (“Paul Claudel interroge le Cantique des Cantiques”).

В отечественном литературоведении клоделевскому творчеству посвящены три кандидатские диссертации: А. А. Сабашниковой «Драматургия Поля Клоделя периода 1905–1924: проблема жанра» [Сабашникова 1989], Е. В. Гришина «Поэтика религиозной драмы Поля Клоделя: “Полуденный раздел”, “Извещение Марии”, “Атласный башмачок”» [Гришин 2007], Т. А. Кашиной «Полю Клодель и Андре Жид: проблема культуры и творчества в переписке, автобиографической и дневниковой прозе: 1899–1926» [Кашина 2016]. Вне поля внимания отечественных филологов остается большая часть наследия

французского писателя, посвященная толкованию Священного Писания. Для того чтобы понимать Клоделя в современном методологическом поле, необходимо использовать метод пристального чтения, герменевтический подход, биографический метод.

Библия входит в жизнь Поля Клоделя в детском возрасте. Вот свидетельство Клоделя: «С самого раннего детства, когда я учился читать на скамейках у дорогих Сестер Христианского Учения в Бар-ле-Дюк, с каким интересом я смотрел на эти вложенные ими в наши руки большие коробки, где была представлена жизнь Господа»¹ (“Dès ma plus petite enfance quand j’apprenais à lire sur les bancs des chères sœurs de la Doctrine chrétienne à Bar-le-Duc, avec quel intérêt je regardais ces grands cartons qu’elles nous mettaient entre les mains où était représentée la vie du Seigneur”) [Claudel 2004: Т. II, 999]. Несмотря на раннее знакомство с библейскими сюжетами и персонажами, Библия отходит для писателя на второй план вплоть до момента рождественской мессы 25 декабря 1886: «Мое сердце было тронуто, и я поверил» (“Mon cœur fut touché et je crus”), когда Клодель по-настоящему уверовал и обратился к Священному Писанию. Библия становится настольной книгой молодого автора (“livre de chevet”) [Claudel 2004: Т. II, 1838]. Он переоткрывает Священное Писание в процессе чтения издания Библии на французском языке, которое ему дарит сестра Камилла [Rywalski 1948: XXVIII]. Он читает Библию каждый день. Эту интеллектуально-духовную привычку писатель сохранил до конца своих дней [Lefèvre 1927: 164].

Клодель не просто читал Библию, он работал с ней. В его библиотеке зафиксированы следующие издания:

- Библия на латыни, найденная Клоделем на набережной;
- Библия в 4 томах (Новый Завет) на французском языке;
- Издание Вульгаты 1837 г., привезенное из Рио-де-Жанейро в 1917 г.;
- Библия на английском языке, подаренная в 1939;
- 8 томов Библии, издание, откомментированное аббатом Фийоном (1888–1904 гг. выпуска);
- Библия (тома 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12) на французском и латинском языках (1946–1951 гг. выпуска);
- Библия в переводе монахов аббатства Маредсу [Bazaud 1979: 169–170].

Клодель читает также книги Библии, изданные по отдельности (Апокалипсис, Песнь Песней и др.), на латыни, в переводе и с комментариями [Bazaud 1979: 168–170].

Клодель черпает в Писании вдохновение для создания драматических произведений, поэзии и прозы. Однако зрелое осмысление собственного поэтического метода работы с Вульгатой формируется к 1929 г., когда появляется на свет вершина его драматического творчества – «Атласный башмачок» [Claudel 1965a: 661–949]. Создав театральный шедевр, Клодель в буквальном смысле направляет свой поэтический дар на изучение и художественное комментирование Библии. Размышление над Библией вдохновляет драматурга на написание новаторских художественно-эзегетических произведений [Claudel 1998, 2004] и, конечно, влияет на качество его малой прозы – эссе, рассуждений, притч [Claudel 1965b].

Клодель воспринимает Писание как “poète pieux” («набожный поэт») [Millet-Gérard 2005: 38], восхищается его красотой, научаясь эстетике текста и совершенству формы и содержания. Для Клоделя Библия – «огромная поэма» («un immense poème») [Claudel 2004: Т. II, 1838]. При работе с Библией он постоянно обращался к конкордансам, библейским тезаурусам, распределяющим отрывки из Библии по ключевому слову. В личной библиотеке Клоделя в Бранге сохранилось подаренное ему *Concordantiarum ss. Scripturae Manuale* авторства отцов де Разе, де Лашо, Фландрэна, переиздание 1939 г. (первое издание было выпущено в 1868 г.) [Bazaud 1979: 133], но настольной книгой, наряду с Библией, становится *Concordantiarum Universae Scripturae Sacrae Thesaurus* 1897 г. выпуска авторства Пельтье, Этьенн, Гантуа с отсутствующими первыми страницами [Guyard 1961: 73]. Они помогают писателю при переводе и художественном комментировании текстов [Millet-Gérard 2005: 51].

Хотя Клодель читает разные издания и переводы Библии, Вульгата становится первоисточником. Латинский язык, язык Церкви, по мнению поэта, отражает единство и величие веры и культуры: «Нам повезло, что в Вульгате [нами обретен] перевод Священных Книг, который является поэтическим памятником, который я считаю, наверное, главным шедевром латинского языка» (“Nous avons le bonheur de posséder dans la Vulgate une traduction des Livres Saints qui est un monument poétique, que je ne suis pas loin de considérer personnellement comme le chef-d’oeuvre de la langue latine”) [Claudel 2004: Т. II, 40, 46]. Эти книги создают творческую лабораторию, из которой вырастает метод художественного комментирования библейских текстов.

Особый клоделевский метод прочтения Библии формируется как на основе многовековой патристики, например, труде Иоанна Кассиана,

на традиции Тридентской мессы, так и в русле поисков современных Клоделю библеистов [Millet-Gérard 2016: 195–199], [Claudel 2004: Т. II, 1922]. Однако главным путеводителем для Клоделя остается Библия, которую он вопрошает: “J’interroge la Bible et la Bible m’interroge” («Я вопрошаю Библию, а Библия вопрошает меня») [Claudel 2004: Т. II, 1926–1927]. Он прибегает к миметизму, создавая свои художественные комментарии, и «дублирует» священный текст.

Рождается клоделевский библейский стиль, который определяется отношением к Писанию не как к череде посланий (“message”), а как к образам (“image”). Клодель обращается со словом Писания как словом преображенным, опрокинутым в повседневность и одновременно несущим тайну. Слово Писания для Клоделя диалогично, поскольку его недостаточно услышать, его нужно вопрошать, понять его внутреннюю форму. Клодель заявляет: «не запрещено, по примеру древних Отцов и по совету Нашего Господа, допытываться до него (Писания) и исследовать тут и там» (“il n’est pas défendu, à l’exemple des anciens Pères, et sur le conseil de Notre-Seigneur, de la scruter [l’Ecriture], d’y faire çà et là des sondages”) [Millet-Gérard 2005: 47]. Так возникают диалогические названия художественно-эзегетических произведений “Paul Claudel interroge le Cantique des Cantiques” («Поль Клодель вопрошает Песнь Песней»), “Paul Claudel interroge l’Apocalypse” («Поль Клодель вопрошает Апокалипсис»), “Paul Claudel interroge les animaux” («Поль Клодель вопрошает животных»), “Le Poète regarde la Croix» («Поэт смотрит на Крест»).

Параллельно с эзегетической работой он ставит перед собой задачу драматизации Писания и создания собственного лироэпического полотна, «клоделевского романа» [Claudel 1998: Т. I, XVI]: «речь не идет ни в коем случае о комментарии, а о поэме» (“il ne s’agit ici nullement d’un commentaire, il s’agit d’un poème”) [Claudel 1998: Т. I, XX]. Клодель тщательно отбирает персонажей: Бог, Люцифер, или Сатана, Святая Дева, Поль Клодель, Пилат, Ирод... Композиция полотна построена таким образом, что читателя, как и автора, интересует только священная История, рассказанная Святым Духом [Claudel 1998: Т. I, XXXV]. В этом замысле произведение «Поль Клодель вопрошает Песнь Песней» (1954) занимает особое место. Оно объемнее всех прозаических произведений, состоит из художественно-интерпретативных комментариев и клоделевского филологически точного перевода Песни Песней с латыни [Баскина 2021: 5–82].

Приведем пример. Строки из Вульгаты: “Dilectus meus mihi, et ego illi, / qui pascitur inter lilia, / Donec aspiret dies, et inclinentur umbrae. / Revertere; similis esto, dilecte mi, capreae, / hinnuloque cervorum super montes Bether” («Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями. Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор»²) [Claudel 2004: Т. II, 43]. (Синодальный перевод пропускает «любимый мой» и «Бетер».) Клодель комментирует так: “Sur les deux versets qui suivent se clôt le second chant de l’épithalame sacré, qui est celui de la vocation, le premier se référant à cet appel qui est une nomination, extérieure à la fois et intérieure, sans quoi la bien-aimée n’aurait cessé de s’ignorer elle-même. Sors ! lui est-il dit, et ce second chapitre lui ouvre la carrière où elle est invitée à poser le pied. De tous côtés et où qu’elle se porte elle sait qu’elle a droit à cet époux qui l’attend, universel : consciente par ailleurs de n’appartenir à aucun autre que lui. Il est à moi ! dit-elle. Oui, ce nègre, cet infirme, cet esclave, ce Papou, je n’ai qu’à lui montrer ma face, qui est belle, et lui faire entendre ma voix, qui est douce, il m’appartient ! et ce Christ nouveau, ce chrétien nouveau, il n’y a pas longtemps à attendre pour qu’il comprenne à qui je suis et de quoi moi-même je suis faite ! Toute la terre ne cesse d’assister à cette étreinte sans cesse renouvelée de la Mère Eglise et de ce peuple de l’acquisition, qui prend conscience entre ses bras. C’est Lui-même qui est à moi sous cette enveloppe horrible, qui est à moi et à qui moi-même je n’ai pas le droit de me soustraire” («Двумя следующими стихами завершается вторая песнь священной эпиталамы, которая есть песня о призвании, причем первая относится к этому зову, являющемуся назначением, как внешним, так и внутренним, без которого возлюбленная не перестала бы не знать себя. Выходи! это сказано ей, и эта вторая глава открывает ей путь, на который ей предлагается ступить. Со всех сторон и куда бы она ни пошла, она знает, что имеет право на этого мужа, который ее ждет, неотъемлемое: сознавая при этом, что не принадлежит никому, кроме него. Он мой! сказала она. Да, этому негру, этому калеке, этому рабу, этому папуасу, стоит мне только показать ему свое лицо, которое прекрасно, и дать ему услышать мой голос, который сладок, он принадлежит мне! и этот новый Христос, этот новый христианин, скоро он поймет, кто я и из чего я сделана! Вся земля не перестает быть свидетелем этого постоянно возобновляющегося объятия Матери-Церкви и этого поглощения, осознающего себя в ее объятиях. Это Он мой под этой ужасной оболочкой, мой и

от которого я сам не имею права убежать») [Claudel 2004: Т. II, 57].

Устойчивый концепт “vocation” («призвание») – один из ключевых для клоделевского творчества, проявляющихся в малой прозе и прозе нового порядка. Клодель видит внутреннюю и внешнюю ограничивающую природу призвания и одновременно безграничную форму его существования, которую невозможно избежать. Красивая возлюбленная из Песни Песней получает свой крест в виде ужасной оболочки (“cette enveloppe horrible”) Бога, поскольку “Lui” в конце написано с заглавной буквы, слово становится однозначным. Объятия (“prendre entre ses bras”, “étreinte”) и оболочка (“enveloppe”), поглощение, принятие (“acquisition”) показывают конечность и ограниченность призвания.

Хотя Клодель создал художественный комментарий, он прибегает к методу многосмысленного толкования, который подразумевает анагигический смысл. Так, при комментировании “Fragrantia unguentis optimis / Oleum effusum nomen tuum; / ideo adolescentulae dilexerunt te nimis” (В синодальном переводе «От благовония мастей твоих имя твое – как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя») [Claudel 2004: Т. II, 31] Клодель отмечает: “Je suis odeur de rose! Et de même aux premières lignes de la Genèse cette statue de glaise tout à coup pénétrée par les profonds effluves du Tout-Puissant. Ce n’est pas ce souffle lui-même qui est parfum, mais c’est lui, répété au jour du baptême symboliquement par le prêtre, qui éveille aux recès les plus retirés de la personne un monde confus de puissance. Et n’oublions pas que le baptême comporte aussi des onctions. Induits sommes-nous dans ce premier contact entre l’âme et son Dieu à mettre l’accent sur l’idée d’onction et de sacrement, un parfum inhérent, la communication à toute notre substance d’une vertu d’émanation, l’allumage en nous d’un sacrifice respirable que nous sommes invités à entretenir. Ainsi l’Apôtre au Livre des Actes: Jesum quomodo unxit Eum Deus Spiritu sancto et virtute. L’aspiration de Dieu reprend sur moi cette odeur qu’Il m’a communiquée et mon désir le redemande à Sa bouche. Et nous, misérables créatures ! encore aujourd’hui on résiste à un raisonnement, mais on ne résiste pas à un parfum ! De la bouche de Dieu, j’ai reçu au visage cette bouffée de moi-même ! Qu’est ceci d’extérieur à moi et qui cependant m’appartient ? » («Я пахну розой! И то же самое в первых строках Бытия, в эту глиняную статую вдруг проникли глубинные эманации Всевышнего. Не само это дыхание является ароматом, но именно оно, символически повторяемое священником в день крещения, пробуждает смутный мир силы в самых отдален-

ных глубинах человека. И давайте не будем забывать, что крещение также включает в себя помазание. В этом первом контакте между душой и ее Богом мы часто видим идею помазания и таинства, врожденного аромата, сообщения добродетели эманации всей нашей субстанции, воспламенения в нас вдыхаемой жертвы, которую нас приглашают воспитать. Так апостол в Книге Деяний: “как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета”. Дыхание Бога возвращает мне этот запах, который Он мне сообщил, и мое желание просит его обратно в Его уста. А мы, жалкие твари! даже сегодня мы сопротивляемся рассуждению, но мы не можем сопротивляться аромату! Из уст Божьих я получил в лицо это дуновение самого себя! Что это вне меня и все же принадлежит мне?» [Claudel 2004: Т. II, 33].

Аромат для Клоделя наполнен глубинным смыслом, он мыслится и проживается. Интерпретатор спорит с теми, кто не готов мыслить, но не может не принять аромат. Передача запаха одновременно сопряжена с процессом дыхания, коммуникации: писатель использует глагол “comptiquer”, говоря о передаче запаха. Топос и хронос для Клоделя в передаче запахов не существуют, все конгениально божественному замыслу. Аромат и запах для Клоделя – Бог или сам Поэт.

Как показывает дальнейшая история всемирной литературы, Клодель оказывается не только великим драматургом своего века. Он берет на себя труд освоения и сохранения слова Священного Писания для мировой художественной культуры, создавая таким образом романное слово нового типа, основанное на многовековой традиции. Он противостоит ей и сохраняет целостность Слова в модернистском контексте культуры, в котором он жил.

Примечания

¹ Здесь и далее русский перевод автора статьи.

² Синодальный перевод Библии с уточнениями здесь и далее.

Список литературы

Баскина (Маликова) М. Э. Филологически точный перевод 1920–1930-х годов: люди и институции // Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов / сост. М. Э. Баскина; отв. ред. М. Э. Баскина, В. В. Филичева. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–82.

Библиотека всемирной литературы. Т. 152. Западноевропейская поэзия XX века. М.: Худ. лит., 1977. 847 с.

Волошин М. Поля Клодель. «Музы» // Волошин М. Лики творчества. Л., 1989. С. 70–77.

Гришин Е. В. Поэтика религиозной драмы Поля Клоделя («Полуденный раздел», «Извещение Марии», «Атласный башмачок»): дис ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 173 с.

Как всегда – об авангарде: Антология французского театрального авангарда / сост., пер. с фр., коммент. С. Исаева. М.: ТПФ «Союзтеатр», 1992. 288 с.

Кашина Т. А. Поля Клодель и Андре Жид: проблема культуры и творчества в переписке, автобиографической и дневниковой прозе (1899–1926): дис ... канд. филол. наук. М., 2016. 180 с.

Клодель П. Атласный башмачок / пер. с фр. Е. Богопольской. М.: Alma mater, 2010. 519 с.

Клодель П. Благая весть Марии. Мистерия в четырех действиях с прологом. СПб.: Наука, 2006а. 618 с.

Клодель П. Глаз слушает / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: “Б.С.Г.-Пресс”, 2006б. 379 с.

Клодель П. Данте, поэт любви // Клодель П. Капля божественного мёда: Проза, стихи / пер. с фр. А. Курт и А. Райской. М.: Изд-во Общедоступ. православ. ун-та, 2003а. 196 с.

Клодель П. Избранные стихотворения / сост.: О. Седакова, М. Гринберг. СПб.: Ассоциация «Новая литература», М.: МП «Итларь» (Изд-во «Carte Blanche»), 1992. 64 с. (Серия: Licentia Poetica.)

Клодель П. Извещение Марии. Окончательная сценическая версия / пер. с фр. О. Седаковой. М.: Христианская Россия, 1999. 239 с.

Клодель П. Капля божественного мёда: Проза, стихи / пер. с фр. А. Курт и А. Райской. М.: Изд-во Общедоступ. православ. ун-та, 2003б. 196 с.

Клодель П. Познание Востока: Стихотворения в прозе / П. Клодель; сост. и пер. с фр. А. Курт; А. Райской; предисл. Д. Мийе-Жерар. М.: Эннеагон Пресс, 2010. 400 с.

Книга масок. Лит. характеристики / Реми-де-Гурмон; рис. Ф. Валлотона, пер. с фр. Е. М. Блиновой и М. А. Кузмина. СПб.: Грядущий день, 1913. XIV. 267 с.

Некрасова И. А. Жанр лирического фарса во французской католической драматургии XX века: с прил. пьес Поля Клоделя «Протей» (Protée), «Медведь и Луна» (L'Ours la Lune); С.-Петербург. гос. акад. театр. искусства. СПб., 2007. 189 с.

Сабашинова А. А. Драматургия Поля Клоделя периода 1905–1924: проблема жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 174 с.

Французская поэзия. Антология / пер. с фр. В. М. Козового. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 238 с.

Vazaud M. Catalogue de la bibliothèque de Paul Claudel. Presses Univ. Franche-Comté, 1979. P. 169–170.

Claudel P. *Le Poète et la Bible*, en collaboration avec Michel Malicet et le R. P. Xavier Tilliette, tome 1. Paris, Gallimard, 1998. 1915 p.

Claudel P. *Le Poète et la Bible*, en collaboration avec Michel Malicet et le R. P. Xavier Tilliette, tome 2. Paris, Gallimard, 2004. 1950 p.

Claudel P. *Le Soulier de satin*, version pour la scène abrégée, notée et arrangée en collaboration avec Jean-Louis Barrault // Théâtre II, note bibliographique et textes établis par Jacques Madaule. Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade, vol. II. Paris, 1965a. P. 661–949.

Claudel P. *Œuvres en prose*. Paris, Gallimard, 1965b. 1680 p.

Claudel P. *Théâtre* / éd. publiée sous la direction de D. Alexandre et M. Atrand; avec la collaboration de P. Alexandre-Bergues, J. Houriez et M. Lioure. P.: Gallimard, 2011. T. I. 1776 p. T. II. 1904 p.

Guyard M. *La Bible et la Liturgie sources du "Magnificat" de Claudel*. *Revue D'Histoire Littéraire De La France*. 1961. 61(1). P. 72–80.

Lefèvre F. *Les Sources de Claudel*, Paris, Lemerrier, 1927. 164 p.

Lioure M. *L'Esthétique dramatique de Paul Claudel*, Paris, Armand Colin, 1971. 674 p.

Madaule J. *Le Génie de Paul Claudel*, Paris, Desclée de Brouwer, 1933. 457 p.

Marcel G. *Regards sur le théâtre de Claudel*, Paris, Beauchesne, 1964. 147 p.

Millet-Gérard D. *La Prose transfigurée. Vingt études en hommage à Paul Claudel pour le cinquantième de sa mort, Préface de Gérard Antoine, de l'Institut, Presses Universitaires de Paris-Sorbonne*, 2005. 456 p.

Millet-Gérard D. *Paul Claudel et l'Écriture Sainte dans Paul Claudel – Maître spirituel pour notre temps, conférences de carême de Fourvière. Parole et Silence*, 2005. 144 p.

Millet-Gérard D. *Paul Claudel et les Pères de l'Église*. Paris, Champion, 2016. 484 p.

Rywalski P. *Claudel et la Bible. La Bible dans l'œuvre littéraire de Paul Claudel*. Paris: Les portes de France, 1948. 202 p.

Vachon A. *Le Temps et l'espace dans l'œuvre de Paul Claudel : expérience chrétienne et imagination poétique*, Paris, Le Seuil, 1965. 455 p.

References

Baskina (Malikova) M. E. *Filologicheski tochnyy perevod 1920–1930-kh godov: lyudi i institutsii* [Philologically accurate translation of the 1920s–1930s: People and institutions.] *Khudozhestvenno-filologicheskiy perevod 1920–1930 gg.* [Literal and Philological Translation of the 1920s–1930s.] Ed. by M. E. Baskina, V. V. Filicheva. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, pp. 5–82. (In Russ.)

Biblioteka vsemirnoy literatury. Tom 152. Zapadnoevropeyskaya poeziya XX veka [World Literature Library. Vol. 152. Western European Poetry of the 20th Century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 847 p. (In Russ.)

Voloshin M. *Pol' Klodel'. 'Muzy'* [Paul Claudel. 'The Muses']. *Liki tvorchestva* [Images of Art]. St. Petersburg, 1989, pp. 70–77. (In Russ.)

Grishin E. V. *Poetika religioznoy dramy Poly Klodelya ('Poludenny razdel', 'Izveshchenie Marii', 'Atlasnyy bashmachok')*. *Diss. kand. filol. nauk* [The poetics of religious drama of Paul Claudel ('Break of Noon' ('Le Partage de Midi'), 'The Tidings Brought to Mary' ('L'Annonce faite à Marie'), 'The Satin Slipper' ('Le Soulier de Satin')]. *Cand. philol. sci. diss.*. Samara, 2007. 173 p. (In Russ.)

Kak vseгда – ob avangarde: Antologiya frantsuzskogo teatral'nogo avangarda [On Avant-Garde, As Always. The Anthology of French Literary Avant-Garde]. *Comp., transl. from French, comment. by S. Isaev*. Moscow, 'Soyuzteatr' Publ., 1992. 288 p. (In Russ.)

Kashina T. A. *Pol' Klodel' i Andre Zhid: problema kul'tury i tvorchestva v perepiske, avtobiograficheskoy i dnevnikovoy proze (1899–1926)*. *Diss. kand. filol. nauk* [Paul Claudel and Andre Gide: The problem of culture and artistic work in correspondence, autobiographical and diary prose (1899–1926)]. *Cand. philol. sci. diss.*. Moscow, 2016. 180 p. (In Russ.)

Claudel P. *Atlasnyy bashmachok* [The Satin Slipper (Le Soulier de Satin)]. *Transl. from French by E. Bogopol'skaya*. Moscow, Alma mater Publ., 2010. 519 p. (In Russ.)

Claudel P. *Blagaya vest' Marii. Misteriya v chetyrekh deystviyakh s prologom* [The Tidings Brought to Mary (L'Annonce faite à Marie). A Mystery in 4 acts and with a prologue]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006a. 618 p. (In Russ.)

Claudel P. *Glaz slushayet* [The Eye Listens (L'oeil écoute)]. *Transl. from French by N. Kulish*. Moscow, B.S.G.-Press, 2006b. 379 p. (In Russ.)

Claudel P. *Dante, poet lyubvi* [Dante, a poet of love. Introduction to the poem on Dante]. *Kaplya bozhestvennogo meda: Proza, stikhi* [A Drop of Divine Honey (Gouttes du miel divin): Prose, poems]. *Transl. from French by A. Kurt and A. Rayskaya*. Moscow, Orthodox Open University Press, 2003a. 196 p. (In Russ.)

Claudel P. *Izbrannye stikhotvoreniya* [Selected Poems]. *Comp. by O. Sedakova, M. Grinberg*. St. Petersburg, Association 'Novaya literatura', Moscow, MP 'Iltar' ('Carte Blanche' Publ.), 1992. 64 p. (Series: Licentia Poetica). (In Russ.)

Claudel P. *Izveshchenie Marii. Okonchatel'naya stsenicheskaya versiya* [The Tidings Brought to

Mary (L'Annonce faite à Marie). Final version to be staged]. Transl. from French by O. Sedakova. Moscow, Khristianskaya Rossiya Publ., 1999. 239 p. (In Russ.)

Claudé P. *Kaplya bozhestvennogo meda: Proza, stikhi* [A Drop of Divine Honey (Gouttes du miel divin): Prose, poems]. Transl. from French by A. Kurt and A. Rayskaya. Moscow, Orthodox Open University Press, 2003b. 196 p. (In Russ.)

Claudé P. *Poznanie Vostoka: Stikhotvoreniya v proze* [Knowing the East (Connaissance de l'Est): Poems in prose]. Comp. and transl. from French by A. Kurt and A. Rayskaya, introd. by Millet-Gérard. Moscow, Enneagon Press, 2010. 400 p. (In Russ.)

Kniga masok. Literaturnye kharakteristiki [A Book of Masks. Literary Characteristics]. Transl. from French by E. M. Blinova and M. A. Kuz'min. St. Petersburg, Gryadushchiy den' Publ., 1913, XIV. 267 p. (In Russ.)

Nekrasova I. A. *Zhanr liricheskogo farsa vo frantsuzskoy katolicheskoy dramaturgii XX veka: s prilozheniem p'es Poly Klodelya 'Protey' (Protée), 'Medved' i Luna' (L'Ours et la Lune)* [The Genre of Lyrical Farce in French Literary Drama of the 20th Century: with attachment of plays by Paul Claudel 'Proteus' (Protée), 'The Bear and the Moon' (L'Ours et la Lune)]. St. Petersburg, St. Petersburg State Theatre Arts Academy Press, 2007. 189 p. (In Russ.)

Sabashnikova A. A. *Dramaturgiya Poly Klodelya perioda 1905–1924: problema zhanra*. Diss. kand. filol. nauk [The drama of Paul Claudel, 1905–1924: The problem of genre. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1989. 174 p. (In Russ.)

Frantsuzskaya poeziya. Antologiya [French Poetry. Anthology]. Transl. from French by V. M. Kozovoy. Moscow, Dom intellektual'noy knigi Publ., 2001. 238 p. (In Russ.)

Bazaud M. *Catalogue de la bibliothèque de Paul Claudel*. Presses Univ. Franche-Comté, 1979, pp. 169–170. (In Fr.)

Claudé P. *Le Poète et la Bible*, en collaboration avec Michel Malicet et le R. P. Xavier Tilliette. Paris, Gallimard, 1998, vol. 1. 1915 p. (In Fr.)

Claudé P. *Le Poète et la Bible*, en collaboration avec Michel Malicet et le R. P. Xavier Tilliette. Paris, Gallimard, 2004, vol. 2. 1950 p. (In Fr.)

Claudé P. *Le Soulier de satin*, version pour la scène abrégée, notée et arrangée en collaboration avec Jean-Louis Barrault. *Théâtre II, note bibliographique et textes établis par Jacques Madaule*. Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, 1965a, vol. 2, pp. 661–949. (In Fr.)

Claudé P. *Oeuvres en prose*. Paris, Gallimard, 1965b. 1680 p. (In Fr.)

Claudé P. *Théâtre*. éd. publiée sous la direction de D. Alexandre and M. Autrand; avec la collaboration de P. Alexandre-Bergues, J. Houriez et M. Lioure. Paris, Gallimard, 2011, vol. I. 1776 p.; vol. II. 1904 p. (In Fr.)

Guyard M. La Bible et la Liturgie sources du 'Magnificat' de Claudé. *Revue D'Histoire Littéraire De La France*, 1961, 61 (1), pp. 72–80. (In Fr.)

Lefèvre F. *Les Sources de Claudé*. Paris, Lemerrier, 1927. 164 p. (In Fr.)

Lioure M. *L'Esthétique dramatique de Paul Claudé*. Paris, Armand Colin, 1971. 674 p. (In Fr.)

Madaule J. *Le Génie de Paul Claudé*. Paris, Desclée de Brouwer, 1933. 457 p. (In Fr.)

Marcel G. *Regards sur le théâtre de Claudé*. Paris, Beauchesne, 1964. 147 p. (In Fr.)

Millet-Gérard D. *La Prose transfigurée. Vingt études en hommage à Paul Claudé pour le cinquantième de sa mort*. Préface de Géraud Antoine, de l'Institut, Presses Universitaires de Paris-Sorbonne, 2005. 456 p. (In Fr.)

Millet-Gérard D. Paul Claudé et l'Écriture Sainte. *Paul Claudé – Maître spirituel pour notre temps, conférences de carême de Fourvière*. Parole et Silence, 2005. 144 p. (In Fr.)

Millet-Gérard D. *Paul Claudé et les Pères de l'Église*. Paris, Champion, 2016. 484 p. (In Fr.)

Rywalski P. *Claudé et la Bible. La Bible dans l'œuvre littéraire de Paul Claudé*. Paris, Les portes de France, 1948. 202 p. (In Fr.)

Vachon A. *Le Temps et l'espace dans l'œuvre de Paul Claudé: expérience chrétienne et imagination poétique*. Paris, Le Seuil, 1965. 455 p. (In Fr.)

Paul Claudel, a Reader of the Bible

Konstantin V. Bannikov

Senior Lecturer in the Department of Literature and Intercultural Communication

HSE University

30, Sormovskoye shosse, Nizhny Novgorod, 603052, Russian Federation. kbannikov@hse.ru

SPIN-code: 5449-8077

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2046-6919>

ResearcherID: U-5759-2017

Submitted 07 May 2022

Revised 07 Sep 2022

Accepted 07 Dec 2022

For citation

Bannikov K. V. Pol' Klodel' – chitatel' Biblii [Paul Claudel, a Reader of the Bible]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 78–85. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-78-85 (In Russ.)

Abstract. Paul Claudel is a French writer of the turn of the 19th and 20th centuries, known in Russia for his poetic works of the early period and dramaturgy. His short prose and poetic commentaries on the Bible are practically unknown in the Russian-speaking scientific field. Most of his prose heritage consists of translations and commentaries on biblical books, including the apex text *Paul Claudel inquires the Song of Songs* (Paul Claudel interroge le Cantique des Cantiques). The purpose of this article is to introduce into scientific circulation the topic 'Claudel as a prose writer, author of literary commentaries on the Bible'. It is this part of Claudel's heritage that needs to be studied so that it would become possible to understand and assess the place of Claudel in the world culture of the 20th century. First of all, the paper deals with the method of Claudel's work with the Bible (daily reading, reference to the works of the Church Fathers and concordances), which forms the poetological foundations of the style. These books shape a creative laboratory from which a method of literary commentary on biblical texts grows. This is how Claudel's biblical style is born. It can be defined as an attitude to the Scripture not as to a series of messages, but as to images. The preservation of the centuries-old tradition of the Church in the interpretation of the Word leads the writer to a poetic commentary, a 'Claudelian novel' with the biblical characters and plot. Claudel makes the drama of the Holy Scripture the center of the reader's interest, uniting the sacred and the profane, ennobling hypocrisy, directing mimesis to biblical reality, the existence of which Claudel does not doubt. The writer emphasized that his works were exclusively literary. The understanding of the Claudel's text as literary is deepened not only by the text itself, but by the reader's experience and readiness to perceive it. Thus, Claudel turns out to be the creator of a new dialogical novel word.

Key words: French literature; Catholic revival; Paul Claudel; Bible; biblical poetic commentary.

УДК 821.34.2

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-86-95

Роман К. Лафорет «Ничто» как Bildungsroman? Жанровая специфика тремедистского романа

Мария Владимировна Герасименко

аспирант, младший научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. gerasimenkom44@gmail.com

SPIN-код: 3200-0823

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3602-2706>

Статья поступила в редакцию 28.09.2022

Одобрена после рецензирования 22.10.2022

Принята к публикации 16.12.2022

Информация для цитирования

Герасименко М. В. Роман К. Лафорет «Ничто» как Bildungsroman? Жанровая специфика тремедистского романа // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 86–95. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-86-95

Аннотация. Роман К. Лафорет «Ничто» – значимое произведение послевоенной испанской литературы, один из первых романов тремедизма. Исследователи называют «Ничто» *Bildungsroman*, но отмечают, что, вопреки канону, героиня (Андрея) пассивна, а перемена в ее судьбе неочевидна. В статье показано, что роман Лафорет сочетает элементы жанровых форм романа становления и романа испытания, но в целом по ряду характеристик хронотопа и сюжета ближе к роману испытания, где герой не взрослеет и меняется, а испытывается на самоощущенность, и судьбу его решает случай. Концепция «испытания» на тождество воплощена в «Ничто» через включение элементов сюжета о «деве-воительнице»: героиня отстаивает свою субъектность в поединке с мужчиной, но константным в изображении их «противостояния» оказывается мотив не только победы, но и испытания на равенство. Ретроспективность речи Андреи запечатлевает ситуацию испытания, сочетая антиномичные интенции: попытка рассказчицы переосмыслить то, что случилось не по ее воле, сопровождается новым утверждением «внешней» воли над знакомым ей ходом событий и, таким образом, возвращает ее к тому положению, которого она изначально избегала. Предпосылкой актуализации мотива испытания на (само)тождество в статье названа популярность в культуре Испании 40–50-х гг. концепций «агонизма» (бунта против собственной конечности) и «каинизма» (связи между участниками братоубийственного противостояния, любой исход которого трагичен).

Ключевые слова: Лафорет; тремедизм; испанский послевоенный роман; испанские писательницы; хронотоп; ретроспективность; роман воспитания; роман испытания; агонизм; каинизм.

Роман К. Лафорет «Ничто» (1945) – прославленное произведение послевоенной испанской литературы. По сей день он включается в программы по испанской филологии в учреждениях высшего образования, издается в России и за рубежом. В поле зрения советских исследователей роман, однако, попал с опозданием (в 60–70-х гг.) и, не будучи изучаем как часть актуального литературного процесса, комментарии достаивал-

ся лишь в обзорных трудах (главным образом, в работах И. А. Тертерян, опубликованных почти полвека назад).

1940-е гг. – первые годы диктатуры Франко, годы произвола цензуры и разрыва с национальной и европейской традицией, культурной автаркии, застоя и поиска путей выхода из него [Тертерян 1973: 443]. Непосредственно 1944–1945-е гг., когда роман стал известен публике, – период не-

известности: и становления режима, и его нестабильности после Второй мировой [García-Ruiz 2009: 305].

Роман Лафорет сделался частью знаменательных явлений новой литературной жизни своего времени. Стал исторически первым лауреатом престижной премии «Надаль», был опубликован издательством «Дестино», которое, лавируя между ортодоксальной профранкистской и либеральной проевропейской позициями и апеллируя к ностальгии по культурному расцвету довоенных лет, в 40-е гг. славилось как радар новых эстетических тенденций [Ripoll Sintes 2015]. «Ничто» называют одним из основных произведений тремездизма (*tremendismo* от исп. *tremendo* – потрясающий, ужасный) – литературного течения 40–50-х гг., которое, будучи порицаемо той частью общества, чьи настроения можно охарактеризовать как созвучные риторике режима [Puértolas 2008: 642–644], надолго стало предметом споров и внимания политически и культурно ангажированных критиков, дававших ему противоречивые определения, споривших, в частности, о соотносимости его с экзистенциализмом. Сюжеты романов тремездизма содержат аллюзии на трагедии недавней гражданской войны и описывают события, кажущиеся переломными в судьбах героев.

Роман «Ничто» упоминают первым делом, когда говорят о *Bildungsromans*, появившихся в Испании в послевоенные годы, написанных женщинами и о женщинах и рассказывающих истории о взрослении так называемых *chicas raras* – «исключительных девушек», которые, не мирясь с ролью лишь «ангела в доме», пересекают границу «домашнего» пространства, выходят в мир, предназначенный мужчинам, и сталкиваются с ограничениями, налагаемыми семьей, авторитарным обществом и доктриной национал-католицизма [Vadillo Buenfil 2012: 4–5].

Сомнения исследователей, уточнения, какими они сопровождают определение «Ничто» как *Bildungsroman* (называя его, например, «женской версией» *Bildungsroman*), обосновываются ими тем, что героиня инертна, в романе нет описания перемен в ее характере и обстоятельствах [Jordan 1992: 108–114]. Предполагалось, что такая специфика связана с усложнением понятия «взросления» в XX в., с особенностями социокультурного фона консервативной национал-католической Испании и т. д. Мы же планируем, с оглядкой на литературный контекст появления романа, изучить его жанровую специфику как *Bildungsroman* через анализ функционирования в нем элементов жанровой формы *Bildungsroman*, рассматривая характер героини в связи с типами хронотопа и сюжета.

В работах, исследующих жанровую специфику «Ничто», в качестве критерия соотносимости с *Bildungsroman* часто называлось наличие в романе описаний перемены характера и положения героини. Жанровую форму *Bildungsroman*, где значительное внимание уделяется «моменту существенного становления человека», М. Бахтин называл романом *становления* [Бахтин 1986: 212–214]. Основываясь на этом, мы будем интерпретировать полемику исследователей о соотносимости «Ничто» с *Bildungsroman* как полемику о соотносимости именно с романом становления.

Анализ фабулы романа Лафорет и некоторых присутствующих в нем мотивов делает возможным прочтение его как романа становления.

В основе сюжета – ситуация ученичества, утраты иллюзий, сопротивления влиянию. Андрея (юная героиня, от чьего лица ведется рассказ) поступает в университет и, исполненная наивных надежд, из деревни переезжает в Барселону. На время учебы она останавливается у родственников, которых не видела с детства, – и едва узнает их, обезумевших от нищеты, ужасов недавней войны и репрессий, поражается убогости обстановки их дома на Арибау. Сперва она лишь испуганно наблюдает за их эксцентрическими выходками и с трудом сопротивляется их попыткам навязать ей свои взгляды, но в финале – достигает, как кажется, самостоятельности, личного и социального благополучия: переезжает в Мадрид к подруге Эне и ее родне, получает работу (Лафорет 2021: 112, 122). Описываемый период жизни героини имеет четкие симметричные границы, что побуждает, сравнив начальное и финальное положения, расценить его как переломный в ее судьбе [Jordan 1992: 105–106].

И все же такую интерпретацию сложно признать окончательной.

Сомнителен и вывод о «взрослении» Андреи (ее тяготы разрешаются не по ее воле, а в силу внешних причин), и утверждение о перемене в ее обстоятельствах (о том, что стало с ней после отъезда, – не сказано) [там же: 110–117]. Описание жизненных обстоятельств Андреи в начале и в конце романа намекает на их идентичность. Во-первых, она будто меняет одну отравленную болезненной экзальтацией семью на другую: Эне, в чьей семье Андрее предстоит жить, происходившее в доме на Арибау представлялось не страшным, а диковинным, забавляло ее; мать Эны одной из поворотных точек своего становления называет страдания, которые принесла ей влюбленность в Романа (дядю Андреи, садиста и манипулятора) (Лафорет 2021: 186, 256–263). Во-вторых, о Барселоне Андрея говорит с ностальгией, будто мечтая вернуть прошлое [Jordan

1992: 110–111], утверждает, что прежних иллюзий не имеет, но в Мадрид отправляется с теми же чувствами, с какими год назад прибыла в Барселону (Лафоре́т 2021: 314); конец истории как бы уравнивается с ее началом.

«Ничто не сбылось. Ничто. С пустыми руками уходила я с улицы Арибау», – отмечает героиня; «Так, по крайней мере, я тогда думала», – приводится следом оговорка Андреи уже с позиции «взрослой», ретроспективно говорящей Андреи-рассказчицы (Лафоре́т 2021: 314–315). Слова покидающей Барселону Андреи вторят названию романа. Утрата иллюзий («Ничто не сбылось») – что она значит здесь? Ознаменовано ли ею приближение к «истине»? Если, основываясь на утверждении, что, оставаясь «с пустыми руками», Андрея, на самом деле, что-то обрела, взглянуть на весь пассаж с позиций интуитивной логики, то он покажется «переворачивающим» свой смысл: коль уж Андрея, оставшись «ни с чем», – «обрела», то в итоге она осталась «с чем-то»; а раз осталась «с чем-то» (и находится в ситуации, противоположенной тому, чтобы остаться «ни с чем»), то нельзя ли, исходя из первоначального утверждения, заключить, что она – «не обрела»? «Что такое Ничто? <...> Задавая такой вопрос, мы заранее представляем Ничто как нечто, которое <...> “есть” – словно некое сущее. Но <...> от сущего Ничто абсолютно отлично. <...> вопрос о Ничто – что и как оно, Ничто, есть – искажает предмет вопроса до его противоположности. Вопрос сам себя лишает собственного предмета. <...> ответ на такой вопрос <...> невозможен» [Хайдеггер 1993: 18], – возможно, свет на смысл игры слов в финале «Ничто» прольет предположение о том, что Лафоре́т, изучавшая немецкий на Факультете философии и письма [Rolón-Barada, Masforroll 2019: 123], могла иметь представление о работах Хайдеггера: экзистенциализм в 40-е гг. был популярен, а труды Хайдеггера – известны и сравнительно доступны в Испании (он, в отличие от многих экзистенциалистов, чьи работы цензура строго запретила, не вступал в выраженное противоречие с национал-католической доктриной [Pérez 1987: 22–24]; перевод цитируемой нами лекции «Что такое метафизика?» (1929) был опубликован в Мадриде еще в 1931 [Martínez Garnica 2006: 104]). «“Чистое бытие и чистое ничто суть <...> одно и то же”. <...> бытие <...> обнаруживается только в трансценденции выдвинутого в Ничто человеческого бытия», – для Хайдеггера Ничто не предмет анализа и точного определения, а фундаментальный опыт переживания. Приблизить этот опыт способно «настроение ужаса»: «предмет» ужаса, в отличие от предмета страха, *неопределим*, сущее «ускользает»; «...там, перед

чем и по поводу чего нас охватил ужас, не было, “собственно”, ничего» [Хайдеггер 1993: 25, 21], – будучи организованы как последовательное отрицание, заключительные слова Андреи возвращают нас к началу, к эпиграфу – к строфе стихотворения «Ничто» Х. Р. Хименеса, одного из адептов символизма в Испании: вызывающие отторжение образы и смутно различимые ощущения бередают чувства героя, и переживание неразличимости, не-приятия наблюдаемого сливается с мыслью о близости к «неожиданной правде» (Laforet 1995: 7).

Приближение Андреи к «правде» важно в качестве именно не-различимого, ускользающего от достоверного определения. Случившееся с ней непостижимо: его эффекты могут представляться различными в «будущем» (в восприятии ретроспективно говорящей рассказчицы) и в «прошлом» (в восприятии героини). Дистанция между точками зрения взрослой Андреи-рассказчицы и юной Андреи-героини даже и в финале романа показана одновременно и непреодоленной, и необъяснимой.

В такой дистанции исследователи, оценивающие жанровую принадлежность романа, видят и намек на «взросление» Андреи, и повод усомниться в интерпретации «Ничто» как романа становления. Мы же добавим, что героиня существует в логике романа *испытания* (где герой уже изначально дан как готовый и, наблюдая за происходящей в мире переменой, сам остается неизменным, испытывается – на верность себе), а рассказчица – в логике романа *становления* (романа воспитания, где изображен момент становления героя, меняющегося вместе с миром, в который он погружен) [Бахтин 1986: 211–212].

Жанровые цитаты в речи рассказчицы эксплицитно пытаются представить описываемые события так, чтобы закономерным результатом их казалась перемена мироощущения и ситуации героини. Так, роман Андреи с Понсом представляется вариацией популярной в патриархальной Испании 40-х гг. *novela rosa* («розового романа» – истории о любви, торжествующей вопреки препятствиям [Novela...]): между влюбленными – социальная разница, любовь обещает преобразить жизнь героини и ее саму, пробуждает в ней «грезу <...> рожденную <...> когда впервые читала сказку о Золушке» (обращение к этим формулам – признак *novela rosa* [Gallo 2016: 132–133; Valero 2011: 34–36]). Понс приглашает Андрею на бал; она, кажется, надеется воплотить в жизнь канон *novela rosa*: «пожелала, чтобы это чудо свершилось, <...> Во сне я видела <...> свое чудесное превращение в <...> принцессу». Но на роскошном празднике бедно одетая Андрея ощущает себя лишней (Лафоре́т 2021: 235–238), с го-

речью наблюдает неисполнение «обещанного» рассказчицей, поражается бессмысленности происходящего, чувствуя себя заложницей чужой воли: «...невозможно отказаться от нее [роли], освободиться» (Лафоре́т 2021: 244).

Разница между образами юной и взрослой Андреи – отражение борьбы с внутренне убедительным чужим словом и освобождения от него путем объективации его в образе «второй Андреи» (для героини ею является рассказчица, для рассказчицы – героиня). Противостояние с чужим словом изображается завуалированно (наиболее постоянен «спор» Андреи с собой, а не с внешним оппонентом); «воспитание» не делается прямо темой или сюжетом, а представляется отчасти скрытым, происходящим «вне произведения». Это, как можно заключить из классификации Бахтина [Бахтин 2012: 103–104], более характерно для романа испытания, чем для романа воспитания.

С романом испытания «Ничто» сближает не только динамика развития образа героини, но и ряд характеристик сюжета и хронотопа.

Вот что говорит Бахтин о времени в авантурном романе испытания, для которого характерна разработка авантурного времени [Бахтин 1986: 204]: «Исходная точка <...> [и] заключающая сюжетное движение точка <...> – существенные события в жизни героев <...>. Но роман построен не на них, а на том, что <...> между ними», однако при этом «...звизание между двумя моментами биографического времени, <...> следа <...> не оставляющее <...> как если бы между этими двумя моментами ровно ничего не произошло» [Бахтин 1975: 239–240].

Сюжет «Ничто», условно развиваясь между прибытием Андреи в Барселону и ее отъездом в Мадрид, включает множество приключений, не упоминающихся после разрешения локальной коллизии (таковы эпизоды с Понсом, со скандалами на Арибау). Из разрозненных, на первый взгляд, историй складывается и сравнительно постоянная линия скрытого сопротивления Андреи власти Романа.

За основу конфликта в «Ничто» можно принять нарушение душевного равновесия Андреи, когда она, вырвавшись из деревни в Барселону в ожидании свободы, сталкивается с несвободой: ее дядя Роман твердит ей, что в доме на Арибау она лишь зритель драм, разворачивающихся по его воле; так он (сам будучи художником) будто ставит под сомнение способность Андреи быть «автором» своей судьбы и описываемых в романе событий (Лафоре́т 2021: 56–57, 111–112). История, где субъектность героини испытывается в поединке с мужчиной, в рассматриваемом случае, возможно, восходит к архаическим, по-

пулярным в модернистские эпохи сюжетам о «деве-воительнице». Черты «воительницы» [Зусева-Озкан 2021: 24–41] присутствуют в облике Андреи. Она сражается не на своей гендерной территории (на Арибау – патриархальный уклад) (Лафоре́т 2021: 303–304) и противопоставлена «нормативно» женственным героиням: некрасива, негодует от притязаний откровенно маскулинного Херардо (там же: 166–167).

Поединок «воительницы» с мужчиной может быть не лишен эротического напряжения, прямое разрешение которого грозит ей утратой прежней идентичности и силы [Зусева-Озкан 2021: 42, 27]. Коренящимся не в сюжете «Ничто», а именно в прототипическом сюжете о «воительнице» атавизмом подобного извода противостояния Андреи и Романа выглядят необоснованные подозрения родни об их связи (Лафоре́т 2021: 219), которые, и без того шокируя героиню, звучат на фоне разговоров о его подлых любовных победах.

Так, Андрея с тревогой догадывается о взаимном интересе своего дяди, сломавшего немало женских судеб, и Эны, любимой подруги, красавицы, которая, всю жизнь будучи объектом восхищенного преклонения, попала, не подозревая, как кажется, об опасности, под чары Романа.

Однажды ночью Андрея случайно слышит, как Глория уличает Романа в страсти к Эне. Испугавшись за Эну, Андрея спешит поговорить с ней, но не застаёт ее; ищет ее, но, уже стоя у стен до дома, где та находится, убегает, испугавшись внезапного движения на террасе (там же: 225–231).

Вскоре Маргарита, мать Эны, рассказывает Андрее о том, что сама была влюблена в Романа, лишь насмежавшегося над ее чувствами и забавлявшегося властью над ней, и только появление Эны освободило ее от страсти к нему. Родив дочь, она увидела в ней свое продолжение. Боясь, что когда-нибудь Эна, будущая женщина, повторит судьбу своей несчастной матери, Маргарита как бы увидела собственные чувства и опыт «отчужденными» в ней, сделалась способна на сопереживание. Одновременно она увидела в своей красивой и уверенной дочери «другого», какую-то силу, какой не имела сама, – и ощутила, что связь с Эной меняет и ее саму. «... [мое] собственное творенье <...> [я] создала ее почти против воли», «...это она сделала меня такой, какая я теперь», «...открыла мне глаза на тонкую основу жизни» (Лафоре́т 2021: 257–260), – «творение» – так Маргарита называет дочь (исп. *obra* (Laforet 1995: 237) привычно в значении «произведения» как плода творчества, направленной деятельности [Moliner 2006: 478]): монолог Маргариты читается как философское отступление об опыте творчества, который отворачивает от «расчета», от манипуляции реально-

стью и тем спасает от утраты ее. Лишающий «точного знания» о себе и мире опыт приближения к «творению», любви к Эне показал иллюзорность власти Романа, построенной на спекуляции чувствами.

Здесь как будто звучит прославление женственности: и материнства, и того загадочного очарования, что свойственно Эне, любовь к которой оказывается спасительным откровением, возвышает и превращает любящего в поэта (ведь в монологе Маргариты о «творении» как будто наиболее полно высказаны рефлексии, которые могли бы звучать из уст самой Андреи как «автора»).

Вскоре после разговора с Маргаритой о своих отношениях с Романом Андрее скажет и Эна, раскрыв, что они были лишь поединком, из которого она вышла победителем; потом Роман внезапно покончит с собой, и Глория, когда-то соблазненная и опозоренная им, признается Андрее, что к самоубийству его подтолкнул ее донос на него (Лафорет 2021: 287, 68, 227, 310).

Примечательно, что, хотя Роману противостоит эмансипированная Андрея, губят его женщины, чья модель поведения соответствует патриархальному стереотипу. Андрею же любовные приключения дяди задевают, но ее участие в них ограничено ролью соглядатая, да и в той она оказывается лишь по воле случая, бессильная на что-либо повлиять. Постепенное раскрытие происходящего перед ней и есть основное действие ее рассказа, и случайность (определяющая если не ход событий, то узнавание о них героиней, из уст которой услышит о них читатель) приобретает качество причинной, «инициативной», присущее ей в авантюрном времени [Бахтин 1975: 247].

Степень определенности и предсказуемости мира, где власть принадлежит случаю, – ограничена: все в нем странно и удивительно. С этим согласуется характерный для авантюрного времени курс на вытеснение исторической и прочей конкретики (ведь при наличии ее происходящее легче идентифицировать или как тривиальное и предсказуемое, или как несомненно выбивающееся из общей закономерности). «Не может быть <...> речи об исторической локализации авантюрного времени. <...> отсутствуют всякие приметы <...> эпохи» [Бахтин 1975: 241], – любопытно, что в романе Лафорет причиной «отсутствия примет эпохи» могли стать в том числе и обстоятельства издания текста: в результате (само)цензуры были удалены, например, главы, где действие связано с узнаваемыми реалиями послевоенной Барселоны, и, возможно, слово «гражданская», вносившее определенность в упоминания недавней «[гражданской] войны» [Rolón-Barada 2016: 122–125]. Возможно, резуль-

татом самоцензуры является и то, что исторические события непосредственно в сюжетах тременистских романов места обычно не находят, об их *предположительной* роли в бедах героев если и говорится, то с подчеркнута субъективных позиций: о том, что происходило на Арибау в годы войны, известно лишь по обрывкам воспоминаний второстепенных героев (Лафорет 2021: 63–75).

Вероятно, рефлексия над подобной ситуацией создания текстов отражена в «Семье Паскуаля Дуарте» К. Х. Селы (1942), первом романе тременизма: переписчик исповеди приговоренного к казни Паскуаля, выступая в роли «цензора», признается, что удалил из нее некоторые фрагменты. Предположение, что Паскуаль был участником гражданской войны (и, как может догадаться читатель, убивал не по наитию, а в пылу боя), высказано не прямо в исповеди, но завуалированно, в кратких чужих примечаниях после нее (Села 1980: 24, 109), заставляющих задуматься о справедливости понимания ее только как истории о роковых случайностях и страстях, удививших, как в романе испытания, героя от «нормального» (исторического, биографического) хода жизни [Бахтин 1986: 203–204].

«Сугубо личные», изолируемые от внешнего контекста истории тременистских героев приобретают характерное для «авантюры» свойство «переместимости» [Бахтин 1975: 250], приближаются к сюжетам, которые могли бы иметь место когда угодно: биографическое время, даже остро ощущаемое психологически, – лишается локализации в целом жизненного процесса, не может стать основой этапа биографии героя [Бахтин 1986: 204–205]. В связи с этим, вероятно, в «Ничто» сказано лишь о годе жизни Андреи и нет уточнений о его значении в ее судьбе.

Неоднозначность утверждения о перемене в характере и обстоятельствах героини закономерна. «Каким может быть образ человека в условиях <...> авантюрного времени, <...> с исключительной инициативностью случая в нем? <...> пассивным и абсолютно неизменным <...> тождество с самим собой – организационный центр образа человека» [Бахтин 1975: 255–256], – Андрея не просто слишком «пассивна» для *Bildungsroman*, как отмечали исследователи, а испытывается на «самотождественность».

«Самотождественность» Андреи проблематизируется и в ретроспективной форме ее рассказа, формальный атрибут которой – дистанция между прошлым и будущим, между «наивной» и «мудрой» ипостасями говорящего (эта дистанция и отражена в противопоставлении точек зрения героини и рассказчицы и интерференции коррелирующих им жанровых форм).

Увиденное из будущего событие прошлого в сознании приобретает черты предназначения [Лотман 2000: 111]. Как попытка рассказчицы придать нелепым событиям смысл для героини обернулась столкновением с бессмысленностью нарратива *novela rosa*, в канон которого никак не вписывалось переживаемое ею, – так и вообще обращение к прошлому, сопряженное с потребностью субъекта ретроспективной речи *пересмыслить* в более приемлемом для самого себя виде нечто [там же], произошедшее не по его замыслу, сопровождается новым утверждением некой «внешней» воли над известным ему ходом событий, тем самым возвращая его к положению, которое изначально и было ему отвратительно. С этой точки зрения закономерно, что ближе к финалу романа мысль, будто Андрея обретает «субъектность» и свободу, неизбежно сопровождается предчувствием, что всё, терзавшее ее, повторится заново, с точностью до наоборот обманув ее ожидания от новой жизни в Мадриде.

Подобные коллизии в целом характерны для тремедистских романов. Их герои ретроспективно говорят о сломавшем их жизнь событии, итог своих действий ощущая как непереносимый и угрожающий; достижение ими желанной цели ставит их в двусмысленное положение, оказывается гибельным для них.

Так и записки Паскуаля кончаются сценой, где он убивает свою мать, в злонравии которой видел источник собственной горькой судьбы и преступлений; детали в изображении расправы намекают, что, зарезав мать, он буквально «рождается» заново, для новой жизни, – но сразу следом приводится текст сообщающих уже о казни самого Паскуаля писем сотрудников тюрьмы, находясь в которой он и поведал миру свою историю. Он меняется с матерью местами, становится тождественен ей: она оказывается «жертвой», какой представлялся сам (имя Паскуаль, *Pascual* от исп. *Pascua* – «Пасхальный»; в сцене убийства кровь матери сравнивается с «овечьей» (агнца) (Села 1980: 107)). Так же и в изображении «поединка» Андреи и Романа акцентируется не столько их оппозиция, сколько константный для сюжетов о «воительнице» мотив равенства между ней и противостоящим ей героем [Зусева-Озкан 2021: 37]: «боевые» функции Андрея в своем рассказе о «поединке» с дядей атрибутирует другим героиням, но ее собственное с ним «равенство» упрочено кровным родством, которое в сюжетах о «воительнице» закрепляет за иными отношениями оппонентов антиномическое свойство «“невозможности” при глубинной взаимной предназначенности» [там же].

И. А. Тертерян пронизательно отметила, что тремедистские герои близки «агонистам» ис-

панского писателя и философа М. де Унамуно [Тертерян 1973: 448–449]. Действительно: в том, как они агонизируют на границе двух своих ипостасей, можно усмотреть «желание быть таковыми или <...> желание не быть таковыми, независимо от той реальности, которую приписывают им» [Унамуно 1981: 6]. Вместе с тем концепция агонизма Унамуно не сводится к аксиоматизации антиномичности: «чистые» «желание быть» и «желание не быть» (воплощающие отчаянный порыв агониста к «реальности», к обретению субъектности, свободы от воли «автора») – специально противопоставлены «не желанию быть» и «не желанию не быть», «сумеречным» [там же: 6, 11], производным от чего-то, им противоположного, а герои, ведомые ими, – безжизненны, остаются не «воображенной тенью», а «тенью воображения» автора [там же: 13], – вторичным, несамостоятельным отражением чужого сознания. Чужд ли «сумеречных» побуждений тремедистский «агонист»?

Определение «агонии», ссылаясь на М. де Унамуно, делает отправной точкой своих рассуждений родоначальник тремедизма К. Х. Села в докладе «Об Испании, испанцах и испанском», но сосредоточивается на проявлениях в национальном характере вторичного, всегда производного от внешнего и противоположного, «сумеречного» «не желания (не) быть». Не пытаясь заключить о том, была ли история предпосылкой формирования национального сознания и «Испании» как концепции, или наоборот, К. Х. Села странно говорит об «испанской сути», «испанской проблеме» [Cela 1961: 225–226, 228], обращается к примерам из биографий знаменитых испанцев, из культуры страны и ее истории, в которой многовековые войны чередовались с периодами мирного сосуществования разных рас, культур и религий, – можно сказать, размышляет о взаимодействии в сознании понятий «своего» и «чужого» в широком смысле: о том, как «чужое» поселяется в «своем» и обнаруживает себя в нем.

Села отмечает, что *битва* испанца со «своим», если он этим «своим» недоволен, идет исключительно в отражении «чужого»: «зависть» терзает испанскую душу [ibid.: 233]. Процесс же отвоевания испанцем «своего» у «чужого» со временем приобретает качество не «отвоевания», а имманентной борьбы, и тогда «свое» уже само по себе ощущается как поле боя, источник неуверенности и опасности [ibid.: 230, 236]. «Рознь гражданская бьется в каждой груди <...> для ее начала даже двоих испанцев не нужно: хватит и одного» [ibid.: 233–234].

Слова родоначальника тремедизма о «чужести» своего как бы эксплицируют ужас тремед-

дистских героев перед собой, «своим» и слепое сопротивление собственной «завершаемости», – будто та, в каком бы из возможных положений ни воплотилась, угрожала бы им. Может ли такой герой о своем «становлении» сказать без содрогания?

Испания, «исторически разделенная на две половины, каждая из которых делится еще, а потом еще и еще на две <...> умножается в зеркалах, покуда хватит глаз» [Cela 1961: 225]; «свое» – теряется в отражениях. Даже в гражданской войне, по мнению Селы, один из испанских фронтов осознавал себя как *анти*-марксистский, другой – как *анти*-фашистский: братоубийственное противостояние представляется ему одной из эманаций константного в испанском сознании стремления идти «*против* течения» [ibid.: 226]. Может ли герой, плутающий в отражениях, отважиться на победу над ними?

Сюжет «каинизма», популярный в испанской литературе, в широком смысле аллегорически отсылает к ситуации противопоставления себя другому, а в узком – к братоубийственной войне 1936–1939 гг.; литературоведы, говоря о «каинизме», зачастую имеют в виду мотив противостояния между братьями [Rossi 2018: 85–102]: один брат убивает другого или наблюдает его смерть и гибнет сам. Но «каинова» вражда, та «зависть», которую Унамуно называл «*Каиновой печатью*» испанского характера [Унамуно 1981: 255], едва ли сводима к досаде на благополучие противника и жажде одержать верх над ним.

В «Ничто» мотив «каинизма» явно реализован в отношениях дядьев Андреи, Романа и Хуана. Однако Роман соперничал не только с Хуаном, но и с Андреей. Напрашивается аналогия: как Хуан после смерти Романа от горя сошел с ума, так и Андрея, тяжело тосковавшая по дяде (Лафоре́т 2021: 306), уйдя из дома на Арибау, не вырвалась на свободу, а стала скиталицей, как Каин. Субъектность, обретаемая через «победу» над ближним, скомпрометирована (и в истории Романа, и в переживаниях тех, кто вышел победителем из поединка с ним).

В сознании изувеченного гражданской войной общества пульсировала мысль, что триумф приходит рука об руку с поражением; уже в начале 40-х она нашла отражение в романах тремендизма, а позднее, к концу 50-х гг., стала частью официальной риторики режима, откликнувшегося на общественный запрос о примирении «двух Испаний» [История... 2014: 601–602]. В 1989 г. родоначальник тремендизма Села получил Нобелевскую премию за «... прозу <...> о ранимости человеческого натуры» [Лекции... 2003: 120].

Концепция испытания на тождество (себе, противнику) лежит в основании проблематики и

поэтики тремендистских романов. Жанровая протестичность романа «Ничто» как *Bildungsroman*, двусмысленность его финала, условность утверждения о перемене в судьбе и характере героини – эти особенности сюжета и поэтики тесно связаны с движениями общественной мысли и актуальным литературным контекстом послевоенной Испании.

Список источников

Лафоре́т К. Ничто. М.: Центр книги Рудомино, 2021. С. 25–315.

Села К. Х. Семья Паскуаля Дуарте. М., 1980. С. 23–112.

Лаforet C. Nada. Barcelona: Destino, 1995. 296 p.

Список литературы

Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 9–179.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. 810 с.

Зусева-Озкан В. Б. Прологомены / Девавоительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с.

История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Ин-т всеобщей истории РАН; под общ. ред. О. В. Волосюк, М. А. Липкин, Е. Э. Юрчик. М.: Индрик, 2014. 872 с.

Лекции и речи лауреатов Нобелевских премий в русских переводах: 1901–2002. СПб.: БАН, 2003. 168 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 152 с.

Тертерян И. А. Испытание историей: Очерки испанской литературы XX в. М.: Наука, 1973. 526 с.

Унамуно М. де. Испанская зависть // Унамуно М. де. Избранное: в 2 т. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд-ние), 1981. С. 249–257.

Унамуно М. де. Три назидательные новеллы и один пролог // Унамуно М. де. Избранное: в 2 т. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд-ние), 1981. С. 5–93.

Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 16–26.

Cela C. J. Sobre España, los españoles y lo español // Cuatro figuras del 98: Unamuno, Valle Inclán, Baroja, Azorín y otros retratos y ensayos españoles. Barcelona: Aedos, 1961. P. 225–240.

- Gallo M. S. Novela rosa y fantasía amorosa en la España de los años cuarenta: análisis de La rival de Julieta de Josefina de la Torre // *Aleph*. Salamanca, 2016. № 8. P. 128–148.
- García-Ruiz V. Juan Ramón en la calle Aribau: notas sobre “Nada”, de Carmen Laforet // *Ars bene docendi Homenaje al Profesor Kurt Spang*. Pamplona: EUNSA, 2009. P. 305–317.
- Jordan B. Laforet's Nada as Female Bildung? // *Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures*. New York, 1992. Vol. 46, № 2. P. 105–118.
- Martínez Garnica A. Crónica de la recepción de Heidegger en Hispanoamérica // *Santander*. 2006. № 1(1). P. 102–124.
- Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 2: I–Z. Madrid: Gredos, 2006. 1597 p.
- Novela rosa // *Diccionario de la lengua española / La Real Academia Española (RAE)*. URL: <https://dle.rae.es/novela?m=form#5Xfn5n1> (дата обращения: 09.06.22).
- Pérez Ó. B. La novela existencial española de posguerra. Madrid: Gredos, 1987. 306 p.
- Puértolas J. R. Historia de la literatura fascista española. Madrid, 2008. Vol. 157. 1344 p.
- Ripoll Sintes B. La revista Destino (1939–1980) y la reconstrucción de la cultura burguesa en la España de Franco / *Amnis. Revue d'études des sociétés et cultures contemporaines Europe/Amérique*. 2015. № 14. URL: <https://journals.openedition.org/amnis/2558> (дата обращения: 11.06.22).
- Rolón-Barada I. Carmen Laforet's Inspiration for Nada (1945). *Spanish Women Writers and Spain's Civil War*. New York: Routledge, 2016. P. 116–128.
- Rolón-Barada I., Masforroll A. C. Carmen Laforet. Una mujer en fuga. Barcelona: RBA Libros, 2019. 624 p.
- Rossi C.A.D.R. Filhos da guerra, cainismo e protagonismo infanto-juvenil em *Los Abel* (1948), de Ana María Matute e *Duelo en El Paraíso* (1955), de Juan Goytisolo / *Doct. diss.* Santa Maria, 2018. 156 p.
- Vadillo Buenfil C. J. El Bildungsroman en las narradoras españolas de posguerra: 1940–1960: Tesis doctoral. Universidad Autónoma de Madrid. Madrid, 2012. 406 p.
- Valero E. A. Cincuenta años de usos amorosos: El amor y la novela rosa // *Ogigia. Revista electrónica de estudios hispánicos*. 2011. № 9. P. 33–43. URL: https://web.archive.org/web/20171202095047id/http://www.ogigia.es/OGIGIA9_files/ALONSO.pdf (дата обращения: 05.04.22).
- Verbal Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. *Slovo v romane* [Discourse in the novel]. Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Complete Works in 7 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, vol. 3. *Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Theory of the Novel (1930–1961)], pp. 9–179. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. Bakhtin M. M. *Vo-prosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 810 p. (In Russ.)
- Zuseva-Ozkan V. B. *Prolegomeny. Devavoitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety* [Prolegomena. The Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: the Image, Motives, Plots]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 712 p. (In Russ.)
- Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot voyny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka.* [The History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession to the Beginning of the 21st Century]. Ed. by O. V. Volosyuk, M. A. Lipkin, E. E. Yurchik. Moscow, Indrik Publ., 2014. 872 p. (In Russ.)
- Lektsii i rechi laureatov Nobelevskikh premiy v russkikh perevodakh: 1901–2002* [Lectures and Acceptance Speeches of Nobel Peace Prize Winners In Russian Translations: 1901–2002]. St. Petersburg, Library of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 168 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000. 152 p. (In Russ.)
- Terteryan I. A. *Ispytanie istoriey: Ocherki ispanskoy literatury 20 v.* [The Testing by History. Essays on Spanish Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 526 p. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *Ispanskaya zavist'* [Spanish envy]. Unamuno M. de. *Izbrannoe v dvukh tomakh* [Selected Works in two vols.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ. (Leningrad branch), 1981, pp. 249–257. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *Tri nazidatel'nyye novelly i odin prolog* [Three exemplary novels and a prologue]. Unamuno M. de. *Izbrannoe v dvukh tomakh* [Selected Works in two vols.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ. (Leningrad branch), 1981, pp. 5–93. (In Russ.)
- Heidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?]. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 16–26. (In Russ.)
- Cela C. J. *Sobre España, los españoles y lo español* [About Spain, Spanish people and Spanishness]. *Cuatro figuras del 98: Unamuno, Valle Inclán, Ba-*

References

Bakhtin M. M. Roman vospitaniya i ego znacheniye v istorii realizma [The Bildungsroman and its significance in the history of realism]. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of

roja, Azorín y otros retratos y ensayos españoles [Four Figures of 1998: Unamuno, Valle Inclán, Baroja, Azorín and Other Spanish Portraits and Essays]. Barcelona, Aedos, 1961, pp. 225–240. (In Sp.)

Gallo M. S. Novela rosa y fantasía amorosa en la España de los años cuarenta: análisis de La rival de Julieta de Josefina de la Torre [The romance novel and love fantasy in Spain of the 1940s: Analysis of 'La rival de Julieta' by Josefina de la Torre]. *Aleph*. Salamanca, 2016, no. 8, pp. 128–148. (In Sp.)

García-Ruiz V. Juan Ramón en la calle Aribau: notas sobre 'Nada', de Carmen Laforet [Juan Ramón on Aribau Street: Notes on Carmen Laforet's 'Nada']. *Ars bene docendi Homenaje al Profesor Kurt Spang* [Ars bene docendi. A Tribute to Professor Kurt Spang]. Pamplona, EUNSA, 2009, pp. 305–317. (In Sp.)

Jordan B. Laforet's Nada as Female Bildung? *Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures*. New York, 1992, vol. 46, issue 2, pp. 105–118. (In Eng.)

Martínez Garnica A. Crónica de la recepción de Heidegger en Hispanoamérica [Chronicle of the reception of Heidegger in Latin America]. *Santander*, 2006, vol. 1, issue 1, pp. 102–124. (In Sp.)

Moliner M. *Diccionario de uso del español, T. 2: I–Z* [Dictionary of the Use of Spanish. Vol. 2: I–Z]. Madrid, Gredos, 2006. 1597 p. (In Sp.)

Novela rosa [Romance novel]. *Diccionario de la lengua española. La Real Academia Española (RAE)* [Dictionary of the Spanish Language. The Royal Spanish Academy (RAE)]. Available at: <https://dle.rae.es/novela?m=form#5Xfn5n1> (accessed 09 Jun 2022). (In Sp.)

Pérez Ó. B. *La novela existencial española de posguerra* [The Post-War Spanish Existential Novel]. Madrid, Gredos, 1987. 306 p. (In Sp.)

Puértolas J. R. *Historia de la literatura fascista española* [History of Spanish Fascist Literature]. Madrid, 2008, vol. 157. 1344 p. (In Sp.)

Ripoll Sintes B. *La revista Destino (1939–1980) y la reconstrucción de la cultura burguesa en la España de Franco* [Destino magazine (1939–1980) and the reconstruction of bourgeois culture in Franco's Spain]. *Amnis. Revue d'études des sociétés et cultures contemporaines Europe/Amérique* [Amnis. Journal for Studies on Contemporary Societies and Cultures of Europe/America], 2015, vol. 14. Available at: <https://journals.openedition.org/amnis/2558> (accessed 11 Jun 2022). (In Sp.)

Rolón-Barada I. Carmen Laforet's Inspiration for Nada (1945). *Spanish Women Writers and Spain's Civil War*. New York, Routledge, 2016, pp. 116–128. (In Eng.)

Rolón-Barada I., Masforroll A. C. *Carmen Laforet. Una mujer en fuga* [Carmen Laforet. A Woman on the Run]. Barcelona, RBA Libros, 2019. 624 p. (In Sp.)

Rossi C.A.D.R. *Filhos da guerra, cainismo e protagonismo infanto-juvenil em Los Abel (1948), de Ana María Matute e Duelo en El Paraíso (1955), de Juan Goytisolo* [Children of War, Cainism and Children's Protagonism in 'Los Abel' (1948) by Ana María Matute and 'Duelo en El Paraíso' (1955) by Juan Goytisolo. Doctoral thesis]. Santa Maria, 2018. 156 p. (In Port.)

Vadillo Buenfil C. J. *El Bildungsroman en las narradoras españolas de posguerra: 1940–1960*. Tesis doctoral [Bildungsroman by post-war Spanish female narrators: 1940–1960. Doctoral thesis]. Madrid, 2012, Autonomous University of Madrid. 406 p. (In Sp.)

Valero E. A. *Cincuenta años de usos amorosos: El amor y la novela rosa* [Fifty years of amorous uses: Love and the romance novel]. *Ogigia. Revista electrónica de estudios hispánicos* [Electronic Journal of Hispanic Studies], 2011, vol. 9, pp. 33–43. Available at: https://web.archive.org/web/20171202095047id_/http://www.ogigia.es/OGIGIA9_files/ALONSO.pdf (accessed 05 Apr 2022). (In Sp.)

Laforet's 'Nada' as a Female Bildungsroman? The Genre Peculiarities of the Tremendist Novel

Maria V. Gerasimenko

Postgraduate Student, Junior Researcher

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation. gerasimenkom44@gmail.com

SPIN-code: 3200-0823

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3602-2706>

Submitted 28 Sep 2022

Revised 22 Oct 2022

Accepted 16 Dec 2022

For citation

Gerasimenko M. V. Roman K. Laforet «Nichto» kak Bildungsroman? Zhanrovaya spetsifika tremendistskogo romana [Laforet's 'Nada' as a Female Bildungsroman? The Genre Peculiarities of the Tremendist Novel]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 86–95. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-86-95 (In Russ.)

Abstract. Carmen Laforet's *Nada* is one of the most important literary works in post-war Spain, one of the first novels of tremendism. *Nada* is considered to be a Bildungsroman; however, since the main character (Andrea) seems excessively passive, this definition is called into question by some researchers. The article shows that *Nada* combines the features of the *novel of emergence* (according to the nomenclature offered by Mikhail Bakhtin), or *Bildungsroman* (according to the nomenclature used by English-speaking philologists), and the features of the *novel of ordeal*, but the specificity of the chronotope and the plot brings *Nada* closer to the *novel of ordeal*, which is constructed on the idea of testing the protagonist's self-identity. Thus, Andrea stays as naive as she was, and her fate is decided by chance. The concept of identity-testing is embodied in *Nada* through using the elements of the archaic plot of the 'maiden warrior': Andrea defends her subjectivity in a duel with a man (Roman); but in their confrontation, not only the predominance of the strength of one of them is tested, but also their equality in relation to each other. A situation of the identity-testing is also captured in Andrea's retrospective narrative: the narrator's attempt to find a new meaning and understanding of what has happened against her will is accompanied by a new imposition of an 'external' will on the course of events already known to her, and thus returns her to a passive position, which she was trying to avoid. The article shows that the problem of (self)identity-testing, raised in the novel, was highly relevant to the cultural situation in Spain of the 1940–50s: that was the period of popularity of the concepts of *agonismo* (the character's rebellion against the finiteness of his/her own 'self') and *cainismo* (a mysterious inner link between the winner and the loser in a fratricidal duel, any outcome of which is equally tragic).

Key words: Laforet; tremendism; postwar Spanish women novelists; chronotope; retrospective narrative; Bildungsroman; novel of ordeal; agonismo; cainismo.

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-96-102

Функции живописной образности в прерафаэлитической балладе: на примере произведения А. Ч. Суинберна «Дочь короля»

Татьяна Викторовна Назарова

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2. aven1808@gmail.com

SPIN-код: 6508-8269

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4060-375X>

ResearcherID: AAT-6779-2021

Статья поступила в редакцию 16.09.2022

Одобрена после рецензирования 30.11.2022

Принята к публикации 01.12.2022

Информация для цитирования

Назарова Т. В. Функции живописной образности в прерафаэлитической балладе: на примере произведения А. Ч. Суинберна «Дочь короля» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 96–102. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-96-102

Аннотация. Статья посвящена изучению интермедиальности как одной из основ поэтики прерафаэлитизма. Прерафаэлиты усложняют и делают прикладным подход к интермедиальному взаимодействию, видя в материале и методе других искусств потенциал для обогащения поэтического языка. Особенно наглядно это проявилось в рамках живописно-поэтического синтеза, эффект от которого коснулся не только тех прерафаэлитов, которые работали и как поэты, и как художники, но и тех из них, кто занимался одним видом творчества. В первой части статьи рассмотрен интермедиальный аспект прерафаэлитизма, его теоретические основы, историко-культурный контекст и специфика подхода в сравнении с предыдущими периодами. Особое внимание уделено живописности и детализации как свойствам поэтики прерафаэлитов, отраженным в работе со светом и цветом в тексте. Следующая часть статьи раскрывает новаторство прерафаэлитов, заключающееся в интенсивном использовании материально-ориентированной, направленной на зрительное восприятие образности не только в статических жанрах, но и в сюжетных, каковым является баллада. Третья часть иллюстрирует, как именно моделировалась и какую роль играла живописная образность в балладе А. Ч. Суинберна «Дочь короля». Результатом исследования стало заключение о том, что живописный способ изображения в балладе Суинберна, который не был художником, проявляется не только на лексическом, но и на грамматическом и синтаксическом уровнях, а подобная модель передачи зрительного образа выполняет ряд важных функций, участвуя как в композиционной организации произведения, так и в развитии сюжета и формировании образов персонажей.

Ключевые слова: прерафаэлиты; прерафаэлитизм; интермедиальность; живописно-поэтический синтез; баллада; Суинберн.

Английскому прерафаэлитизму, сформировавшемуся из «Братства прерафаэлитов» (1848–1853), принадлежит заслуга адаптации интермедиальности как одного из приемов собственного творчества. Прерафаэлитизм включал в себя как отголоски романтического синтеза искусств, так

и переход к цитации одного искусства другим. Согласно Э. Хелзингер, практика более одного вида искусства позволяла прерафаэлитам совершать открытия на литературном поприще посредством интермедиальных заимствований [Helsingier 2008: ix–xi]. Поэзия прерафаэлитов

представляет собой один из наиболее характерных примеров «усложнения принципов организации художественного текста» посредством «заимствования и ассимиляции свойств текстов, принадлежащих другим видам искусства» [Седых 2008: 212].

Интермедиаальной природе прерафаэлитизма посвящены труды Г. В. Аникина, Н. И. Соколовой, Э. В. Седых и Э. Хелзингер. Эта черта его поэтики также отмечена в работах Д. Рескина, У. Пейтера, В. В. Ванслоуа, Д. Н. Жаткина и др. Однако уникальность «кинематографического видения» [Borges 2013: 188] прерафаэлитов, способы реализации синтеза искусств в их поэзии и функции живописного отображения действительности остаются не до конца исследованными. Еще менее изученным является интермедиаальный аспект в прерафаэлитическом творчестве А. Ч. Суинберна, поэзия которого, хотя он и не являлся художником, как Д. Г. Россетти или У. Моррис, также отличалась синтетической направленностью. Данное исследование призвано заполнить некоторые из существующих пробелов в отечественном литературоведении и продемонстрировать на примере произведения А. Ч. Суинберна «Дочь короля» (“King’s daughter”, 1866), что конкретная и живописная манера изображения прерафаэлитов функционировала даже в сюжетных жанрах, таких как баллада, и играла значительную роль в построении произведения.

Демонстрируя «органическое объединение равноправных искусств в едином образном решении и воздействии» [Ванслов 1987: 94], прерафаэлитизм, с одной стороны, стал отражением романтической модели синтеза искусств. Такое воплощение идеи вписывалось в рамки идеалистической концепции эстетической утопии У. Морриса: «...только синтез искусств даёт подлинную красоту, поскольку он содействует тому, что весь окружающий человека предметный мир становится <...> отпечатком его образа жизни и утверждением его идеала» [там же: 91]. Тогда как происходивший в буржуазную эпоху распад синтеза искусств он связывал с общим культурным упадком. С другой стороны, в живописи и поэзии прерафаэлитов наблюдается переход к цитации культурного кода одного искусства средствами другого, которое затем разовьют в своем творчестве О. Уайльд и модернисты. Интерсемиотичность¹ произведений разных семиотических систем при этом достигалась как путем вербализации, так и путем визуализации.

Произведения прерафаэлитов можно назвать примерами интермедиаального перевода, в котором учитывались не только сходные черты разных видов искусств, но и то, что делает «ориги-

нал» чуждым традиции, в которую он вносится. В чужеродности и странности прерафаэлиты видели потенциал для обогащения поэтического языка. Некоторые из прерафаэлитов были непосредственно знакомы с процессом создания произведений разных видов искусства, переводя на язык другого медиума не только отдельные приемы, но и метод, форму и чувственное восприятие.

Ярче всего в прерафаэлитизме был выражен художественно-поэтический синтез. Широкому зрителю известны прежде всего прерафаэлиты-художники, но ставить их поэтическое творчество в услужение живописному было бы в корне неверно. Их тождество утверждается прежде всего совпадением целей прерафаэлитизма в визуальной и литературной формах, а в объединении живописи и поэзии состояла одна из главных задач прерафаэлитизма [Соколова 1995: 97]. Часть исследователей предлагает рассмотрение этого аспекта посредством понятия «поэзиса как акта творения» [Huseby, Witcher 2020: 19] и «смыслообразующего полагания» [Сурина 2008: 67], которое ассоциируется с искусством в целом и представляет собой «модель фундаментального синтеза культуры» [там же: 70].

Критерием сопоставления живописи и поэзии Д. Рескин называл присущий обоим ритм, который был не формальной категорией, но «проявлением чувствительности к цвету и очертаниям предметов», возникающим из «бесконечной и священной любви к миру и правде, как средству выражения гармонии цвета и гармонии звука» [Соколова 1995: 102]. В «Современных художниках» теоретик обрисовывает «структурные единицы, свойственные разным видам искусств: звук, цвет, линию» [Аникин 1986: 123]. Градацией и модуляцией подобных соотносимых между собой элементов может производиться эмоциональный эффект. Еще одним доказательством родства поэзии и живописи, по Рескину, было взаимодействие через стихотворные цитаты к картинам, иллюстрации к литературным произведениям и экфратические стихотворения.

Размышляя о поэзии в целом, можно говорить о том, что направленность на зрительную модальность является свойством большинства ее образцов. А. В. Нагорная объясняет это «общей визуальной ориентированностью западной культуры», которая позволяет даже «увидеть невидимое» [Нагорная 2015: 83]. Однако живописность, доходящая до интермедиаального синтеза, становится одним из определяющих свойств поэзии прерафаэлитов. Их поэзию отличает расширение поля неметафорической, конкретной лексики, обозначающей предметы и явления материального мира, свето- и цветообозначения, ви-

зуально воспринимаемые характеристики пространства и стремление к формированию полноценного и детального зрительного образа даже в сюжетных жанрах.

Принцип верности детали занимает особое место в искусстве прерафаэлитов, проявившись и в живописи, и в поэзии. Во многом он происходит из провозглашенных в «Ростке» постулатов, а именно тех, что касались искренности идей и тщательного изучения природы. Даже Россетти, которого не раз упрекали в отступлении от верности природе, нежелании работать с натуры и даже бегстве от нее, чтобы «вернуться в Лондон к своей искусственной жизни» [Соколова 1995: 76], был очень пристрастен по отношению к детали в своей поэзии, как природной (даже если дело касалось шума ручья), так и исторической.

Пристальное внимание к детали объясняется и интермедиальной природой творчества прерафаэлитов, однако следует отметить, что подобные описания находятся также у А. Теннисона и М. Арнольда. К. Крайст находит этому еще одно объяснение, а именно через сдвиги в мировоззрении викторианцев, произошедшие после новых естественнонаучных открытий, и последовавший за ними кризис идей упорядоченности мироздания: «Общепринятые представления растворялись, не оставляя ничего, кроме трясины отдельных деталей» [цит. по: Соколова 1995: 155]. Пейзаж как таковой для прерафаэлитов не существует: «его заменяют элементы, “атомы”, становящиеся средством раскрытия душевного состояния личности» [там же]. У. Пейтер отмечал в искусстве прерафаэлитов возрождение традиций «мифопоэтического века». Россетти он сравнивал с Данте в способности придания чувственного, материального образа явлениям духа. Привычные вещи в поэзии прерафаэлитизма предстают «исполненными чувства» [там же: 155–156]. Детальность стала характерным свойством прерафаэлитского искусства, помогая художникам и поэтам выявлять земную природу сакральных явлений.

Ключевым аспектом передачи зрительного опыта является передача светотеневых нюансов и, в частности, работа с цветом. Цветовые впечатления ярче фиксируются в памяти и проще воспроизводятся из нее, поэтому использование цветовой и светотеневой игры в литературных произведениях эффективнее всего приводит читателя к преобразованию текста в визуальный образ. Поэзия прерафаэлитизма отличается изображением тонких различий игры света и тени (например, *The scented dusty daylight burns the air* [Swinburne 1866: 14] или *The flickering shades were dusk and dun, / And the lights throbbled faint in unison* [Rossetti 1886: 172]) и широким спектром

используемых оттенков, включая вариации их тона и насыщенности (*Fair green weed in the mill-water* [Swinburne 1866: 321] или *And see the quiet gleam of turquoise pale / Along the ceinture* [Morris 2007: 141]). При этом цветовое сопровождение может выступать не только одним из способов детализации экспозиции или образов, но и, к примеру, средством различия персонажей или иллюстрации смены событий сюжета.

Наряду с использованием в литературных произведениях эффектов цветового и светотеневого контраста, дополнявшихся высокой степенью проработки деталей, прерафаэлиты наделяли собственную живопись нарративностью и «субъективным чувством» [Жаткин 2018: 213], что позволило расширить возможности обоих видов искусств для достижения общей цели: усиления эмоционального воздействия на воспринимающего. Одним из характерных признаков «поэтической живописи» прерафаэлитов объявляют «их стремление к вычленению духовного в материальном» [там же: 212]. В лекции «Ренессанс английского искусства» (The English Renaissance of Art, 1882) О. Уайльд говорит о том, что прерафаэлиты устроили революцию в английском искусстве, стремясь создать произведения, обладающие одновременно большей духовной и декоративной ценностью [Wilde 1908: 249].

Поэзия прерафаэлитов выделяется тем, что материально-ориентированная, направленная на зрительное восприятие образность проявляется не только в более статических жанрах, таких как лирическая зарисовка, экфраза или сонет, но и в жанрах, предполагающих сюжетность и динамизм, например балладе.

В контексте викторианского увлечения артикулированной жанр баллады также переживает возрождение – большее внимание уделяется исконным традициям и форме жанра: по сравнению с романтиками викторианские поэты используют более близкую народной балладе форму, что особенно справедливо для поэзии прерафаэлитов. Возрождение формальных признаков баллад было сродни возрождению средневекового мироощущения. Поэзия прерафаэлитов многое наследует у фольклорного варианта баллад, например: возвышенность слога, богатство красок, фрагментарность, частое отсутствие авторской оценки, рефрены и устойчивые эпитеты. При этом отмечается изменение функции рефрена, который становится связанным с содержанием не только на уровне музыкальных ассоциаций, но на уровне сюжета. В свою очередь традиционные эпитеты меняют свою функцию с типизирующей на индивидуализирующую.

Жанр соответствовал эстетическим соображениям прерафаэлитов как своей архаичностью,

так и своей гибкостью, позволяющей им не только подражать старинным образцам, но и осуществлять в лоне балладных форм собственные языковые экзерсисы. Язык, к которому тяготеет баллада, поощрял как конкретную образность прерафаэлитов, так и их стремление к звуковой гармонии: «...язык баллад сильно отличается от той искусственной речи, которая была обычна в поэзии начала XVIII в. Баллады любят слова характерные, индивидуальные, точные, конкретные; они не знают вычурных метафор и риторических фигур, кроме устойчивых эпитетов, основанных на древней песенной традиции и превратившихся в словесные лейтмотивы; они употребляют охотно слова архаичные, диалектные формы, потому что их возникновение относится к давним годам, а место распространения – пограничные области Англии и Шотландии, где говорят на своеобразном северном наречии» [Жирмунский 1973: 99]. Подтверждая эту мысль, М. А. Козырева указывает на то, что «для баллады характерно присущее английскому сознанию стремление избежать излишней абстрактности, стремление выразить всё в конкретных образах, взятых из жизни. Даже эльфы, феи... воспринимаются как нечто очень конкретное, являются такими же реальными действующими лицами, как и другие персонажи» [Козырева 1988: 17].

Несмотря на то что главной чертой жанра является сюжетность и что балладным произведениям часто присущ определенный динамизм, даже в них стиль прерафаэлитов был направлен на создание визуального восприятия нарратива и тяготел к вещности и плотности деталей. Прерафаэлиты творчески переосмыслили традиции народной баллады в соответствии с собственными эстетическими критериями. Чертой баллад прерафаэлитов является очевидная конкретность и декоративность, проявляющиеся в подробных описаниях внешности, декора, пейзажа. Стоит отметить также, что по сравнению с предыдущими периодами лирике прерафаэлитизма свойственна мультимодальная направленность: в ней значительно чаще можно увидеть использование цветочных эпитетов, а также слов, обозначающих текстуры, материалы, звуки и иные сенсорные впечатления.

Одним из наиболее интересных примеров использования материальной детали для построения балладного произведения является баллада «Дочь короля» А. Ч. Суинберна. В первую очередь в ней привлекает внимание преобладание именных форм над глагольными, включая вспомогательные их формы. Четверостишие в этом произведении обыкновенно содержит 1–3 глагольных формы и 10–13 именных. Однако, несмотря на небольшое количество глаголов и ча-

стые случаи опущения их вспомогательных форм, стихотворение Суинберна сохраняет основные балладные признаки: сюжетность, динамизм и неожиданную развязку.

Баллада начинается с пасторальной картины о жизни дочери короля и ее подруг. Десять дев предстают на фоне зеленых полей и маленьких красных листьев в потоке у водяной мельницы. Однако по ходу повествования пейзаж постепенно меняется: сначала на опавшие плоды, а затем на дождь, град, и наконец, разбитые лодки.

*We were ten maidens in the green corn,
Small red leaves in the mill-water:
Fairer maidens never were born,
Apples of gold for the king's daughter.*
[Swinburne 1866: 321]

Организуемая направленность детальности распространяется на ряд аспектов художественного произведения. Она выполняет сюжетогенную и персонажную функцию, что особенно ярко проявляется в «Дочери короля». Сюжет баллады целиком раскрывается через художественную деталь – живописную картину потока, текущего у мельницы, меняющегося, чтобы показать смену состояния мира и в конечном счете трагические события через обломки, плывущие по воде.

*He's ta'en his leave at the goodliest,
Broken boats in the mill-water...*
[ibid.: 323]

Природа, в духе романтической традиции, играет значительную роль в отражении и развитии сюжетной линии, но не менее важными оказываются и предметы материального мира, созданные руками человека. Описание заглавного персонажа произведения происходит через сопоставление соответствующих ей и другим предметам. Почти всё, что читатель узнает о дочери короля, дается через подобные детали: красные кольца, хлеба, вышитые золотом рукава и др. Развитие образа на контрасте материальных вещей не только не снижает выразительность и драматизм произведения, но и делает их более наглядным. Таким образом, формирование образа героини происходит через связанные с ней и с другими предметами, тогда как сюжетные коллизии обозначаются у Суинберна сменой пейзажа. Баллада представляет собой ярко выраженный пример поэтического текста, в котором признаки «более существенны для создания поэтического образа, чем носители» [Ковтунова 1986: 163].

Полнота изображения усиливается за счет обильного использования цветочных эпитетов, которые задействованы в 10 из 14 четверостиший стихотворения (или же 12, если посчитать относительное прилагательное *golden* и обозна-

чением цвета и допустить, что *fair* здесь может использоваться также в значении «белый, светлый»). Используемые поэтом оттенки чистые, незамутненные и иногда контрастирующие друг с другом (например, *green corn – red leaves*), что создает не только «чисто орнаментальную поверхность насыщенности» [Peters 1962: 290], но и атмосферу сказочности, определенной условности, которая нивелирует сконцентрированное на материальных объектах повествование. Функциональная особенность цветовых обозначений, включая аналоговые, у Суинберна заключается в том, что они становятся частью рефрена, который в 10 четверостишиях из 14 включает в себя название предназначенного для дочери короля объекта вместе с его цветом. В этом контексте любопытно и то, что яркость красок исчезает к концу поэмы, сигнализируя ее трагическое завершение.

И движение сюжета, и составление портрета основного персонажа в балладе создается преимущественно через подобные детали – конкретные зрительные образы, подталкивающие читателя к пониманию задумки поэта. Многочисленные детали органично сплетаются с разнообразными рефренами и повторениями, как бы гипнотизируя читателя и снижая его бдительность.

*He's ta'en out the goodliest,
Rain that rains in the mill-water;
A comb of yellow shell for all the rest
A comb of gold for the king's daughter.*

*He's made her bed to the goodliest,
Wind and hail in the mill-water;
A grass girdle for all the rest,
A girdle of arms for the king's daughter.
[Swinburne 1866: 322–323]*

Баллада дает минимум нарративной информации. Параллелизм природной детали наталкивает на мысли о трагическом конце, однако такая смена событий, как и в народных балладах, всё равно оказывается внезапной, не только за счет гибели жениха королевской дочери, но и за счет открытия шокирующей современной читателя детали их отношений. В предпоследней строке героиня называет своего погибшего жениха братом (*And ye'll streak my brother at the side of me* [ibid.: 323]), что наводит на мысли о неслучайности его гибели, если этот факт ранее оставался для пары неизвестным. О том же может свидетельствовать фраза о предначертанности ей мучада (*The pains of hell for the king's daughter* [ibid.]). Однако полностью картина событий так и не проясняется, что соотносится со взглядами самого Суинберна, который в романе «Лесбия Брэндон» (“*Lesbia Brandon*”, 1868) вкладывает в уста леди Уористон следующие слова: «Все эти

истории лучше оставлять недосказанными; так они больше страшат и лучше запоминаются» [цит. по: Helsing 2016: 486].

Синтетический характер искусства прерафаэлитов явился одной из наиболее значимых отличительных черт их творчества. Выходя за рамки отдельных приемов, по сравнению с предыдущими периодами прерафаэлитизм усложняет и углубляет интермедияльное взаимодействие в тех видах искусства, в которых он представлен, что особенно наглядно видно на примере живописно-поэтического синтеза. Объединение поэзии и живописи стало одной из задач прерафаэлитизма, представители которого привнесли в литературу методы и концептуальные стратегии создания и восприятия визуальных искусств.

Поэзия прерафаэлитов выделяется даже на фоне общей ориентированности на зрительную модальность европейской литературы тем, какое значение в ней придается работе с цветом и верности детали. При этом высокая концентрация и степень проработки деталей, позволяющие читателю сформировать яркий зрительный образ при чтении поэзии, становятся характерны не только для более статичных жанров, но и для сюжетных, таких как баллада.

На примере баллады «Дочь короля» можно увидеть, что подобный способ изображения проявляется не только на лексическом, но и на грамматическом и синтаксическом уровнях. Используя преимущественно именные конструкции, Суинберн рисует картину, в которой временные и событийные изменения преимущественно иллюстрируются пейзажем и предметами материального мира. Р. Питерс подчеркивает, что вместе с Д. Г. Россетти Суинберн достигает в своей поэзии «неуловимое слияние орнамента со значением» [Peters 1962: 300]. Декоративно-орнаментальная модель передачи зрительного восприятия выходит за рамки сугубо описательных возможностей и приобретает организующую функцию, а также играет значительную роль в формировании сюжета и образов персонажей.

Примечание

¹ Термин Л. П. Прохоровой.

Список литературы

Аникин Г. В. Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. 316 с.

Ванслов В. В. Моррис об архитектуре и синтезе искусств // Аникст А. А., Ванслов В. В., Верижникова Т. Ф., Кучерова Е. Н., Лазарева Н. М., Макаров К. А., Некрасова Е. А., Шестаков В. П. Эстетика Морриса и современность. М.: Изобраз. искусство, 1987. С. 85–95.

Жаткин Д. Н. Данте Габриэль Россетти в России // Россетти Д. Г. Дом Жизни: в 2 кн. / Изд. подгот. Вл. Некляев, Дм. Жаткин. М.: Ладомир, 2018. Т. 2. С. 102–228.

Жирмунский В. М. Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. М.: Наука, 1973. С. 87–103.

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / Отв. ред. Н. Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1986. 205 с.

Козырева М. А. Восприятие в русской литературе английской поэзии конца XIX – начала XX века: жанр литературной баллады: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1988. 219 с.

Нагорная А. В. Образы зрительной и слуховой модальности в когнитивном пространстве interoцепции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 81–88.

Седых Э. В. К проблеме интермедальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2008. Вып. 3, ч. 2. С. 210–214.

Соколова Н. И. Литературное творчество прерафаэлитов в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 533 с.

Сурина Т. В. Поэзис как архетип культуры // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 67–70.

Borges J. L. Professor Borges: A Course on English Literature. New York: New Directions Publishing, 2013. 306 p.

Helsing E. K. Poetry and the Pre-Raphaelite Arts. Dante Gabriel Rossetti and William Morris. New Haven & London: Yale University Press, 2008. 335 p.

Helsing E. Taking Back the Ballad: Swinburne in the 1860s. Victorian Poetry. Vol. 54, No. 4, Ballads (WINTER 2016). P. 477–496.

Huseby A. K., Witcher H. B. Introduction: Defining Pre-Raphaelite Poetics. Defining Pre-Raphaelite Poetics / ed. by H. B. Witcher and A. K. Huseby. London: Palgrave Macmillan, 2020. P. 16–44.

Morris W. The Defence of Guenevere and Other Poems. Salt Lake City: Project Gutenberg Literary Archive Foundation, 2007. 248 p.

Peters R. L. Algernon Charles Swinburne and the Use of Integral Detail. Victorian Studies, Vol. 5, No. 4 (Jun., 1962). P. 289–302.

Rossetti D. G. Poems by Dante Gabriel Rossetti. New York: Thomas Y. Crowell & Company, publishers, 1886. 349 p.

Swinburne A. C. Poems and Ballads. London: J. C. Hotten, 1866. 344 p.

Wilde O. The Complete Works of Oscar Wilde. Vol. 10, Miscellanies. Boston: The Wyman-Fogg Company, 1908. 344 p.

References

Anikin G. V. *Estetika Dzhona Reskina i angliyskaya literatura 19 veka* [John Ruskin's Aesthetics and English Literature of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 316 p. (In Russ.)

Vanslov V. V. Morris ob arhitekture i sinteze iskusstv [Morris on architecture and the synthesis of arts]. Anikst A. A., Vanslov V. V., Verizhnikova T. F., Kucherova E. N., Lazareva N. M., Makarov K. A., Nekrasova E. A., Shestakov V. P. *Estetika Morrisa i sovremennost'* [Morris's Aesthetics and Modernity]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1987, pp. 85–95. (In Russ.)

Zhatkin D. N. Dante Gabriel' Rossetti v Rossii [Dante Gabriel Rossetti in Russia]. Rossetti D. G. *Dom Zhizni* [The House of Life: in 2 books]. Ladomir Publ., 2018, vol. 2, pp. 102–228. (In Russ.)

Zhirmunskiy V. M. Angliyskaya narodnaya ballada [The English folklore ballad]. *Angliyskie i shotlandskie ballady* [English and Scottish Ballads]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 87–103. (In Russ.)

Kovtunova I. I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic Syntax]. Ed. by N. Yu. Shvedova, Academy of Sciences of the Soviet Union, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russ.)

Kozyreva M. A. *Vospriyatye v russkoy literature angliyskoy poezii kontsa 19 – nachala 20 veka: zhanr literaturnoy ballady*. Diss. kand. filol. nauk [Perception of English poetry In Russian literature of the late 19th – early 20th centuries: Genre of literary ballad. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 1988. 219 p. (In Russ.)

Nagornaya A. V. Obrazy zritel'noy i slukhovoy modal'nosti v kognitivnom prostranstve interoceptsii [Images of visual and auditory modality in the cognitive space of interoception]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences], 2015, issue 3, pp. 81–88. (In Russ.)

Sedykh E. V. K probleme intermedial'nosti [On the problem of intermediality]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2008, issue 3, pt. 2, pp. 210–214. (In Russ.)

Sokolova N. I. *Literaturnoe tvorchestvo prerafaelitov v kontekste 'srednevekovogo vrozhdeniya' v viktorskoy Anglii*. Diss. dokt. filol. nauk [Literary works of the Pre-Raphaelites in the context of the 'medieval Renaissance' in Victorian England. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1995. 533 p. (In Russ.)

Surina T. V. Poezis kak arkhetyip kul'tury [Poiesis as an archetype of culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2008, issue 316, pp. 67–70. (In Russ.)

Borges J. L. *Professor Borges: A Course on English Literature*. New York, New Directions Publishing, 2013. 306 p. (In Eng.)

Helsing E. K. *Poetry and the Pre-Raphaelite Arts. Dante Gabriel Rossetti and William Morris*. New Haven & London, Yale University Press, 2008. 335 p. (In Eng.)

Helsing E. Taking back the ballad: Swinburne in the 1860s. *Victorian Poetry*, vol. 54, issue 4, Ballads (WINTER 2016), pp. 477–496. (In Eng.)

Huseby A. K., Witcher H. B. Introduction: Defining Pre-Raphaelite poetics. *Defining Pre-Raphaelite Poetics*. Ed. by H. B. Witcher and A. K. Huseby. London, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 16–44. (In Eng.)

Morris W. *The Defence of Guenevere and Other Poems*. Salt Lake City, Project Gutenberg Literary Archive Foundation, 2007. 248 p. (In Eng.)

Peters R. L. Algernon Charles Swinburne and the Use of Integral Detail. *Victorian Studies*, 1962, vol. 5, issue 4 (Jun.), pp. 289–302. (In Eng.)

Rossetti D. G. *Poems by Dante Gabriel Rossetti*. New York, Thomas Y. Crowell & Company, 1886. 349 p. (In Eng.)

Swinburne A. C. *Poems and Ballads*. London, J. C. Hotten, 1866. 344 p. (In Eng.)

Wilde O. *The Complete Works of Oscar Wilde. Vol. 10, Miscellanies*. Boston, Wyman-Fogg Company, 1908. 344 p. (In Eng.)

The Functions of Pictorial Imagery in Pre-Raphaelite Ballads through the Example of A. C. Swinburne's 'The King's Daughter'

Tatiana V. Nazarova

Postgraduate Student in the Department of Russian and Foreign Literature Peoples' Friendship University of Russia

10, bld. 2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. aven1808@gmail.com

SPIN-code: 6508-8269

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4060-375X>

ResearcherID: AAT-6779-2021

Submitted 16 Sep 2022

Revised 30 Nov 2022

Accepted 01 Dec 2022

For citation

Nazarova T. V. Funktsii zhivopisnoy obraznosti v prerafaelitcheskoy ballade: na primere proizvedeniya A. Ch. Suinberna «Doch' korolya» [The Functions of Pictorial Imagery in Pre-Raphaelite Ballads through the Example of A. C. Swinburne's 'The King's Daughter']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 96–102. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-96-102 (In Russ.)

Abstract. This article focuses on intermediality as one of the foundations of Pre-Raphaelitism. In their work, the Pre-Raphaelites practise both more complex and more applicative approach to intermedial interaction, seeing in the material and method of other arts the potential to enrich the poetic language. This was particularly evident in the framework of pictorial-poetic synthesis, which affected not only those Pre-Raphaelites who worked simultaneously as poets and painters but also those of them who were engaged in one kind of art. The first part of the article deals with the intermedial aspect of Pre-Raphaelitism, its theoretical foundations, historical and cultural context, and the specificity of the approach in comparison with previous periods. The particular focus is on painterliness and attention to detail as key qualities of Pre-Raphaelite poetics; these were mainly reflected in the principle of fidelity to detail that the Pre-Raphaelites embraced and also in the use of light and color in their poems. The next part of the article shows the innovative approach which involved the active use of material-oriented and visual imagery not only in static genres but also in narrative ones, such as the ballad. The third part illustrates how pictorial imagery was modeled in A. C. Swinburne's ballad *The King's Daughter*, and what functions it fulfilled. The result of the study is the conclusion that the pictorial mode of representation manifests itself in the Swinburne's ballad despite the fact that the author himself was not an artist. It is manifested not only on the lexical but also on grammatical and syntactical levels. Such a model of a visual image transmission performs several important functions, participating both in the compositional organization of the work and in the plot development and character building.

Key words: Pre-Raphaelites; Pre-Raphaelitism; cross-medium borrowing; intermediality; synthesis; ballad; Swinburne.

УДК 821.111(7/8)
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-103-112

Художественный образ американского Среднего Запада в романах У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса как метафора человеческого существования

Алла Константиновна Никулина

к. филол. н., доцент кафедры английского языка

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а. alla_nikoulina@mail.ru

SPIN-код: 3695-5593

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6016-1795>

ResearcherID: AAV-4746-2020

Надежда Владимировна Баранова

ст. преподаватель кафедры английского языка

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а. ghainbow@yandex.ru

SPIN-код: 7157-3333

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0354-0171>

Статья поступила в редакцию 08.08.2022

Одобрена после рецензирования 07.11.2022

Принята к публикации 01.12.2022

Информация для цитирования

Никулина А. К., Баранова Н. В. Художественный образ американского Среднего Запада в романах У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса как метафора человеческого существования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 103–112. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-103-112

Аннотация. В статье раскрывается значение образа Среднего Запада США как места действия в философских романах У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса. Анализируя художественные детали текстов, воспроизводящие условия жизни персонажей, и проводя их сопоставление с основными положениями работ ведущих философов и историков, авторы статьи приходят к выводу, что для обоих писателей Средний Запад представляет собой больше, чем географическую локацию, и превращается в значимую метафору человеческой жизни как действительности, создаваемой и определяемой языком. Условия жизни на Среднем Западе, традиционно воспринимаемые как наиболее типические для Америки, в художественном мире анализируемых романов становятся философским отражением условий человеческого существования в целом как погруженности в мир, создаваемый языком. Пустота и одиночество, характерные для среднезападной действительности в силу географических и исторических обстоятельств освоения региона, рассматриваются У. Гэссом и Д. Ф. Уоллесом как универсальные ощущения любого мыслящего человека. Ограниченный рамки языка как прагматически обусловленного отражения фактов материальной действительности, человек не находит возможности выхода в сферу метафизического и этического, и, как следствие, внешняя пустота лишённой событийности образа жизни провинциального Среднего Запада обращается в художественном мире романов во внутреннюю пустоту как доминирующую характеристику создаваемых писателями персонажей. У. Гэсс не видит для своих героев возможности выхода из скованного несвободой и языком мира повседневности, в то время как Д. Ф. Уоллес активно

ищет пути преодоления неблагоприятных обстоятельств через совершение персонажами этического действия как противоположности слову.

Ключевые слова: Средний Запад; философский роман; Уильям Гэсс; Дэвид Фостер Уоллес; Витгенштейн; язык.

Романы американских писателей Уильяма Гэсса и Дэвида Фостера Уоллеса могут быть с полным правом охарактеризованы как философские. Гэсс как писатель сформировался в 1950–1960-е гг., в то время как Уоллес – в 1980-е, однако обоих объединяет профессиональный интерес к философии, оба защитили диссертации в данной научной сфере, и это увлечение, несомненно, оказало серьезное влияние на создаваемые ими художественные произведения.

Философским романом мы, вслед за В. А. Луковым, называем литературный жанр, в котором «основными героями <...> становятся не персонажи, а идеи» [Луков 2006: 433]. Автор подобного художественного произведения сознательно базирует свой текст на идеях, заимствованных из сочинений известных философов, используя образы как символы, раскрывающие определенное видение картины мира.

Доминирующие идеи американской философии второй половины XX столетия во многом опирались на традиции, заложенные Л. Витгенштейном. У. Гэсс получил профессиональное философское образование в Корнелльском университете, где, как он утверждал в интервью, «все держалось на Витгенштейне» [Madera 2013]¹. Диссертация Д. Ф. Уоллеса была связана с философским рассмотрением проблем свободы и предопределения, и в ней для доказательства своих идей он широко использовал витгенштейновскую методологию.

Как известно, Витгенштейн в ранней работе «Логико-философский трактат» стремился доказать сводимость представлений о действительности к логике языковых построений, что приводило к фактическому упразднению метафизических и этических вопросов как невозможных с точки зрения языкового воплощения: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Витгенштейн 1994: 73]. В более поздний период творчества философ отошел от многих прежних излишне категоричных формулировок, сосредоточив внимание на проблеме значения как результата ситуативно обусловленного словоупотребления, но при этом сохранил убежденность в сугубо лингвистической природе человеческого опыта, продолжая настаивать на невозможности осмысленного суждения о чем-либо, выходящим за границы логики языка. Взгляды Витгенштейна оказали существенное влияние на развитие ана-

литической философии, сосредоточившей основное внимание на лингвистической природе человеческих представлений о действительности. Мир в представлении философов окончательно стал словом, но не божественным, как утверждала прежняя христианская традиция культуры, а исключительно человеческим, закрепившимся в практическом опыте и не претендующим на отражение чего-либо большего, чем этот практический опыт. Рассуждения о метафизике и «высоких» идеях потеряли смысл как не укладывающиеся в данную научную парадигму.

Практически все художественные произведения и Гэсса, и Уоллеса связаны с размышлением о природе языка и его роли в формировании мировидения современного человека. Погруженность в мир, созданный языком, рассматривается обоими писателями как естественное состояние человека, проявление его истинно человеческой сущности, позволяющее реализовать его главные качества, но одновременно и условие, сковывающее его развитие, ограничивающее свободу.

Философская сторона произведений Гэсса и Уоллеса неоднократно становилась предметом изучения литературоведов. Так, например, философский характер прозы Гэсса отмечают в своих критических работах М. Силверблатт [Silverblatt 1995], Г. Хикс [Hix 2002], Г. Герке [Gerke 2020]. Связь творчества Уоллеса с философией анализируется в статьях тематических сборников «Указывая на реальность: Дэвид Фостер Уоллес и философия» [Gesturing... 2014], «Свобода и личность: эссе о философии Дэвида Фостера Уоллеса» [Freedom... 2015]. При этом, подробно рассматривая особенности общего идейного замысла произведений и образов персонажей обоих писателей, критики практически не уделяют внимания пространственно-временным характеристикам создаваемого художественного мира, хотя, с нашей точки зрения, они оказываются не менее важными для понимания общего концептуального замысла произведений.

В философском романе каждая художественная деталь создаваемого писателем мира призвана помогать раскрытию общего идейного содержания. С этой точки зрения выбор места действия играет важную роль. Географическое место, с которым связана жизнь человека, по утверждению философа Э. Кейси, является важнейшей составляющей человеческой самоиден-

тичности [Casey 1997: 338], и авторы рассматриваемых художественных произведений стремятся утвердить эту связь как один из способов более полного и убедительного раскрытия как образов персонажей, так и общей философской идеи в произведении.

При рассмотрении романов Гэсса и Уоллеса невозможно не обратить внимания на тот факт, что практически все они, за единственным исключением «Бесконечной шутки» Уоллеса, имеют своим местом действия Средний Запад США. Данный выбор определенно не является случайным, и в настоящей статье, опираясь на сравнительно-сопоставительный метод и метод интерпретационного анализа, мы намереваемся показать значение данного художественного образа для раскрытия общей философской проблематики исследуемых произведений.

Изначально Средний Запад был символом «американской мечты»: свободы, бесконечных прерий и неисчислимых возможностей для успеха и процветания. Собственная земля, добросовестный труд и деловая хватка считались неотъемлемыми элементами концепции «счастливой жизни», на фоне которой проявились такие типичные для жителей Среднего Запада черты, как демократичность, независимость, уверенность в себе, прагматичность и трудолюбие в сочетании со скромностью и добродетельностью. Во многом благодаря этому социокультурному мифу регион начал восприниматься как квинтэссенция американской национальной идеи, воплощение национальной самоидентификации: «Средний Запад стал символом всей нации, ...и рассматривался как самая «американская» часть Америки» [Shortridge 1989: 33]. Однако начиная с 1890-х гг. череда экономических кризисов, изоляционистские настроения фермеров и неизбежный технологический прогресс постепенно привели к разочарованию в идеалах сельскохозяйственной Америки, утрате существенных элементов национальной самоидентичности. Отныне ферма воспринималась скорее как место, где разбиваются мечты, чем как символ надежды и процветания. В национальном сознании этот мир представал однообразной, мрачной и убогой территорией, населенной внешне приятными и простодушными, но малообразованными людьми, а идеализируемая прежде стабильность казалась душной, унылой и беспросветной: по утверждению Дж. Шортриджа, «сердце нации превратилось в захолустье» [Shortridge 1989: 39]. В настоящее время, несмотря на то что этот регион по-прежнему широко известен как «сердце Амери-

ки» (Heartland), даже в сознании его жителей он нередко определяется как «абстрактное нигде» [Wescott 1928: 39].

Биографии У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса тесно связаны со Средним Западом, поскольку там прошло детство обоих: у первого – в Огайо, у второго – в Иллинойсе. Однако выбор ими данного региона как места действия художественных произведений определяется далеко не только биографическими фактами. «Я не среднезападный писатель, – заявлял Гэсс в интервью. – Все свои источники я всегда выбирал намеренно» [LeClair 1977]. Гэсс помещает своих персонажей на Средний Запад не потому, что сам живет там, а потому, что это важный смысловой компонент его произведений: «Меня всегда притягивал Средний Запад, – говорит он. – Средний Запад – это одно непрекращающееся бедствие. Одно бедствие за другим» [Silverblatt 1998]. Сходную мысль озвучивает и главный персонаж его романа «Тоннель», описывая свой город детства в штате Айова, переживающий постоянные пыльные бури, разрушительные торнадо, нашествия саранчи: «Год за годом лето врывалось к нам в апреле порывом ветра как апокалиптическое бедствие» [Gass 1995: 98]. Жизнь воспринимается человеком как вечная борьба с внешними обстоятельствами, но эта борьба лишена какого бы то ни было ореола героики. Конечная бессмысленность и бесцельность борьбы подчеркиваются авторским выбором намеренно «приземленных» образов пыли, саранчи. И бури, и насекомые неминуемо возвращаются год за годом; в центре торнадо зияет «дыра, не ведущая никуда» [ibid.: 119] как наглядное олицетворение пустоты действительности, несмотря на бурлящую вокруг энергию. Писатель изначально создает образ человеческой жизни как непрекращающегося «бедствия», повседневного противостояния с окружающим миром, которое, однако, не возвышает, не приносит морального удовлетворения, а только выматывает ощущением своей абсолютной неэффективности. В этом контексте ироническое звучание приобретает название описываемого персонажем «Тоннеля» городка – Гранд. Изначальное интуитивное стремление человека к большому, духовно возвышенному не находит реализации в повседневных условиях его существования, и в результате окончательно пропадает, как случается в жизни Колера, повествователя в романе, еще в юности «променявшего поэзию на историю» [ibid.: 76], т. е. возвышенно-романтическое на материально-конкретное.

Образ Среднего Запада, создаваемый У. Гэссом во всех трех написанных им романах – «Удача Оменсеттера» (“Omensetter’s Luck”, 1966), «Тоннель» (“The Tunnel”, 1995) и «Ми, до, си» (“Middle C”, 2013) – и Д. Ф. Уоллесом в романах «Швабра системы» (“The Broom of the System”, 1987) и «Бледный король» (“The Pale King”, 2011), становится символическим воплощением общей человеческой судьбы: погруженный в язык как прагматически обусловленное отражение «фактов» материальной действительности, человек отчаянно пытается совершить движение к «этическому», выходящему за границы повседневного материального опыта, но его стремление чаще всего оказывается обречено на неудачу экзистенциальной невозможностью подобного прорыва.

Уже в первом романе «Удача Оменсеттера» Гэсс, именуя маленький провинциальный городок в штате Огайо, где разворачивается основное действие, «столицей человеческой природы» [Gass 1967: 235], придает происходящему необходимую для философского романа универсальность. С одной стороны, этот маленький городок для его обитателей, таких как бывший почтальон Израбестис Тотт – первый в череде повествователей в произведении, предстает как единственное место, обладающее несомненной подлинностью и жизнью. Любящий красочные истории о далеких странах и пытающийся сам их сочинять в часы скуки, Тотт ясно осознает «неправдоподобие деталей, расплывчатость картинок, фальшивость всех этих подразумеваемых недомолвок, потому что он ничего не знал, ничего не изучал, нигде не бывал» [ibid.: 18]. Однако как только он в мыслях возвращается на родную почву, образы наполняются настоящей жизнью: они «больше не сбивались на клише, но в каждом он точно чувствовал атмосферу, и что за птицы там поют, и как высоко стоит солнце, и как выглядят облака, и что чувствуют и он сам, и окружающие его – все детали обстановки» [ibid.: 18]. Реальность Гилеана – воображаемого городка, в котором происходит действие романа, – лишена ярких красок и экзотики, но в ней, с точки зрения Тотта, есть своя красота и поэзия, как в доме миссис Пимбер, с описания которого начинается роман: «крепком и основательном, прекрасном во всех отношениях» [ibid.: 10]. С другой стороны, пришелец со стороны, которым оказывается получивший здесь приход священник Джетро Фербер, не обнаруживает в городе ничего кроме унылого однообразия пейзажа, интеллектуальной и эмоциональной ограниченности местных жителей, вялости и монотон-

ности повседневной рутины: «О, жить здесь будет ужасно – это просто окраина цивилизации, пустыня» [ibid.: 75]. Таков же среднезападный город детства Колера в романе «Тоннель», в котором жизнь течет неторопливо и бессобытийно и своеобразным символом которого выступает запомнившийся рассказчику ручей: «Ручей тек медленно и казался застывшим стеклом, как сам Гранд, и только если опустить в него руку или бросить лист на воду, можно было понять, что вода движется <...> Даже редкое появление водяного жука не могло изменить ощущения, что дно заключено в воду, как в тюрьму» [Gass 1995: 304]. Унылое однообразие среднезападной действительности угнетает героиню романа «Ми, до, си» Мириам, чье детство и юность прошли в Австрии: «Мой родной город был городом; там были горы, река, вкусный хлеб; здешние города – просто курятники; здешние города – как медленные заболоченные ручьи; у них нет своего лица» [Gass 2013: 56].

Сходные образы доминируют и в произведениях Уоллеса. В романе «Бледный король» образ классной комнаты, возникающий в воспоминаниях одного из рассказчиков – выходца со Среднего Запада, – становится своеобразным символом региона как воплощения серого однообразия будничной действительности, методистской догматики и несвободы: «ряды пустых лиц, и свет без полутеней, и спутанная колючая проволока за окнами» [Wallace 2011: 119]. В романе «Швабра системы» грандиозным проектом администрации штата Огайо становится создание искусственного природного парка – «Великой пустыни Огайо» (Great Ohio Desert – G.O.D.), которая видится создателям уникальным местом, где посетители смогут оказаться наедине с собой и обрести духовное очищение. Глубинная ирония, изначально ощущаемая читателями в этом образе, заключается в столкновении противоречащих друг другу образов божественного откровения (*God* – англ. «бог») и угнетающей пустоты ландшафта.

У большинства персонажей как Гэсса, так и Уоллеса Средний Запад вызывает прежде всего непреодолимое ощущение пустоты – географической, исторической, интеллектуальной, эмоциональной. Доминирующее ощущение, испытываемое практически всеми персонажами анализируемых произведений, – чувство глубокого одиночества. Типичная для американского национального характера тяга к обособленности и независимости принимает здесь форму абсолютной оторванности от каких бы то ни было корней: «Я более чем удален от тех дней, – говорит глав-

ный герой в романе «Тоннель», размышляя о своем детстве. – Я есть сама удаленность» [Gass 1995: 123]. «Помню ли я своих родителей? Я отказываюсь их помнить. Свою семью? Нет, точно нет» [ibid.: 16]. «Я не принадлежу Америке, – утверждает Джозеф Скиццен в романе «Ми, до, си». – У меня нет номера» [Gass 2013: 628]. Персонажи пытаются убедить себя, что избранное ими одиночество – лучшая позиция в жизни, обеспечивающая их самостоятельность и независимость, хотя в глубине души при этом ощущают глубокий дискомфорт: «Мне очень грустно, потому что я не могу ни с кем поделиться ни строчкой своей настоящей жизни, поговорить с кем-нибудь по душам», – признается Колер в «Тоннеле» [Gass 1995: 498]. В «Швабре системы» Уоллеса несколько персонажей отчаянно пытаются искать решающей встречи друг с другом в пустыне, хотя, по справедливому замечанию одного из них, «никто еще никогда не находил другого в подобном месте» [Wallace 2004: 221].

Осознание большинством персонажей собственного одиночества в сочетании с изображением бесцельной и бессобытийной жизни провинциального Среднего Запада придает художественным произведениям обоих авторов экзистенциалистскую окраску, усиливающуюся аллюзиями, наподобие «страха и трепета», испытываемого Колером в «Тоннеле», совершенно в духе С. Кьеркегора [Gass 1995: 93], или знакомым нежеланием Фогла, персонажа «Бледного короля» Уоллеса, читать и анализировать в колледже повесть А. Камю «Падение» [Wallace 2011: 86]. Экзистенциалистская проблематика накладывается в романах на характерную для аналитической философии трактовку действительности как совокупности объективных фактов, лишенной какого-либо метафизического смысла. В этой ситуации человек, заброшенный в материальную пустоту объективно существующего мира, пытается искать спасения с помощью практически единственного философского инструмента, которым располагает: языка и речи. Персонажи романов пытаются заполнить пустоту существования словами, полагая, вслед за поздним Витгенштейном, что «значение слова и есть то употребление, каким мы его наделяем» [Витгенштейн 1994: 134], и стремясь таким образом придать форму и смысл действительности: персонажи «Швабры системы» и «Удачи Оменсеттера» сочиняют вымышленные истории, Колер в «Тоннеле» пишет книгу, Скиццен в «Ми, до, си» идет дальше всех, сочиняя и постоянно

корректируя собственную биографию. Потребность во внутреннем смысле – естественная потребность человека, поэтому во всех случаях ощутимо стремление персонажей с помощью словесных построений придать определенную форму мирозданию: даже в случае, если образ получится безрадостным и свидетельствующим об отсутствии «плана» во вселенной, как интуитивно чувствуют Джетро Фербер в «Удаче Оменсеттера», Колер в «Тоннеле», Скиццен в «Ми, до, си», это создаст желанную, законченную в своем внутреннем построении систему в отличие от абсолютного хаоса пустоты. Но главная проблема, с которой сталкиваются все персонажи, – это невозможность создать зримую форму в текучести словесного потока. Проблема мира словесного, мира «языковых игр», заключается в том, что в нем нет оси; жонглирование словами выливается в жонглирование идеями, убеждениями. В результате, характеры персонажей Гэсса и Уоллеса выглядят как не цельные, не последовательные, эти люди легко отдаются своему разнонаправленному речевому потоку и оттого остаются внутренне пустыми. Они текучи, изменчивы, у них нет твердых характеристик. Слова, за которыми они пытаются следовать, не складываются в текст как завершенное и логически выстроенное произведение: яркие примеры тому – несостоявшаяся проповедь Фербера в «Удаче Оменсеттера» или так и не законченная книга Колера в «Тоннеле» Гэсса. Скиццен в романе «Ми, до, си», чья фамилия переводится с немецкого как «скетчи, наброски», в процессе словесного варьирования истории своей жизни приходит к полной утрате личности как таковой, что иронически подмечает его собеседник: «Так получается вас, вроде как, много» [Gass 2013: 525].

Отсутствие внутренней цельности и внешних ориентиров закономерно приводит к утрате персонажами романов моральных критериев. Так, священник Джетро Фербер в воображаемой речи, обращенной к прихожанам, стремится доказать, что лучшее творение Бога – дьявол [Gass 1967: 75], а историк Колер в книге «Вина и невинность в гитлеровской Германии» приходит к оправданию преступлений нацизма. «Разве вина и невинность, о которых я говорю, – это не просто последовательность бумажных страниц?» [Gass 1995: 31] – риторически вопрошает Колер, стремясь оправдать свою релятивистскую позицию тем, что морально-этические суждения не относятся к фактам, поддающимся объективному языковому воплощению, а потому оказываются бессмысленны в любой форме.

Одной из причин духовно-нравственного кризиса, переживаемого населением современного Среднего Запада США, Д. Ауэрбах считает утрату прежних христианских ценностей и неспособность заменить их какими-либо другими: «...после того, как вопрос религии был снят с повестки дня, то, что осталось, выглядит совершенно бездуховно» [Auerbach 2020]. Внутренняя потерянности персонажей анализируемых романов – жителей Среднего Запада – призвана отобразить состояние современного представителя западной цивилизации, интеллектуально и технически продвинувшегося далеко вперед, но в морально-нравственном смысле оказавшегося в глубоком кризисе. «Так оно и есть: мы все пребываем в отчаянии», – обобщает Фербер типическую ситуацию в «Удаче Оменсеттера» [Gass 1967: 214]. Персонажи Гэсса, такие как Генри Пимбер в романе «Удача Оменсеттера», мечтают о возрождении духовности в прежнем христианском смысле, но не обнаруживают для этого основы в сути мироустройства. Другие жаждут яркой, наполненной событиями жизни, хотят быть значимыми, воображая себя ницшеанскими борцами с обыденными устоями, но, в итоге, остаются не более чем карикатурами, пародиями на них. «Выбирайся из этого безжизненного городка в Индиане и полетим в Германию, где убийство стало высоким искусством», – мысленно восклицает Колер в «Тоннеле» [Gass 1995: 91]. Он пытается убедить себя, что с радостью продал бы душу дьяволу за полнокровную, насыщенную событиями жизнь, даже если эта жизнь противоречила бы общепринятым нормам морали: «Но я хочу такого предложения. Я хочу быть проклятым. Я жажду бездны» [ibid.: 183]. Однако в другие моменты он не может не признать, что вся его бравада – не более чем лицемерие труса перед самим собой: «Вот вы чего жаждете? Ничего. И я тоже» [ibid.: 183]. Именно в этом и заключается суть изображаемых Гэссом персонажей: они не являются состоявшимися личностями, не обладают твердым характером; у них, как у Джозефа Скиццена в романе «Ми, до, си», нет «ни озабоченности происходящим, ни убеждений» [Gass 2013: 273]. «Это произведение о человеке, который есть “никто”», – характеризовал роман «Ми, до, си» сам автор [Madera 2013], и это утверждение можно с полным правом применить и к другим протагонистам его произведений.

Мир бессобытийного повседневного существования, ограниченного рамками собственного микрокосма, может быть комфортен для примитивного человека с простыми животными по-

требностями, не привыкшего смотреть вокруг и размышлять, – именно таким Гэсс представляет, например, Брэккетта Оменсеттера в начале романа «Удача Оменсеттера». Но как только человек по каким-либо причинам выпадает из своего счастливого онтологического неведения, как, в частности, происходит с Оменсеттером во время болезни сына, ужас бытия наваливается на него, лишая прежней жизнерадостности и приводя к отчаянию как новой форме мироощущения. Подобное психологическое состояние в своей основе, разумеется, не обусловлено географически и раскрывает суть человеческой ситуации в целом, что и стремятся продемонстрировать авторы философских романов, однако не случайно при этом они выбирают в качестве фона для развертывания действия именно типические условия жизни на Среднем Западе, где человек изначально обнаруживает себя лицом к лицу с физически и психологически ощутимой пустотой действительности. Так, знаковой деталью в романе Уоллеса «Швабра системы» представляется тот факт, что почти все пациенты психбольницы, в которой проходит лечение бабушка главной героини, оказываются выходцами со Среднего Запада – «места, которое есть и которого нет», представляющего собой в масштабе страны «физическое сердце и культурную периферию» [Wallace 2004: 142] и, как следствие, населенного людьми, многие из которых оказываются в пограничном психическом состоянии из-за неспособности в подобных обстоятельствах обрести себя, обнаружить основу для собственного существования.

Размышляя о своей судьбе и прожитой жизни, практически все основные персонажи романов испытывают разочарование, понимают, что что-то действительно важное в человеческом отношении так и не было ими обретено. «А я практически никогда и не жил», – признается себе Генри Пимбер перед смертью в романе Гэсса «Удача Оменсеттера» [Gass 1967: 60]. Колер в «Тоннеле» берется за написание книги, в первую очередь надеясь хотя бы на ее страницах найти себя: «как будто я живу (или жил)» [Gass 1995: 6]. Горькое осознание своей незначительности, посредственности, неспособности обрести собственное лицо преследует многих персонажей: «Я <...> делал, что требовалось; я <...> старался помочь; я <...> никогда не был собой», – констатирует Колер [ibid.: 549]. Сознательное «предпочтение посредственности» [Gass 2013: 190] определяет все действия Скиццена в романе «Ми, до, си». Герои «Швабры системы» Уоллеса обеспокоены тем, что они не более чем персонажи в чужих историях, не обладающие собственной

волей и судьбой [Wallace 2004: 120]. В итоге, именно рутинное выполнение жизненных функций без цели и смысла расценивается авторами как подлинная трагедия человеческого существования: «Бездна – это ничтожество, в котором мы пребываем, когда мы просто заполняем собой пространство, мы просто существуем...» [Gass 1995: 182].

Американские литературные критики, писавшие о романах У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса, не могли не обратить внимания на важность используемых в них образов Среднего Запада. «Редкий талант» Уоллеса к описанию жизни Среднего Запада отмечает Дж. Баскин [Gesturing... 2014: 141]. Д. Ауэрбах характеризует роман Гэсса «Тоннель» как произведение «об ограниченности <...> американской культуры, в первую очередь – среднезападной культуры» [Auerbach 2020]. Однако нам в выборе данного художественного образа видится более широкое философское обобщение. Оба писателя не просто представляют типическую ситуацию жизни на Среднем Западе; для них это прежде всего модель человеческого существования в целом. Пустота и одиночество, характерные для жителя Среднего Запада в силу географических и исторических условий, рассматриваются Гэссом и Уоллесом как ощущение, характерное для современного человека, в стремлении к рационализации действительности утратившего связь с другими людьми, миром идей, Богом.

Финалы романов Гэсса довольно пессимистичны. Выйти из скованного несвободой и языком физического мира фактов оказывается невозможно. С этим открытием можно смириться, не пытаясь искать смысл в происходящем, как поступают Фербер в «Удаче Оменсеттера» или Скиццен в «Ми, до, си»; или продолжать мучительно размышлять над сложившейся ситуацией, как Колер в «Тоннеле», склоняясь при этом к признанию ее безысходности: «Возможно, правильной жизни не существует» [Gass 1995: 144].

Уоллес, в отличие от Гэсса, не скрывает, что при создании своих произведений ставит перед собой, в том числе, и моральные задачи [Conversations... 2012: 18]. Показывая отчаяние, преследующее современного человека, он в то же время ищет пути его преодоления, способы заполнить пустоту, оставшуюся после ухода традиционной религии, иными способами духовной поддержки. Осознавая ситуацию несвободы, в которую современный человек оказывается помещен жесткими требованиями языка, Уоллес, тем не менее, стремится смягчить ее утверждением, что «по

крайней мере, мы все находимся в этой ситуации вместе» [ibid.: 44]. Невозможность кардинально изменить внешний мир приводит к поиску выхода на пути изменения внутреннего отношения к нему, обретения утешения в поддержке другого человека. Финал романа «Швабра системы» содержит действенную попытку главной героини Ленор освободиться от тирании окружения через разрыв отношений с семьей и прежними друзьями и отъезд с возлюбленным из Огайо в Техас – географически и культурно представляющий собой совершенно иной регион США – хотя, как мы показали в более ранней статье, абсолютным данное освобождение стать не может [Никulina 2021]. В романе «Бледный король» проблема внутреннего преодоления решается в духе философии Кьеркегора, наиболее наглядно раскрывая этические взгляды самого Уоллеса, названного Л. Константином «человеком веры» [Konstantinou 2012: 85]. Сознательный выбор персонажами «скучной» и незаметной профессии бухгалтера в далекой среднезападной провинции обнаруживает черты, сходные с религиозным обращением, и представляет собой пример молчаливого этического действия в мире, в котором слова оказываются бессильны создать новую духовность.

Таким образом, художественный образ жизни на Среднем Западе в романах У. Гэсса и Д. Ф. Уоллеса представляет собой своеобразную метафору жизни в языке, как видят ее оба писателя. Средний Запад в культуре и литературе традиционно выступает наиболее типическим изображением Америки, воплощением национальных ценностей и образа жизни – так же и язык, согласно философским воззрениям, восходящим к работам Витгенштейна и классикам англо-американской аналитической традиции, представляет собой единственно возможное и наиболее естественное условие существования человека, формирования его представления о мире и поведения. Одновременно Средний Запад изображается в американской литературе как монотонное, бескрайнее пространство схожих друг с другом ферм и небольших городков, затягивающее человека в омут повседневности, поглощающее рутинной борьбой с мелкими жизненными проблемами, за которой теряется большой смысл. Средний Запад в изображении Гэсса и Уоллеса – это унылый однообразный пейзаж, провинциальный образ жизни, скука и бессобытийность ежедневного существования, ощущение одиночества и заброшенности. Такую же ограничивающую и подавляющую функцию выполняет в человеческой жизни язык: своей

четко организованной грамматикой, однозначной референтностью, ограниченным набором средств, абсолютной предсказуемостью правил осмысленного употребления он устанавливает жесткие рамки для человеческого поведения, определяет образ мысли и, как следствие, образ жизни, лишает возможности выхода в сферу духовного, витгенштейновского «этического», поскольку о последнем «невозможно говорить». Именно поэтому художественный образ Среднего Запада представляет собой один из наиболее значимых символов для обоих создателей философского романа.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты из англоязычных источников приводятся в переводе авторов статьи.

Список литературы

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Луков В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: Академия, 2006. 512 с.

Никулина А. К. Диалог аналитической и континентальной философии в романе Д. Ф. Уоллеса «Швабра системы» // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 3 (55). С. 40–52. doi 10.35785/2072-9464-2021-55-3-40-52

Auerbach D. Glass and Dirt: 'The Tunnel' in Twelve Antitheses // The Tunnel at 25: An Online Symposium. 2020. <https://thetunnelat25.com/glass-and-dirt-the-tunnel-in-twelve-antitheses/> (дата обращения: 05.06.2022).

Casey E. S. The Fate of Place: A Philosophical History. Berkeley: University of California Press, 1997. 488 p.

Conversations with David Foster Wallace / ed. by S. J. Burn. Jackson: University Press of Mississippi, 2012. 181 p.

Freedom and Self: Essays on the Philosophy of David Foster Wallace / ed. by S. M. Cahn and M. Eckert. New York: Columbia University Press, 2015. 179 p.

Gass W. H. Middle C. Waterville, Maine: Thorndike Press, 2013. 701 p.

Gass W. H. Omensetter's Luck. New York: New American Library, 1967. 237 p.

Gass W. H. The Tunnel. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1995. 651 p.

Gerke G. The First Movements in 'The Tunnel' // The Tunnel at 25: An Online Symposium. 2020. <https://thetunnelat25.com/the-first-movements-in-the-tunnel> (дата обращения 01.06.2022).

Gesturing toward reality: David Foster Wallace and Philosophy / ed. by R. K. Bolger and S. Korb. New York: Bloomsbury, 2014. 284 p.

Hix H. L. Understanding William H. Gass. Columbia: University of South Carolina Press, 2002. 189 p.

Konstantinou L. No Bull: David Foster Wallace and Postironic Belief // The Legacy of David Foster Wallace. Ed. S. Cohen and L. Konstantinou. Iowa City: University of Iowa Press, 2012. P. 83–112.

LeClair T. The Art of Fiction // The Paris Review. 1977. Issue 70. <https://www.theparisreview.org/interviews/3576/the-art-of-fiction-no-65-william-gass> (дата обращения: 03.06.2022).

Madera J. Sentenced to Depth // Rain Taxi. Spring 2013. URL: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-john-madera-2012-4b48ee6fd0c4#.5mcgjtodc> (дата обращения 01.06.2022).

Shortridge J. R. The Middle West: Its Meaning in American Culture. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 201 p.

Silverblatt M. A Small Apartment in Hell // Los Angeles Times. March 19, 1995. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1995-03-19-bk-44339-story.html> (дата обращения: 05.06.2022).

Silverblatt M. Interview with William H. Gass / Transcript of the broadcast "Lannan Readings & Conversations: William Gass", 1998. <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interview-with-michael-silverblatt-1998-ab8cd-be33563> (дата обращения: 05.06.2022).

Wallace D. F. The Broom of the System. New York: Penguin Books, 2004. 467 p.

Wallace D. F. The Pale King. An Unfinished Novel. New York: Little, Brown and Company, 2011. 560 p. URL: https://royallib.com/read/Wallace_David/the_pale_king_an_unfinished_novel.html (дата обращения: 24.03.2022).

Wescott G. Good-Bye Wisconsin. New York: Harper & Brothers Publishers, 1928. 362 p.

References

Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Transl. from German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseev. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pt. 1. 612 p. (In Russ.)

Lukov V. A. *Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dney* [History of Literature. Foreign Literature from the Origins to the Present Day]. Moscow, Akademia Publ., 2006. 512 p. (In Russ.)

Nikulina A. K. Dialog analiticheskoy i kontinental'noy filosofii v romane D. F. Uollesa 'Shvabra sistemy' [Interaction of analytic and continen-

tal philosophical traditions in D. F. Wallace's 'The Broom of the System']. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 2021, issue 3 (55), pp. 40–52. doi 10.35785/2072-9464-2021-55-3-40-52. (In Russ.)

Auerbach D. Glass and dirt: 'The Tunnel' in twelve antitheses. *The Tunnel at 25: An Online Symposium*, 2020. Available at: <https://thetunnelat25.com/glass-and-dirt-the-tunnel-in-twelve-antitheses/> (accessed 05 Jun 2022). (In Eng.)

Casey E. S. *The Fate of Place: A Philosophical History*. Berkeley, University of California Press, 1997. 488 p. (In Eng.)

Conversations with David Foster Wallace. Ed. by S. J. Burn. Jackson, University Press of Mississippi, 2012. 181 p. (In Eng.)

Freedom and Self: Essays on the Philosophy of David Foster Wallace. Ed. by S. M. Cahn and M. Eckert. New York, Columbia University Press, 2015. 179 p. (In Eng.)

Gass W. H. *Middle C*. Waterville, Maine, Thorndike Press, 2013. 701 p. (In Eng.)

Gass W. H. *Omensetter's Luck*. New York, New American Library, 1967. 237 p. (In Eng.)

Gass W. H. *The Tunnel*. New York, Alfred A. Knopf, Inc., 1995. 651 p. (In Eng.)

Gerke G. The first movements in 'The Tunnel'. *The Tunnel at 25: An Online Symposium*, 2020. Available at: <https://thetunnelat25.com/the-first-movements-in-the-tunnel> (accessed 01 Jun 2022). (In Eng.)

Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy. Ed. by R. K. Bolger and S. Korb. New York, Bloomsbury, 2014. 284 p. (In Eng.)

Hix H. L. *Understanding William H. Gass*. Columbia, University of South Carolina Press, 2002. 189 p. (In Eng.)

Konstantinou L. No bull: David Foster Wallace and postironic belief. *The Legacy of David Foster Wallace*. Ed. by S. Cohen and L. Konstantinou. Iowa City, University of Iowa Press, 2012, pp. 83–112. (In Eng.)

LeClair T. The art of fiction. *The Paris Review*, 1977, issue 70. Available at: <https://www.theparisreview.org/interviews/3576/the-art-of-fiction-no-65-william-gass> (accessed 03 Jun 2022). (In Eng.)

Madera J. Sentenced to depth. *Rain Taxi*, spring 2013. Available at: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-john-madera-2012-4b48ee6fd0c4#.5mcgjo tdc> (accessed 01 Jun 2022). (In Eng.)

Shortridge J. R. *The Middle West: Its Meaning in American Culture*. Lawrence, University Press of Kansas, 1989. 201 p. (In Eng.)

Silverblatt M. A small apartment in hell. *Los Angeles Times*, 1995, March 19. Available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1995-03-19-bk-44339-story.html> (accessed 05 Jun 2022). (In Eng.)

Silverblatt M. *Interview with William H. Gass*. Transcript of the broadcast 'Lannan Readings & Conversations: William Gass', 1998. Available at: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interview-with-michael-silverblatt-1998-ab8cdbe33563> (accessed 05 Jun 2022). (In Eng.)

Wallace D. F. *The Broom of the System*. New York, Penguin Books, 2004. 467 p. (In Eng.)

Wallace D. F. *The Pale King. An Unfinished Novel*. New York, Little, Brown and Company, 2011. 560 p. Available at: https://royallib.com/read/Wallace_David/the_pale_king_an_unfinished_novel.html (accessed 24 Mar 2022). (In Eng.)

Wescott G. *Good-Bye Wisconsin*. New York, Harper & Brothers Publishers, 1928. 362 p. (In Eng.)

The Artistic Image of the U.S. Midwest in the Novels by W. Gass and D. F. Wallace as a Metaphor of Human Existence

Alla K. Nikulina

Associate Professor in the Department of English Language

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

3a, Oktyabrskoy revolyutsii st., Ufa, 450008, Russian Federation. alla_nikulina@mail.ru

SPIN-code: 3695-5593

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6016-1795>

ResearcherID: AAV-4746-2020

Nadezhda V. Baranova

Assistant Professor in the Department of English Language

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

3a, Oktyabrskoy revolyutsii st., Ufa, 450008, Russian Federation. rhainbow@yandex.ru

SPIN-code: 7157-3333

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0354-0171>

Submitted 08 Aug 2022

Revised 07 Nov 2022

Accepted 01 Dec 2022

For citation

Nikulina A. K., Baranova N. V. Khudozhestvennyy obraz amerikanskogo Srednego Zapada v romanakh U. Gessa i D. F. Uollesa kak metafora chelovecheskogo sushchestvovaniya [The Artistic Image of the U.S. Midwest in the Novels by W. Gass and D. F. Wallace as a Metaphor of Human Existence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 103–112. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-103-112 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the image of the U.S. Midwest and its significance as the setting of William H. Gass's and David Foster Wallace's philosophical novels. The analysis of the artistic details representing the everyday life of the characters, together with the studies of the works by prominent philosophers and historians, lead the authors of the article to the conclusion that for both writers the Midwest appears to be more than a geographical location, turning into an important symbol of human life as a reality created and defined by language. In the analyzed novels, the living conditions in the Midwest, traditionally perceived as the most typical for America, become a philosophical reflection of the general conditions of human existence as immersion in the world created by language. Emptiness and loneliness, characteristic of the Midwestern life due to the geographical and historical circumstances under which the region has developed, are considered by Gass and Wallace as universal conditions of human existence. A person, thrown into the material emptiness of an objectively existing world, tries to seek salvation with the help of language as the only philosophical tool at his disposal. The characters in the novels try to fill the void of their existence with words, thus striving to give shape and meaning to reality. But limited by the framework of language as a pragmatically conditioned reflection of the material facts, a person does not find an opportunity to reach the sphere of the metaphysical and the ethical, and, as a result, the external boredom of the provincial Midwest lifestyle turns into inner emptiness as the dominant feeling of the characters in the novels. Gass does not see an opportunity for his characters to escape from the trap set by the language-dominated world, while Wallace is actively looking for the ways to overcome the adverse circumstances through an ethical action as the opposite of the word.

Key words: Midwest; philosophical novel; William Gass; David Foster Wallace; Wittgenstein; language.

УДК 821.111-311

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-113-128

Французская революция как трагедия в английской литературе: переключка через столетие

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Мария Юрьевна Фирстова

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры,

доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. legkikh76@mail.ru

SPIN-код: 1553-5029

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

ResearcherID: FSI-1734-2022

*Статья поступила в редакцию 15.11.2022**Одобрена после рецензирования 05.03.2023**Принята к публикации 10.03.2023***Информация для цитирования**

Проскурнин Б. М., Фирстова М. Ю. Французская революция как трагедия в английской литературе: переключка через столетие // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 113–128. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-113-128

Аннотация. В статье исследуется художественное осмысление Французской революции 1789–1794 гг. в британской литературе XIX–XX вв. на примере произведений Ч. Диккенса (роман «Повесть о двух городах», 1859), Э. Гаскелл (повесть «Миледи Ладлоу», 1858) и Х. Мантел (роман «Сердце бури», 1992). В результате анализа каждого из трех произведений выявлена определенная константа в английской литературно-художественной рецепции события, определившего вектор развития политической и социальной истории Западной Европы в последующие столетия, со значительным акцентом на морально-нравственной составляющей воспроизведения революции и ее участников. Подчеркнуто сходство трех авторов, но особенно Диккенса и Мантел, в осмыслении причин и социально-политической неизбежности революционного взрыва во Франции конца XVIII в., хотя сделано это на разном социальном материале, исходя из различных историографических позиций и своеобразных для каждого автора художественных принципов. Показано, что в анализируемых произведениях революция преимущественно изображается как личная, национальная и общечеловеческая трагедия, а их центральные персонажи неуклонно движутся в сторону трагических героев. У Гаскелл эта оценка дана в условно личном рассказе-воспоминании героини, чей образ создан автором на основе художественных приемов реалистической типизации, у Диккенса – в масштабном реалистическом повествовании с элементами романтического и сентиментально-символистского подходов, у Мантел – в лучших национальных традициях исторического романа, но с весьма оригинальным повествованием, где функция всезнающего автора-историка в значительной мере передоверена документу, а взгляд повествователя-психолога устремлен во внутренний мир трех вождей революции –

Демулена, Дантона и Робеспьера, при этом собственно грандиозные революционные события подаются через спектр личных отношений персонажей, как испытания их дружбы и человеческих личностных качеств.

Ключевые слова: Французская революция; исторический роман; трагический герой; английская литература; Диккенс; Гаскелл; Мантел.

Изображение Французской революции как величайшего события XVIII в., определившего пути развития мира в последующие столетия, но одновременно величественного также и в своей трагедии, хорошо известно в мировой литературе; вспомним «93-й год» В. Гюго, «Жозефа Балзама» А. Дюма, «Боги жаждут» А. Франса, «Смерть Дантона» Г. Бюхнера, «Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо» Л. Фейхтвангера, драматический цикл «Трагедии веры» Р. Роллана и мн. др. Безусловно, эти произведения – художественное осмысление революции, в каждом из них видна своеобразная, окрашенная мировидением автора и его принципами и средствами мировоспроизведения, словесно-образная интерпретация этого переломного в истории человечества события. Конечно, не могли не откликнуться на это знаковое событие и в Англии. Первой это сделала публицистика с ее двумя по сути полярными подходами: Эдмунда Бёрка с его предельно консервативными «Размышлениями о Французской революции» (1790) и общей антиякобинской риторикой прессы 1790-х гг. и У. Годвина с его демократическим «Исследованием о политической справедливости» (1793) и пафосом приветствия революции как антидеспотического движения, размышлениями о решающей роли интеллектуальных лидеров революции, которые обязаны разумной стратегией социальных изменений сдерживать «эксцессы черни», неизбежные при стихийном характере революции (см. об этом: [Чудинов 1996]). Затем и художественная литература начала «осваивать» это событие. Так, например, У. Блейк приветствовал взятие Бастилии и спорил с Э. Бёрком в поэме 1791 г. «Французская революция». Поначалу некоторыми английскими литераторами, У. Вордсвортом например, события в революционной Франции воспринимались даже как путь, ведущий «к обретению потерянного рая и возвращению золотого века, и как прорыв к новому, небывалому блаженству» [Королева 2021: 31], а юный Кольридж в 1789 г. пишет стихотворение «Взятие Бастилии», «в котором не только приветствует революцию как несомненное торжество свободы, но и призывает все страны мира последовать примеру Франции» [Королев 2008: 148]; для него, вдохновленного революцией, «свобода (Liberty) приобретает божественный статус, поскольку несет с собой

справедливость и правду» [Королева 2021: 33]. Справедливости ради надо сказать, что поздний Вордсворт пересмотрел свое отношение к Французской революции во многом в связи с политической террора якобинцев, которая отталкивала от революции даже самых яростных ее энтузиастов. При этом Кольридж уже в 1794 г. «явно тяготился своей радикальной политической репутацией», и ужасы якобинского террора охладили его восторги [Королев 2008: 148]. Не случайно в 1791 г. в «Сент-Леоне» и У. Годвин рисует в романе трагически разочарованного в жизни героя, что, конечно, отражает печаль писателя по поводу того пути, по которому пошла так радостно встреченная им революция.

К викторианскому периоду в английской общественной мысли доминировало восприятие событий полувековой давности, ярко воплощенное в знаменитой книге Т. Карлейля «Французская революция» (*The French Revolution: A History*; 1837): революция к этому времени уже не трактовалась только как господство гильотины и «чудовища Робеспьера», как это было в начале XIX в., когда в Англию хлынули волны изгнанных революцией французов – ярких противников революции; при всей художественной эмоциональности многих ее моментов книга Карлейля воспринималась как точное описание причин и протекания революционных событий, как осмысление протеста против деспотизма и тирании любого вида, а главное – как время обнажения корней, нравственных основ человеческой природы. Не случайно этой книгой восхищался Диккенс, а Теккерей написал на нее восторженную рецензию, что нанесло серьезный удар по критикам карлейлевского анализа причин и следствий этой, да и всякой другой революции. О влиянии книги Карлейля на творчество Ч. Диккенса вслед за англоязычными исследователями много писали и классики отечественной диккенсианы – В. В. Ивашева, И. М. Катарский, Т. И. Сильман, когда анализировали исторический роман Диккенса «Повесть о двух городах» (*A Tale of Two Cities*; 1859) – одно из самых ярких художественных воплощений темы революции в английской литературе. Внимание к событиям тех дней, особенно, и это примечательно, к периоду революционного террора, обнаруживается и в творчестве современников Диккенса, многие из которых печатались в издаваемых

им журналах: У. Коллинза («Сестра Поуз»; *The French Governess's Story of Sister Rose*; 1855), У. М. Теккерея («История Марии Ансель»; *The Story of Mary Ansel*; 1840), Э. Гаскелл («Миледи Ладлоу»; *My Lady Ladlow*; 1858 и «Мой учитель французского языка»; *My French Master*; 1853), Э. Троллопа («Вандея»; *La Vendée: An Historical Romance*, 1850).

Большинство из названных произведений достаточно хорошо изучены, и сделанные исследователями выводы, на наш взгляд, не нуждаются в значительном литературно-критическом переосмыслении. Интерес же вызывает то влияние, которое писатели оказали друг друга при художественном осмыслении этого масштабного исторического события, что более всего проявилось в сходном изображении революционного террора как трагического явления, сводящего едва ли на нет справедливость народного выступления против репрессивного старого режима, в создании образов протагонистов в основном из числа французской и английской аристократии или представителей высших социальных слоев, а антагонистов – из среды революционеров или представителей народной среды, чаще всего изображаемой как толпа (*a mob*), в разработке тем любви, дружбы, семейного счастья и мира как контраста социальной бури вокруг, в идеологии надклассового гуманизма в период подобных социальных потрясений. Так, например, В. В. Ивашева, анализируя исторический роман Диккенса, выявляет сходство сюжетов этого произведения и вышеназванной повести его друга и нередко соавтора У. Коллинза: «Если учесть, что по своему сюжету книга Коллинза чрезвычайно похожа на “Повесть о двух городах”, более чем вероятно предположить, что именно эта книга оказала решающее влияние на Диккенса при выборе им сюжета для нового произведения» [Ивашева 1954: 335]. Обнаруживает сходство изображения революционного террора в рассказе «История Марии Ансель» Теккерея и в романе Диккенса и И. М. Катарский, утверждая, что «хотя на первом плане и у Диккенса и у Теккерея – террор, насилие, невинные жертвы, и тот, и другой считают своим долгом говорить и о благородных побуждениях французских революционеров» [Катарский 1960: 242]. Наблюдения исследователей свидетельствуют о том, что Диккенс читал и хорошо знал работы своих коллег-писателей.

Однако список произведений, с которыми был знаком издатель журнала «Домашнее чтение» (*Household Words*), приступая к созданию, по мнению большинства исследователей его творчества, наиболее удачного из двух его историче-

ских романов, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Речь идет о произведениях автора, который многие годы сотрудничал с Диккенсом как в его литературных журналах, так и в общественной деятельности, а именно об Элизабет Гаскелл и об ее исторической повести «Миледи Ладлоу» и рассказе «Мой учитель французского языка». В отличие от Диккенса, Гаскелл не обращается к анализу причин французской буржуазной революции, чему первый уделяет значительное место в художественном пространстве романа, ее интересуют последствия, вылившиеся в кровавый террор и преследование аристократов исключительно из-за их сословной принадлежности. Однако авторов объединяет стремление предупредить современное им общество, особенно его властителей и представителей имущих классов, о грозящей Британии опасности – революции, подобной французской. Диккенсу в значительной степени удается достичь этого путем сопоставления английских и французских городов (Лондон – Париж), персонажей (Картон – Дарней), разбушевавшейся толпы (похороны шпиона в Лондоне – казнь Фулона в Париже), что приводит к своеобразному зеркальному «удвоению» сюжета и персонажей в романе (параллельному изображению сцен из французской действительности полувековой давности и современной писателю Британии середины XIX в.) Об этом «удвоении» в романе Диккенса пишут и зарубежные исследователи Дэвин Гриффитс [Griffiths 2013: 812] и Джон Гросс [Gross 1962: 189]. Гаскелл же показывает несостоятельность и нежизнеспособность патерналистских феодальных представлений об основах мира в социуме на примере образа хозяйки Хэнбери, испытывающей особую гордость по поводу того факта, что поместье было не куплено, а получено в дар от короля и находится в собственности аристократической семьи на протяжении шести веков. Рассказ миледи Ладлоу о гибели семьи французских аристократов вызван в ее памяти событием современной, изменившейся социальной реальности, в которой дети бедняков уже умеют читать (слуга ее управляющего прочел записку последнего, адресованную миледи). Гаскелл «предлагает» феодальному сословию Британии в лице своей героини либо принять новый буржуазный, на тот момент прогрессивный, социальный порядок, либо умереть, возможно, насильственной смертью. Объединяет Диккенса и Гаскелл и стремление найти способы предотвращения повторения французских революционных событий в современной им Британии. Так, Гаскелл видит решение этой проблемы в социальных реформах, разрушающих застарелые феодальные догмы, в де-

мократизации общества, сближении высших и средних классов для создания крепкого общественного фундамента (см. об этом: [Фирстова 2018б: 69]); Диккенс же призывает следовать идеалам гуманизма и высокого альтруизма, противостоящим как феодальному произволу (лишению человека права на жизнь) и безнаказанному попиранию человеческого достоинства, ярко изображенным в начале романа «Повесть о двух городах», так и буржуазному индивидуализму, всепоглощающему стремлению к личному материальному и социальному преуспеванию. Отвечая на вопрос, поставленный в статье Ю. Д. Цветковой, о том, удалось ли писателю своим творчеством «повлиять на общественное мнение с тем, чтобы оно развернулось в сторону борьбы с “социальным злом”» [Цветкова 2015: 72], мы склонны вслед за исследователем дать утвердительный ответ.

Объединяет произведения Гаскелл и Диккенса и общий этический вывод: социальные катаклизмы проверяют человека на прочность его морально-нравственных устоев. Под пером этих писателей революция проявляет в человеке те качества, которые составляют основу его личности. Поэтому, например, любовь, как чувство, которое традиционно считается стимулом к проявлению лучшего в человеке, на фоне вызванного революцией террора может подвигнуть персонажа как на самопожертвование, возвышающее обычного человека до уровня героя, так и на преступление. В первом случае речь идет о Сидни Картоне, герое романа Диккенса, а также о Кlemente де Крики и его возлюбленной Виржини из повести «Миледи Ладлоу», во втором – о Викторе Морине из произведения Гаскелл. Картон жертвует собой ради любимой им Люси Манетт: он выдает себя за ее мужа, пользуясь внешним сходством с ним. Называя себя Чарльзом Дарнеем, потомком французских аристократов Эвремондов, принесших страдания и смерть многим французам, Картон обрекает себя на казнь, но спасает Люси, ее мужа и их дочь, которую так же, как и детей других аристократов, ждала смерть либо по приговору революционного трибунала, либо по стихийно насильственному произволу толпы, а то и из жажды личной мести. Для Диккенса, первопроходца в английской литературе в постановке проблемы страданий ребенка как символа несправедливости социального устройства, нравственной болезни общества, изображение ненависти мадам Дефарж не только к причинившим страдания и смерть членам ее семьи (отцу, брату, сестре, ее мужу) дяде и отцу Дарнея, но и к его дочери, родившейся спустя многие годы после совершенного

Эвремондами преступления, имеет, на наш взгляд, особое значение и является ярким доказательством того, что Диккенс воспринимал революцию как стихию, теряющую свой первоначальный справедливый пафос социального гнева и быстро превращающуюся во все более неуправляемый поток проявлений самых низких и жестоких проявлений человеческой природы. Это свидетельство нравственного недуга французского общества в период буржуазной революции, причины которого надо видеть в предпосылках революции, и справедливости кипения народного гнева. Голодающие жители рабочего Сент-Антуанского предместья Парижа жаждут крови аристократов, и это символически изображено Диккенсом в «реке» разлившегося по мостовой красного вина из разбившейся бочки, за совершенные властью имущими преступления, одним которых является гибель ребенка под колесами кареты маркиза Эвремонда. Последний бросает золотой отцу погибшего в уплату за причиненный ущерб, не испытывая ни раскаяния, ни сочувствия к его горю. Гаспар, отец ребенка, отомстит, убив маркиза, и будет казнен.

Безжалостность феодального мира вызывает безоговорочное осуждение Диккенса, о чем свидетельствует пафос и стиль первой части романа, красочно показывающей бесчеловечность *ancien régime*. При этом автор демонстрирует, что пришедший ему на смену революционный режим оказывается не менее бесчеловечным, а текущий по улице поток вина – символ грядущего кровопролития, в которое превратится, по Диккенсу, революция. И в этом отношении принципиален образ мадам Дефарж, жаждущей полного физического уничтожения представителей дворянского сословия, это образ-символ социального реванша и одновременно – предупреждение писателя высшим классам английского общества о неизбежности социальной мести, художественное воплощение идеи о том, что зло порождает зло. Не случайно на страницах романа появляется образ подруги мадам Дефарж по прозвищу Месь (The Vengeance), женщины, намеренно лишенной автором каких-либо индивидуальных характеристик, поскольку это собирательный образ простолюдинки, жаждущей возмездия за столетия феодального рабства и унижения. И оно воздается безостановочно работающей гильотиной. Лишены индивидуальных черт и другие народные мстители в романе: Жак Первый (Jacques), Жак Второй, Жак Третий. Показателен в этом отношении эпизод взятия Бастилии: «Работайте, товарищи, работайте дружно! Трудись, Жак Первый, Жак Второй, Жак Тысячный, Жак Двухтысячный, Жак Двадцатипятитысячный!

Во имя всех ангелов и всех чертей, работайте! Так говорил виноторговец Дефарж...» [Диккенс 2020: 262]. Здесь прием обезличивания выполняет еще одну функцию: подчеркнуть массовый характер народного возмущения. Но одновременно эти собирательные образы свидетельствуют и о нравственном релятивизме революционеров, по Диккенсу, не видящих разницы между понятиями добра и зла, воплощенных в религиозных понятиях, обозначающих служителей Бога (Добра, Света) – ангелов, и Сатаны (Зла, Тьмы) – чертей.

Самопожертвование Сидни Картона поднимает его на новый морально-нравственный уровень: из грешника (талантливого, но опустившегося юриста по прозвищу «шакал») он становится в один ряд с христианскими мучениками и пророками. Свидетельство тому – слова юной швеи, которую он морально поддерживает перед казнью: «Если бы не вы, я бы не могла вознестись духом к Тому, кто добровольно пошел на казнь, чтобы нам сегодня достать надежду и утешение. Мне кажется, что сам Бог послал мне вас» [там же: 442]. Нет сомнений, Диккенс сравнивает Картона, принесшего себя в жертву ради спасения любимой и ее семьи, с Христом, жертвующим собой ради спасения человечества. Герой Диккенса идет на мученическую казнь, давая надежду и утешение, но не только любимой женщине, но и, как оказалось, бедной девочке-сироты, которая стала очередной невинной жертвой террора, поскольку, казалось бы, социальное происхождение и бедственное материальное положение должны были бы защитить ее от революционного трибунала: ведь революция затевалась для счастья прежде всего таких людей. Но этого не случилось. Образ безымянной сироты, жертвы слепой жажды крови толпы, состоящей из бывших угнетенных, становится новым типажом в галерее обездоленных детей, созданной Диккенсом. Одновременно образ Картона поднимается до уровня трагического героя, то есть героя, чья гибель, с одной стороны, доказывает, насколько вечны и могущественны лучшие качества человека, а с другой – насколько несовершенен мир и насколько просветленные и героические люди нужны этому миру для его нравственного улучшения.

Толпа как страшная неконтролируемая стихия пугает и главную героиню исторической повести Гаскелл миледи Ладлоу, потомственную аристократку, приютившую маркизу де Крики и ее сына, вынужденных бежать из Франции из-за страха перед революцией. Героиня воспринимает это событие как катастрофу, сравнимую с гибелью Трои в Древности (см. об этом [Фирстова 2018а: 90]). Страх перед возмущенной толпой просто-

людинов, написавшей на стенах разрушенной Ньюгейтской тюрьмы в Лондоне «Его величество король толпа» (*King Mob*), преследует героиню со времен антикатолического мятежа лорда Гордона 1780 г. Этому событию британской политической истории Диккенс уделил внимание, пытаясь художественно осмыслить всплеск гнева маргинальных социальных слоев Лондона в первом историческом романе «Барнаби Радж» (*Barnaby Rudge*; 1840). Обращение к этому бунту в произведениях обоих писателей свидетельствует не только об их интересе к такого рода событиям, но и о стремлении предупредить современное общество об их опасности, удержать последнее от революционного, понимаемого как исключительно насильственного, способа решения обострившихся социальных проблем, предлагая эволюционный путь реформ. Сходная точка зрения доминировала в трактате «Размышления о революции во Франции» Бёрка, который, как известно, увидел в революции разрушение устоявшегося социального порядка, замену его абстрактной схемой общества, предложенной идеологами революции, по его мнению, весьма далекой от реальности. Отрицательное отношение к одному из французских энциклопедистов, традиционно считающихся вдохновителями революции, а именно к Жан-Жаку Руссо, фанатиком чьих идей был один из лидеров якобинцев Максимилиан Робеспьер, высказывает и маркиза де Крики, запрещающая сыну Клементу отправиться во Францию ради спасения его возлюбленной Виржини. Она утверждает, что именно идеи энциклопедистов, атеистических взглядов которых придерживались отец девушки (старший брат отца Клемента) и сама Виржини, стали причиной революции, и теперь их родственники лишь «пожинают плоды» заблуждений своих друзей (отец Виржини казнен как аристократ, а ей приходится скрываться в пансионе своей бывшей служанки): «And you, Clement, would leave me for this Virginie, this degenerate De Crequy, tainted with the atheism of the Encyclopedists! She is only reaping some of the fruit of the harvest whereof her friends have sown the seed. Let her alone!» [Gaskell: Chapter V]. Маркиза напоминает сыну об унижительном для него отказе кузины от предложения руки и сердца, продиктованном желанием девушки связать свою жизнь с человеком «любого социального статуса», но «послужившего своими добродетелями к чести человеческой расы». Демократизм взглядов Виржини очевиден, как и ее наивная вера в абстрактные человеческие добродетели. Реальность социального переворота будет жестокой по отношению к молодым людям, но выявит в них

лучшие человеческие качества: способность к самопожертвованию, честность, доброту и преданность любимым людям.

Клемент все же отправится спасать Виржини, он подготовит все для их побега, в чем ему поможет верный слуга, но в последний момент об их планах станет известно влюбленному в девушку племяннику ее бывшей служанки преуспевающему буржуа Виктору Морину. Узнав из перехваченной записки, что Виржини собирается бежать с «преданным ей кузеном», Виктор понимает, что его соперник – аристократ, и сообщает об условленном месте встречи революционным властям, которые арестовывают Клемента и бросают его в тюрьму. Теперь уже Виржини жертвует собой, добровольно сдавшись властям, чтобы быть с любимым до последней минуты, когда их обоих казнят на Гревской площади. Виктор предпринимает попытку спасти Виржини, пользуясь своими связями в тюрьме, но девушка отказывается покинуть Клемента. Она согласна бежать только вместе с кузеном. Виктор принимает это условие, выдвигая свое – немедленное заключение брака между ним и Виржини, на которое девушка отвечает решительным отказом. Не помогают и уговоры Клемента, готового ради спасения жизни любимой примириться с ее потерей (замужеством). Гибель молодых людей вызывает неподдельную скорбь у преданного слуги семейства де Крики, следившего в толпе зевак за казнью, а Виктор кончает с собой сразу же после казни влюбленных. Мать Клемента, находившаяся в Лондоне во время расправы над сыном, мистическим образом понимает, что ее сын погиб именно в этот момент, она отложит игру в карты, ляжет в постель, из которой больше не встанет, умерев через год. Таким образом, Гаскелл показывает трагическую гибель аристократического семейства де Крики, одного из многих, которых постигла подобная участь в ходе «ужасной революции» в этом «жестоком, кровавом Париже». Об этом говорит миледи Ладлоу, вспоминая, что многие ее друзья принимали бежавших из Франции аристократов, вынужденных покинуть страну, гонимых «безжалостными республиканцами, и каждый вновь прибывший эмигрант сообщал о новых ужасах, которые заставляли думать, что республиканцы опьянели от пролитой крови и в состоянии безумия придумывали все новые зверства» [Gaskell: Chapter V; перевод наш. – М. Ф.; Б. П.]. Известно и об общении Гаскелл с французскими эмигрантами, покинувшими родину в результате революции, о чем пишет британская исследовательница Дженни Аглоу; в частности, она видит в некоем месье Рожье прототип месье Шалабрэ из рассказа

«Мой учитель французского языка». Возможно, по мнению Аглоу, именно месье Рожье обучал Элизабет Гаскелл французскому, когда она жила в г. Натсфорде, а будущего премьер-министра Уильяма Питта – танцам [Uglow 1993: 28–29]. Трагическая история аристократического рода, прекратившего свое существование с казнью его юных отпрысков, не может не вызывать сочувствия как у слушательницы этого рассказа Маргарет Досон, воспитанницы миледи Ладлоу, так и у читателей. Трагическое самопожертвование Виржини, казалось бы, бессмысленное с рациональной точки зрения, есть закономерное следствие ее благородного воспитания и происхождения, по мнению английской аристократки. Для Гаскелл это еще и своеобразный гимн настоящей любви, которая сильнее страха смерти. Здесь обнаруживается переключка с образом трагического героя Диккенса – Сидни Картона: гибель героини не только доказывает вечность и могущество лучших качеств человека, но и демонстрирует нравственный вакуум в мире в период радикальных социальных катаклизмов. Гаскелл всем пафосом своего рассказа подчеркивает, что человеческое общество нуждается в подобных благородных личностях как нравственных ориентирах, обеспечивающих сохранение его духовных и гуманистических ценностей. И потому гибель людей, подобных Виржини и Клементу, – настоящая трагедия. Трагическая ирония произошедшего с семейством де Крики связана с тем, что его глава (отец Виржини и дядя Клемента) надеялся, что человеческое общество может быть изменено к лучшему на основе идей Просвещения, и активно способствовал их внедрению в общественное сознание. Эти идеи действительно во многом подготовили Французскую революцию, но она, как стихия, стерла с лица земли и тех, кто угнетал народ, и тех, кто приложил интеллектуальные усилия для улучшения его жизни, а впоследствии – и тех, кто совершил эту революцию.

Подводя итог анализу взаимовлияния Диккенса и Гаскелл в художественном осмыслении Французской революции, мы выявляем очевидную общность в восприятии этого грандиозного исторического события писателями, которые хорошо помнили «голодные сороковые» годы и чартистское движение – одно из самых массовых протестных движений XIX в. в Англии. Для обоих авторов Французская революция 1789–1794 гг. – это противоречивое историческое событие, которое знаменует не только приветствуемый крах старого феодального режима и попытку направить общество в сторону демократии, но и трагедию французской нации, приведшую к гибели десятков, а то и сотен тысяч не-

винных людей; более того, оба писателя утверждают в неприятии любых радикальных сдвигов, пусть и благих по начальным идеям, но порождающих в конечном счете неуправляемую стихию, которая может смести на своем пути как виноватых, так и правых. Для Гаскелл, как и для Диккенса, изображение Французской революции стало способом предупреждения британского общества об опасности подобных социальных катаклизмов, призывом к необходимости изменений в обществе, направленных на устранение социальных несправедливостей, ставших причиной кровавой революции в соседней стране. При этом призыв к социальным преобразованиям звучит как призыв к гуманному отношению к ближнему своему, отказу от сословных предрассудков, к выстраиванию социальных отношений в обществе на основе христианской идеи равенства людей перед Богом.

В своеобразной переключке через века с викторианцами в осмыслении Французской революции находится и одна из ведущих писательниц конца XX – начала XXI вв. Хилари Мантел (1952–2022), которая в первом по написанию историческом романе *A Place of Greater Safety* (создавался в 1974–1979 гг.; опубликован в 1992 г.; «Сердце бури» в русском переводе 2022 г.) дает свою трактовку революции. Данная трактовка в целом находится в русле сложившегося британского диалектического понимания этого величайшего события как закономерного революционного порыва во имя смены прогнившей парадигмы социальной жизни во Франции конца XVIII в., но одновременно подчеркивает неизбежность рождения в этом случае грозной революционной стихии, не поддающейся управлению, затягивающей людей в свои водовороты и подвергающей их испытанию на человечность, чаще всего трагическому.

О своеобразной диалектике художественного и собственно исторического в романистике Хилари Мантел написано уже немало: показательны глубокие и пионерские в отечественной англистике размышления о романистике Мантел саратовского исследователя И. В. Кабановой (см.: [Кабанова 2014; Кабанова 2016; Кабанова 2021]), а также ряд статей М. А. Дезорцевой (см., например: [Дезорцева 2019]), статьи М. С. Рогачевской [Рогачевская 2021], Б. М. Проскурнина [Проскурнин 2016; Проскурнин 2018; Proskurnin 2021], англоязычные работы Л. Арнольд [Arnold 2019], Э. Поллард и Дж. Карпентер [Pollard, Carpenter 2018], С. Штреле [Strehle 2020].

Все исследователи справедливо пишут о том, что Мантел, как и «положено» историческому романисту, работает с плотным, наполненным

датами, фактами, документами «телом» истории, опираясь на устоявшееся представление об общем векторе движения того периода истории, который она воспроизводит. При этом главное, чем озабочена Мантел, – это вписанность изображаемого этапа в этот однонаправленный вектор исторической динамики. В то же время в качестве динамических маркеров исторического процесса Мантел не прибегает к излишне подробному, в духе Вальтера Скотта, историографическому описанию события и времени, когда это событие произошло, а вместо «голоса автора-историка» в этом случае использует документ: вырезки из газет, журналов, опубликованных памфлетов того времени, отрывки из какой-нибудь публикации персонажа, его дневника, писем, мемуаров. К этому же она прибегает и тогда, когда пытается дать динамический портрет исторического персонажа; в этом случае исторической характерологии Мантел усиливает психологическую составляющую образа исторической личности, погружаясь в его «я». Вот почему в исторических романах Мантел редки вымышленные персонажи, тем более «межеумочные», по Д. Затонскому, т. е. герои «над исторической схваткой», как у Вальтера Скотта. На характерологию исторического персонажа «работает» и воспроизведение события «глазами» («голосом») исторической личности, мировидение которой реконструируется Х. Мантел благодаря колоссальной подготовке, работе в архивах с документами – письмами, дневниками самого исторического персонажа, аутентичными материалами о нем других исторических личностей, мемуарами и воспоминаниями современников, критическим прочтением множества книг профессиональных историков, а также, как неоднократно подчеркивала Мантел, благодаря ее воображению, особенно в части того, что не попало в документы, не отражено в каких-либо материалах, но как бы «ороманено» автором с точки зрения известных истории скреп характера исторической личности и окружавших его обстоятельств.

Роман «Сердце бури» – роман о Французской революции XVIII в.; сюжетно он охватывает предреволюционные времена, начиная с 1763 г. и заканчивая апрелем 1794 г. – казнью Камиля Демулена и Жана-Жака Дантона. Для нашей трактовки романа и одного из центральных героев, Демулена, примечательно, что для начальной точки сюжета Мантел выбирает 1763 г., а место действия – городок Гиз. Это был год, когда семья Демуленов въехала в новый дом, мэтр Жан-Николя Демулен полон надежд на будущее, а его сыну Камиллю всего три года: так возникает

«пространство Демулена», которое и определяет протяженность и объем всего художественного мира романа. Одной из отличительных черт произведения является не характерный для современной литературы, тяготеющей к лаконичности, его объем – более 870 страниц. С учетом того факта, что автор и его персонажи в своих размышлениях «уходят» в далекие предшествующие основной хронологии романа времена, а также в другие, а не только французские, пространства, роман в самом деле – эпическое полотно, которое можно было бы назвать романом-эпопеей, будь оно повествовательно исключительно построено согласно главному закону такого жанра, когда главным героем и объектом (и субъектом тоже) изображения является сам исторический процесс и его динамика. Хилари Мантел же изображает Французскую революцию без очевидного участия всезнающего повествователя, неизбежно наделенного эксплицированным эпическим дыханием, передоверяя, как уже было отмечено, роль такого повествователя документам как прямым свидетелям событий. Революция рисуется в этом романе посредством ее частного проживания, что стало уже едва ли не общим местом в историческом романе в XXI в. Другое дело, что это весьма своеобразное «частное проживание»: революцией буквально живут три ее ключевые фигуры – Камиль Демулен, Максимилиан Робеспьер и Жорж-Жак Дантон. Возникает многоэлементная жанровая конструкция, повествовательной инициацией которой становится структура романа воспитания, прежде всего – в отношении образов Демулена и Робеспьера. До того, как все трое героев соберутся в Париже, повествование идет по этой жанровой модели, лишь позднее перерастая в сложное соединение модусов социального, политического, идеологического романов с общим историко-психологическим знаменателем, в пятой части приобретающим трагедийное начало.

Становление личностей трех будущих революционеров, то есть дореволюционное время, прописано концентрированно, поскольку Хилари Мантел «берегла» эпико-событийный повествовательный размах для картин революционных событий. Но уже в первых главах о детстве, юности, молодости трех героев (с преобладанием внимания к Камилю Демулену) Мантел акцентирует недовольство этих молодых людей уготованными им королевской Францией перспективами: «...ни на миг не может забыть о своем невысоком положении» [Мантел 2022: 51], – читаем мы о Максимилиане Робеспьере в начале романа, но подобное замечание вполне может быть применено к двум другим центральным персо-

нажам. Трудно не обратить внимание на конец первой главы романа с записями из дневников (или писем – Мантел не уточняет) Демулена и Робеспьера – школьных друзей, где подчеркивается особое отношение Робеспьера к Демулену как старшего к опекаемому младшему, на поступки которого мы, в этой ситуации благодаря «повествовательной перспективе» Максимилиана, смотрим с некоторым снисхождением и даже умилением. Мантел сразу вычерчивает эту линию отношений двух будущих лидеров революции, безоглядное, постепенно превратившееся в фанатичное служение которой одного приведет к смерти другого. Подчеркнем ребячливость, детскость, открытость, проказничество, смешливость, влюбчивость, даже сексуальную ненасытность Демулена, быструю смену настроений и другие моменты в образе юного (а затем и зрелого) Камиля. Мантел выносит его фигуру в центр повествования и заставляет читателя внимательно, чем с двумя другими персонажами, вглядываться в образ Камиля, отмечать его движение по вектору сюжета, видеть превращение этого образа едва ли не в протагониста к концу романа. Вот почему его движение навстречу неизбежной гибели (читатель, конечно же, знает в общих чертах историю Французской революции и предвидит гибель Демулена на гильотине) становится поистине трагическим. Словом, зерна пафоса сострадания гибнущему протагонисту заложены в его личности, формирование и особенности характера которого составляют основу его сюжетной линии, равно как и в проверке на прочность очень близких отношений Камиля и Максимилиана. Это очевидно и в самой конфигурации треугольника «Демулен – Робеспьер – Дантон», когда в «действие» вступает еще и ревность Робеспьера к тесной (как ему кажется, даже чересчур тесной) дружбе Дантона и Демулена.

На наш взгляд, есть основания говорить о серьезной роли трагического начала в романе. И связано это прежде всего с авторской концепцией образа Камиля Демулена, в конце романа явно эволюционирующего в сторону трагического героя. Здесь было бы уместно сказать, что трагедия как архитектурная форма (по М. Бахтину; см.: [Кравченко 2011]) появляется постепенно, нарастая в своей значимости. По Аристотелю, трагедия «есть подражание действию важному и законченному», [подражание] «при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» (цит. по: [Борев 2002: 42]). Как известно, в начале XIX в. романтизм открыл проблему трагического как общез-

тетическую, в том числе и романическую, а не только принадлежащую сугубо жанру трагедии. В связи с осмыслением функционирования категории трагического в этом романе Мантел возникает вопрос о его принадлежности к жанровой модификации романа-трагедии. Ответ на него не однозначен, хотя в мировой историографии Французская революция традиционно носит трагический ореол (см. об этом: [Лёверс 2016; Фюре 1998; Чудинов 2007]). Фундаментальные размышления о романе такого рода в английской литературе можно найти в не утратившей своей значимости монографии Г. В. Аникина «Современный английский роман», где автор называет романами-трагедиями произведения (имея в виду романы Т. Гарди, Гр. Грина, А. Мёрдок и некоторых других), в которых «драматические характеры и сцены <...> достигают часто трагической силы благодаря остроте психологических конфликтов и этическому пафосу», в котором герой или героиня ценою страданий, а то и гибели, ищет, находит, утверждает в себе высокие «нравственные основы личности человека, живущего в страшном мире, полном жестокости, предательства, ненависти» [Аникин 1971: 136]. Г. В. Аникину вторит Ф. А. Абилова в статье о романе-трагедии Гарди, подчеркивая, что писатель, как и до него Дж. Элиот, увидели (и изобразили) трагедию неотвратимого катастрофического столкновения человека и надличных сил в обыденной жизни (см.: [Абилова 2020: 178, 179]). Безусловно, ключевым здесь становится вопрос о трагическом герое. В романе-трагедии перед нами возвышенная, героическая, цельная и значительная личность, гибель которой – существенная потеря для мира (если не наличного мира, то художественного). Трагический герой, как правило, «каким-то образом [становится] причиной собственной смерти», в том числе и когда совершает ошибочное, а то и преступное деяние (см. об этом: [Аристотель 1983]). Автор романа-трагедии погружает читателя во внутренний мир этого одновременно цельного и трагического героя. Важное место в структуре трагического героя принадлежит осознанности им обстановки, поскольку трагический герой, по А. Ф. Лосеву (см.: [Лосев 1990]), должен быть пассионарной личностью, он не может быть пассивным объектом претерпеваемой им судьбы. В романе *A Place of Greater Safety* претерпеваемая героем судьба – это революция 1789–1794 гг., которая стремительно превращается в сгусток надличных сил, в сцепление обстоятельств на данном этапе истории непреодолимой силы, которые исследователи трагедии как жанра называют неизменными ее составляющими (см.: [Бо-

рев 2002: 51–52]. В романе Мантел судьба Демулена – это судьба человека, оказавшегося на гребне стихии, однажды разбуженной (в том числе и им самим) и уже не подчиняющейся начинателям революции; она подана неуклонно идущей именно в сторону трагедии.

Примечательно, что главу о решающих событиях июля 1789 г. Мантел озаглавливает «Время убивать» (“Killing Time”), а знаменитая речь Демулена в Пале Рояль, воспринимаемая историками как последний толчок к штурму Бастилии 14 июля, подается автором романа как порыв, возникший у героя не осознанно, а как проявление разлитых вокруг и совпавших с его давнишним отношением к монархии ненавистью к тирании и жадной разрушения всего, что ее олицетворяет: «Теперь Камиль вознесся над толпой на головокружительную высоту. Зловонный ветерок задувал из садов. Прошло еще пятнадцать секунд. Он различил отдельные лица и от удивления сморгнул. <...> Но теперь пришло время убивать, у его ног стояли вооруженные люди. От испуга он начал говорить» [Мантел 2022: 233]. Мантел передает внутреннее состояние Камилля, опьяневшего от ощущения величия момента, вдруг осознавшего свою причастность к нему и не отдающего себе до конца отчета, следующим образом: «Форма фраз больше не имеет значения, что-то происходит прямо под ним, земля разверзается. Чего хочет толпа? Реветь. Какова ее цель? Нет вразумительного ответа. <...> Крики, стоны, кровожадные возгласы выются вокруг его головы, алое облако, новая разреженная стихия, в которой он парит» [там же: 234].

Французская революция ставила благородную цель – радикальное освобождение от старого мира с его тотальным социальным гнетом; эту ситуацию замечательно прокомментировал Т. Карлейль во «Французской революции», называя день, когда в Версале собрались Генеральные Штаты, как оказалось впоследствии, ознаменовавший начало конца монархии, «днем крещения демократии» и одновременно «днем соборования феодализма перед смертью» [Карлейль 1991: 91]. Мантел не отходит от традиционной трактовки политической стороны событий революции, но подает их как постепенное и болезненное осознание героями (по большей мере Демуленом и Дантоном) того, что революция вылилась в тотальное преследование всех, кто не был сторонником радикального отказа от старого, т. е. в насильственное утверждение нового, а вскоре и в физическое уничтожение поначалу открытых противников нового, а затем и его сторонников в силу ряда выдуманных, но рожденных стихией неуправляемости и возникшей этической пусто-

той исторического переходного момента. Именно как нравственно-этическое испытание человека трактует Мантел в романе революцию и в соответствии со своей эстетикой художественного осмысления истории романизирует события революции, чаще всего продолжая логику мышления и поведения исторических персонажей, какой она их увидела в проработанных ею документах, свидетельствах, мемуарах, дневниках и письмах, работах профессиональных историков и т. п., даже в тех поступках и речах, которые не зафиксированы в документах и свидетельствах разного рода. Мантел этико-нравственно и психологически при помощи поступков и речей интерпретирует действия участников изображаемых ею событий: короля и королевы, герцога Орлеанского, графа де Мирабо, писателя Пьера Шодерло де Лакло, маркиза де Лафайета, журналиста Жана-Поля Марата и др. И делает это не посредством описания, а через показ: драматизация и даже театрализация повествования чрезвычайно высока в романе, чему способствует отсутствие авторской оценки, во всяком случае прямой, использование (что впоследствии станет «визитной карточкой» Мантел-исторического романиста) Present Simple Tense, прямая драматургизация (театрализация), «подача» документов в контрапункте и т. п. приемы. Романически в центре произведения оказывается трагедия дружбы Робеспьера, Демулена и Дантона. По большей мере, это рассказ о трагедии людей, образно выражаясь, существующих в революционных обстоятельствах, которые «вырвались» из рамок первоначальных, идеальных по сути, программ и деклараций. Демулен, по замыслу Х. Мантел, первым из этого триумvirата оказался «не совместим» с практикой революции и болезненнее двоих остальных воспринял это в силу особенностей своего характера, темперамента, свободной этики, по сути являющейся своего рода практикой реализации провозглашенных революцией «Прав человека и гражданина», первого и главного ее документа. Повторим еще раз: Демулен – этико-нравственный и психологический центр романа, его образ определяет пафос (тональность) произведения, особенно в пятой, финальной, книге. Его жизнь показана полнее, чем жизнь двух других персонажей, а его революционный энтузиазм более эксплицирован и объяснен. Однако акцент сделан на том, что он более нежная душа, более чуткая к несправедливости, чем объясняется (в том числе!) и его жесткость, а то и жестокость по отношению к угнетателям: вот она – диалектика революции. Не случайно в первые месяцы революции Демулен прослыл так называемым «фонарным проку-

рором», поскольку оправдывал стихийный гнев угнетаемых и расправы над защитниками старого режима; и именно он первым потребовал казни короля; он артистическая, художественная натура, стремящаяся доказать всем (прежде всего отцу) свою состоятельность и т. п. «Он притягивал людей, словно магнит», – вспоминает начало их дружбы с Демуленом Робеспьер [Мантел 2022: 561]. «Всему виной его доброе сердце», – говорит о нем Эбер [там же: 728], а некий депутат Конвента Филиппо уверяет Демулена: «Вы умеете достучаться до сердца» [там же: 751]. Одновременно нельзя не сказать, что образ Камилля (особенно в первой половине романа) во многом воплощает в романе столь свойственный наиболее радикальным революционерам-якобинцам «культ героизма и смерти, даже безрассудной» [Яцук 2015: 90]. В первые дни революции Камилль твердо уверен, что его жизнь – ставка революции, а он сам всегда готов быть ее мучеником: «Впрочем, если его попытаются схватить, он точно убьет одного полицейского а затем выстрелит в себя, надеясь на скорую смерть. А после свершится революция» [Мантел 2022: 234]. Не случайно во второй половине романа, когда Демулен начинает сомневаться в пользе и необходимости насильственного принуждения всех к счастью («Черт, – пробормотал он, – знать бы куда мы движемся?»); «Разве это не пародия на справедливость? – спрашивает Камилль представителя Коммуны. – С тем же успехом можно перебить всех без разбору» [там же: 370; 514]), когда любовь к Люсиль, супружество, отцовство, желание жить и наслаждаться жизнью начнут брать верх над идеальной, а значит, жертвенной революционностью, в полный голос в системе образов начнет звучать образ Сент-Жюста, одного из главных идеологов культа смерти ради революции, пропагандиста «универсального мерила для революционера-якобинца» – «свободы и права умереть или приговорить к смерти кого-либо ради убеждений, истины и человечества» [Яцук 2015: 91]. Важно, что Сен-Жюст станет некоей заменой Демулену в сюжетной (и жизненной, как мы знаем) паре Демулен – Робеспьер, что явится еще одним актом попрания Робеспьером реального, а не идеального революционного, гуманизма, в том числе – предательства дружбы и краха его как человека.

Название романа также не менее многозначительно с точки зрения центральности образа Демулена в триумvirате, его движения в сторону трагического героя и отношения Мантел к революции: она неизбежна (Робеспьер в разговоре с Демуленом предлагает тому «считать себя всего лишь орудиями судьбы, которая выше нас. Рево-

люция совершилась бы, даже не родись мы на свет» [Mantel 2022: 637]), но подобна урагану, сметающему едва ли не все на своем пути, а потому вряд ли управляемому. Достаточно вспомнить дрожь Демулена одновременно от испуга, восхищения и нервного возбуждения, призывающего в Пале Рояль толпу вооружаться и идти на штурм Бастилии как на разгром старого мира, когда он понял, что перед ним грозная и практически не управляемая стихия (глава 7 второй книги). Вот почему в главе 7 пятой книги, многозначительно названной «Хищники» (*Carnivores*), в ответ на предложение двух посланных Конвентом охранять Камиля солдат отвести его в «более безопасное место» герой иронично уточняет: «В могилу, в могилу» [Mantel 2022: 640]. Поэтому, как кажется, русский перевод названия – «Сердце бури» – акцентирует лишь одну сторону замысла Хилари Мантел, умаляя другую, более важную, судя по выбору центрального героя и его трагического конца, сторону – показать диалектику революционного разрушения: разрушен доведший Францию до крайнего кризиса старый режим, но при этом разрушенной оказалась и страна, которая, правда, начинает возрождаться, что очевидно в победах революционной армии над интервентами, укрепляя веру тех, кто видит в революции благо и делает все, чтобы она (и республика) устояла. Главная беда (трагедия) в том, что революция разрушает личности; и здесь чрезвычайно важно для мощного гуманистического пафоса романа и для обозначения трагической составляющей произведения, что Демулен устоял в конечном счете: будучи несправедливо приговоренным к смертной казни, он не принимает предложения Робеспьера спастись ценою отказа от Дантона и дружбы с ним (здесь важно видеть также и трагедию разрушенной личности Робеспьера). Мантел рисует, как Демулен и Дантон раньше Робеспьера поняли, что созданная ими форма жизни фундаментально несовершенна, несет людям страдания, а не столь вождельное в начале революции всеобщее счастье. Они, в отличие от Робеспьера, не были заиклены на счастье потом, а хотели наслаждаться счастьем «здесь и сейчас» (что тоже, по Робеспьеру и Сен-Жюсту, стало их преступлением). Но даже и это понимание созрело слишком поздно, что вносит в повествование дополнительный трагический штрих. Робеспьер в романе Мантел смотрит на себя сугубо с точки зрения Истории, которая выше усилий одного и даже массы людей (и здесь очевидна переключка с жадой мученичества у Камиля в начале революции), поэтому он лишает себя всего того, что не служит делу революции, а это и есть *Человеческое* – любовь, се-

мья, дети, дружба, доверие, даже в мелочах: нормальная еда, питье, хорошая одежда, хотя бы минимальный уют (в романе иронически изображается жертвенный аскетизм Робеспьера). Правда, все же в конце романа в ситуации неминуемой казни Демулена Мантел рисует личную трагедию Робеспьера, когда он страдает от того, что Демулен не с ним и даже против него, когда, придя в тюрьму в Люксембургском саду, пытается уговорить Камиля отказаться от поддержки Дантона, покаяться и таким образом сохранить свою жизнь, на что Демулен отвечает решительным отказом. Вот как Мантел передает эту сцену в сбивчивом, полном растерянности воспроизведении Робеспьером (по свидетельству историков, этой встречи «Неподкупного» – так называли Робеспьера на пике его славы – и Демулена скорее всего не было, но она нужна писательнице для углубленного психологического рисунка: «The cell door closed. ‘He said he knew I’d come’. Robespierre leaned back against the wall. He closed his eyes. His hair unpowdered, glinted red in the torchlight. ‘I shouldn’t be here. I shouldn’t have come. But I wanted... I couldn’t prevent myself’» [Mantel 2010: 846] [чтобы показать, как на языке оригинала эта болезненная взволнованность Робеспьера подается автором, мы даем цитату по-английски. – М. Ф., Б. П.]. Как видим, писательница не упрощает ни образ Робеспьера, ни ситуацию. (Интерпретация Мантел трагедии Максимилиана Робеспьера, как и трагедии Жана-Жака Дантона, – это особый вопрос, требующий специального исследования.) Камиль же ни на секунду не забывает, что он человек и ничто человеческое ему не чуждо; он «меряет» себя любовью (его любовным похождением Мантел посвящает немало внимания, особенно – его роману с Аннетой и Люсиль Дюплесси), счастьем отцовства, сыновним счастьем (желание быть лучше в глазах отца), счастьем (успехом) журналиста и писателя; даже его борьба с заиканием вызывает сочувствие у читателя. Нельзя не отметить, как органически в сюжетную линию Демулена входит шекспировская (гамлетовская) линия: Демулен в конце романа (в пятой его части) оказывается практически один в противостоянии обстоятельствам непреодолимой силы, и тут даже Дантон ему не помощник, если не наоборот, поскольку еще больше «топит» Камиля реальными и сфабрикованными обвинениями в корысти, обогащении, пренебрежении интересами республики и революции. Именно Демулен у Мантел из веселого повесы, соблазнителя, шутника, баловня судьбы, пламенного оратора, задорного журналиста и памфлетиста постепенно превращается в нравственного судью револю-

ции: «Но мы сами создали тиранию. Покажите мне пример худшей тирании в истории. <...> но покажите мне другую диктатуру, которая убивает деловито, наслаждаясь собственной добродетелью и провозглашая абстрактные лозунги над разверстыми могилами. Мы утверждаем, что все это ради революции, но революция давно превратилась в живой труп» [Мантел 2022: 756]. Благодаря прозрению Камиля (гораздо более ясному и глубокому, чем у Дантона) происходит не просто «отъединение» его от революции в робеспьеровском ее понимании (не случайно вторая глава пятой, кульминационной, книги романа названа весьма прозрачно – «Робеспьерид (1792)», но и его возвышение, а это необходимое условие становления трагического героя.

Подводя итог нашим размышлениям о сходствах и различиях, своеобразии и новаторстве трех английских писателей в художественной реконструкции такого выдающегося события в мировой истории, как Французская революция 1789–1794 гг., отметим вклад мастеров в становление национальной традиции осмысления этого события прежде всего в нравственном ключе, как события, выявляющего истинное содержание человеческой личности, так или иначе вовлеченного в него, как явление, которое подвергает суровому моральному суду издержки и противоречия самого этого события. Анализ трех произведений обнаружил, как неизбежно трагична судьба тех, кто пытается в условиях революционной стихии, часто выносящей на поверхность проявления жестокости и насилия в силу того, что они – родовые качества всякой революции, жить по главным законам, этой революцией провозглашенным – по законам свободы и равенства людей. Три писателя – Мантел, в силу избранных ею объектов (и одновременно субъектов) изображения, Диккенс и Гаскелл – авторским повествовательным «голосом» показывают, насколько высока ответственность тех, кто находится ближе к эпицентру события, кто волной революции вынесен на гребень историко-политического процесса. Три писателя, чьи произведения стояли в центре анализа, работали с разным социальным, политическим, психолого-характерологическим, социокультурным материалом; они подошли к осмыслению этого материала с различных этико-эстетических и литературно-художественных позиций; они создали разные по объему, по сюжетной, повествовательной и жанровой организации произведения, ярко продемонстрировав многие особенности своих собственных художественных практик. Но при этом в их произведениях есть нечто общее, а именно –

репрезентация национальной английской традиции осмысления Французской революции как события столь же противоречивого, неоднозначного, неизбежного в силу надвигающегося краха феодального мира, беззащитно построенного на угнетении человека, умалении его значимости, прав и свобод, сколько и трагического в силу очевидно насильственного уравнивания всех под идеалы, далекие от реальной жизни и в конечном счете вовсе не ведущие человека к столь желанному для революции счастью.

Список литературы

Абилова Ф. А. Роман-трагедия в жанровой истории английской литературы: философия трагического Томаса Гарди // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 176–185.

Аникин Г. В. Современный английский роман. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1971. 310 с.

Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Борев Ю. Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.

Дезорцева М. А. Национальный миф в исторических романах Хилари Мантел о Томасе Кромвеле // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых: в 2 ч. / общ. редакция Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, С. А. Иванова, С. К. Пестерев. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. Ч. 2. С. 94–100.

Диккенс Ч. Повесть о двух городах / пер. с англ. Е. Г. Бекетовой. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020. 448 с.

Ивашева В. В. Творчество Диккенса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. 471 с.

Кабанова И. В. Английский исторический роман после историографической метафикции: Хилари Мантел // Жанр. Стиль. Образ: актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. Киров: Вят. гос. гум. ун-т, 2014. С. 194–201.

Кабанова И. В. Идеалисты и идеологи в романе Х. Мантел «Стремление к безопасности» // Литература и идеология. Век двадцатый. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 304–312.

Кабанова И. В. «Чистое сияние прошлого»: исторический роман Хилари Мантел // Два века английского романа: коллект. монография. К 70-летию профессора Б. М. Проскурнина. СПб.: Маматов, 2021. С. 325–347.

Карлейль Т. Французская революция. История / пер. с англ. Ю. В. Дубровина, Е. А. Мельниковой, А. И. Петиневой А. М. Барга. М.: Мысль, 1991. 575 с.

Катарский И. М. Диккенс. Критико-биографический очерк. М.: Худ. лит., 1960. 271 с.

Королев А. В. Кольридж и Французская революция // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. 2008. С. 147–155.

Королева С. Б. Английский романтизм в полемике о новом рае: Байрон vs старшие поэты-романтики // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 2(42) С. 30–40. doi 10.25688/2076-913X.2021.42.2.03

Кравченко О. А. Концепция «романа-трагедии»: спор М. Бахтина и Вяч. Иванова // Новый филологический вестник. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-romana-tragedii-polemika-m-bahtina-s-vyach-ivanovym> (дата обращения: 04.11.2022).

Лёверс Э. Робеспьер. Париж: Файар, 2016. 486 с. / пер. с франц. А. Кравец // <https://moreknig.org/istoriya/325877-robesper.html> (дата обращения: 04.11.2022).

Лосев А. Ф. Из книги «Теории стиля». Модернизм и современные ему течения // Контекст-1990. Литературно-теоретические исследования. М.: ИМЛИ, 1990. С. 25–54.

Мантел Х. Сердце бури / Пер. с англ. Марины Клеветенко. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. 864 с.

Проскурнин Б. М. Историческая диалогия Хилари Мантел и «память жанра» // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 77–83.

Проскурнин Б. М. Хилари Мантел. Романы о Томасе Кромвеле «Волчий зал», «Внесите тела» // История зарубежной литературы. Современная английская литература: учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 59–70.

Рогачевская М. С. Историческая трилогия Хилари Мантел: средневековый хронотоп и современный дискурс // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Д. О. Половцева / редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларус. гос. ун-т, 2021. С. 32–36.

Фирстова М. Ю. Конфликт культур и общечеловеческие ценности в творчестве Э. Гаскелл // Евразийский гуманитарный журнал. 2018а. № 2. С. 87–92.

Фирстова М. Ю. Эволюционный путь развития общества в противовес революционному в повести Э. Гаскелл «Миледи Ладлоу» // Мировая литература в контексте культуры. 2018б. № 7(13). С. 64–71.

Цветкова Ю. Д. Влияние творчества Ч. Диккенса на развитие общественной мысли в отно-

шении социального реформирования в Великобритании второй половины XIX в. // Философия и культура. 2015. № 1(85). С. 67–73.

Чудинов А. В. Размышления англичан о французской революции. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 304 с.

Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 307 с.

Фюре Ф. Постигание Французской Революции / пер. с фр. Д. Соловьева. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 218 с.

Яцук Н. А. Эпоха террора 1793–1794 годов: обыденность, жестокость или очищение? // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. № 175. С. 86–96.

Arnold L. Reading Hilary Mantel; Haunted Decades. Bloomsbury Academic, 2019. 240 p.

Gaskell E. My Lady Ludlow. URL: <https://e-books.adelaide.edu.au/g/gaskell/elizabeth/ludlow/> (дата обращения: 04.11.2022).

Griffiths D. The Comparative History of “A Tale of Two Cities” // English Literature History, FALL. 2013. Vol. 80, No. 3. P. 811–838.

Gross J. A Tale of Two Cities // Dickens and the Twentieth Century / Ed. by Gross and Gabriel Pearson. London: Routledge and Kegan Paul, 1962. P. 187–197.

Mantel H. A Place of Greater Safety. London: Fourth Estate, 2010. 873 p.

Pollard E., Carpenter G. (Eds) Hilary Mantel: Contemporary Critical Perspectives. London: Bloomsbury Academic, 2018. 184 p.

Proskurnin B. Is French Revolution a Catastrophe? Charles Dickens and Hilary Mantel in a Dialogue Through Ages // Мировая литература в контексте культуры. 2021. № 13(19). С. 120–130. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-120-130

Strehle S. Historical Fiction and Wreckage: Hilary Mantel and Amitav Ghosh // Strehle S. Contemporary Historical Fiction / Exceptionalism and Community. After the Wreck. London: Palgrave Macmillan, 2020. P. 25–46.

Uglow J. Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories. London and Boston: Faber and Faber, 1993. 690 p.

References

Abilova F. A. Roman-tragediya v zhanrovoy istorii angliyskoy literatury: filosofiya tragichekogo Tomasa Gardi [Novel-tragedy in genre history of English literature: Thomas Hardy’s philosophy of tragic]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2020, issue 6, pp. 176–185. (In Russ.)

Anikin G. V. *Sovremennyy angliyskiy roman* [The Modern English Novel]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1971. 310 p. (In Russ.)

Aristotle. *Poetika* [Poetics]. Aristotle. *Sochine-niya* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4. 830 p. (In Russ.)

Borev Yu. B. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002. 511 p.

Dezortseva M. A. Natsional'nyy mif v istoricheskikh romanakh Khilari Mantel o Tomase Kromvele [The national myth in Hilary Mantel's historical novels about Thomas Cromwell]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka. Sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh* [Topical Issues of Philological Science of the 21st Century. Collection of Articles of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists. in 2 pts]. Ed. by Zh. A. Khramushina, A. S. Porshneva, S. A. Ivanova, S. K. Pesterev. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Press, 2019, pt. 2, pp. 94–100. (In Russ.)

Dickens Ch. *Povest' o dvukh gorodakh* [A Tale of Two Cities]. Transl. from English by E. G. Beketova. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2020. 448 p. (In Russ.)

Ivasheva V. V. *Tvorchestvo Dikkensa* [The Works of Dickens]. Moscow, Moscow University Press, 1954. 471 p. (In Russ.)

Kabanova I. V. Angliyskiy istoricheskiy roman posle istoriograficheskoy metafiksii: Khilari Mantel [English historical novel after historiographical metafiction: Hilary Mantel]. *Zhanr. Stil'. Obraz: aktual'nye voprosy sovremennoy filologii. Mezhdvuzovskiy sbornik statey* [Genre. Style. Image: Topical Issues of Modern Philology. Interuniversity collection of articles]. Kirov, 2014, pp. 194–201. (In Russ.)

Kabanova I. V. Idealisty i ideologi v romane Kh. Mantel 'Stremlenie k bezopasnosti' [Idealists and ideologists in H. Mantel's novel 'A Place of Greater Safety']. *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsatyy* [Literature and Ideology. The Twentieth Century]. Moscow, MAKS Press, 2016, pp. 304–312. (In Russ.)

Kabanova I. V. 'Chistoe siyanie proshlogo': istoricheskiy roman Khilari Mantel ['The Pure Shine of the Past': A historical novel by Hilary Mantel] *Dva veka angliyskogo romana. Kollektivnaya monografiya. K 70-letiyu professora B. M. Proskurnina* [Two Centuries of the English Novel. Collective monograph. On the occasion of the 70th birthday of Professor B. M. Proskurnin]. St. Petersburg, 'Mamotov' Publ., 2021, pp. 325–347. (In Russ.)

Carlyle T. *Frantsuzskaya revolyutsiya. Istoriya* [The French Revolution. A History]. Transl. from English by Yu. V. Dubrovin, E. A. Mel'nikova, A. I. Petinova, A. M. Barg. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 575 p. (In Russ.)

Katarskiy I. M. *Dikkens. Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Dickens. Critical Biographical Essay]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960. 271 p. (In Russ.)

Korolev A. V. Kol'ridzh i Frantsuzskaya revolyutsiya [Coleridge and the French Revolution]. *Frantsuzskiy yezhegodnik 2008: Angliya i Frantsiya – sosedni i konkurenty. XIV–XIX vv.* [Annual of French Studies 2008: England and France, Neighbors and Rivals (2008)], 2008, pp. 147–155. (In Russ.)

Koroleva S. B. Angliyskiy romantizm v polemike o novom rae: Bayron vs starshie poety-romantiki [English romanticism debating over the new paradise: Byron vs the Lake Poets]. *Vestnik MGPU. Seriya 'Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie'* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2021, issue 2(42), pp. 30–40. doi 10.25688/2076-913X.2021.42.2.03. (In Russ.)

Kravchenko O. A. Kontseptsiya 'romana-tragedii': spor M. Bakhtina i Vyach. Ivanova [The concept of 'novel-tragedy': the polemics between M. Bakhtin and V. Ivanov]. *Novyy filologicheskyy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2011, issue 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-romana-tragedii-polemika-m-bakhtina-s-vyach-ivanovym> (accessed 04 Nov 2022). (In Russ.)

Leuwers H. *Robesp'er* [Robespierre]. Paris, Fayard, 2016. 486 p. Transl. from French by A. Kravets. Available at: <https://moreknig.org/istoriya/325877-robesper.html> (accessed 04 Nov 2022). (In Russ.)

Losev A. F. Iz knigi 'Teorii stilya'. Modernizm i sovremennyye emu techeniya [From the book 'Theory of Style'. Modernism and the contemporary trends]. *Kontekst-1990. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context-1990. Literary Theoretical Studies]. Moscow, IWL RAS Publ., 1990, pp. 25–54. (In Russ.)

Mantel H. *Serdtshe buri* [A Place of Greater Safety]. Transl. from English by M. Klevetenko. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 864 p.

Proskurnin B. M. Istoricheskaya dilogiya Khilari Mantel i 'pamyat' zhanra' [Hilary Mantel's historical dilogy and the 'memory of the genre']. *Filologicheskyy klass* [Philological Class], 2016, issue 2(44), pp. 77–83. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Khilari Mantel. Romany o Tomase Kromvele 'Volchiy zal', 'Vnesite tela' [Hilary Mantel. Novels about Thomas Cromwell 'Wolf Hall', 'Bring Up the Bodies']. *Istoriya zarubezhnoy literatury. Sovremennaya angliyskaya literatura* [History of Foreign Literature. Contemporary English Literature: a textbook]. Perm, Perm State University Press, 2018, pp. 59–70. (In Russ.)

- Rogachevskaya M. S. Istoricheskaya trilogiya Khilari Mantel: srednevekovyy khronotop i sovremennyy diskurs [Historical trilogy of Hilary Mantel: Medieval chronotope and modern discourse]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati D. O. Polovtseva* [Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World. Proceedings of the VII International scientific and practical conference dedicated to the memory of D. O. Polovtsev]. Ed. by S. V. Vorobieva et al. Minsk, Belarusian State University Press, 2021, pp. 32–36. (In Russ.)
- Firstova M. Yu. Konflikt kul'tur i obshchechelovecheskie tsennosti v tvorchestve E. Gaskell [The conflict of cultures and common human values in the works of Elizabeth Gaskell]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2018a, issue 2, pp. 87–92. (In Russ.)
- Firstova M. Yu. Evolyutsionnyy put' razvitiya obshchestva v protivoves revolyutsionnomu v povesti E. Gaskell 'Miledi Ladlou' [Evolution versus revolution in society's progress in 'My Lady Ludlow' by Elizabeth Gaskell]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2018b, issue 7(13), pp. 64–71. (In Russ.)
- Tsvetkova Yu. D. Vliyanie tvorchestva Ch. Dikensa na razvitie obshchestvennoy mysli v otnoshenii sotsial'nogo reformirovaniya v Velikobritanii vtoroy poloviny XIX v. [The influence of Charles Dickens on the development of the social thought regarding social reformation in Great Britain of the second half of the 19th century]. *Filosofiya i kul'tura*. [Philosophy and Culture], 2015, issue 1(85), pp. 67–73. (In Russ.)
- Chudinov A. V. *Razmyshleniya anglichan o frantsuzskoy revolyutsii*. [Reflections of the British on the French Revolution]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1996. 304 p. (In Russ.)
- Chudinov A. V. *Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify* [The French Revolution: History and Myths]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 307 p. (In Russ.)
- Furet F. *Postizhenie Frantsuzskoy Revolyutsii* [Interpreting the French Revolution]. Transl. from French by D. Solov'ev. St. Petersburg, INAPRESS, 1998. 218 p. (In Russ.)
- Yatsuk N. A. Epokha terrora 1793–1794 godov: obydennost', zhestokost' ili ochishchenie? [The reign of terror (1793–1794): banality, violence or purification?] *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2015, issue 175, pp. 86–96. (In Russ.)
- Arnold L. *Reading Hilary Mantel; Haunted Decades*. Bloomsbury Academic, 2019. 240 p. (In Eng.)
- Gaskell E. *My Lady Ludlow*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/g/gaskell/elizabeth/ludlow/> (accessed 04 Nov 2022). (In Eng.)
- Griffiths D. The Comparative History of 'A Tale of Two Cities'. *English Literature History*, FALL 2013, vol. 80, issue 3, pp. 811–838. (In Eng.)
- Gross J. A Tale of Two Cities. *Dickens and the Twentieth Century*. Ed. by Gross and Gabriel Pearson. London, Routledge and Kegan Paul, 1962, pp. 187–197. (In Eng.)
- Mantel H. *A Place of Greater Safety*. London, Fourth Estate, 2010. 873 p. (In Eng.)
- Pollard E., Carpenter G. (eds.). *Hilary Mantel: Contemporary Critical Perspectives*. London, Bloomsbury Academic, 2018. 184 p. (In Eng.)
- Proskurnin B. Is French Revolution a catastrophe? Charles Dickens and Hilary Mantel in a dialogue through ages. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2021, issue 13(19), pp. 120–130. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-120-130 (In Eng.)
- Strehle S. Historical fiction and wreckage: Hilary Mantel and Amitav Ghosh. *Contemporary Historical Fiction: Exceptionalism and Community. After the Wreck*. London, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 25–46. (In Eng.)
- Uglow J. *Elizabeth Gaskell: A Habbit of Stories*. London and Boston, Faber and Faber, 1993. 690 p. (In Eng.)

The French Revolution as a Tragedy in British Literature: a Talk over the Century

Boris M. Proskurnin

**Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Maria Yu. Firstova

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

**Associate Professor in the Department of English Language and Intercultural Communication
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. legkikh76@mail.ru

SPIN-code: 1553-5029

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

ResearcherID: FSI-1734-2022

Submitted 15 Nov 2022

Revised 5 Mar 2023

Accepted 10 Mar 2023

For citation

Proskurnin B. M., Firstova M. Yu. Frantsuzskaya revolyutsiya kak tragediya v angliyskoy literature: pereklichka cherez stoletie [The French Revolution as a Tragedy in British Literature: a Talk over the Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 113–128. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-113-128 (In Russ.)

Abstract. The article examines the artistic interpretation of the French Revolution of 1789–1794 in the British literature of the 19th – 20th centuries on the basis of the works by Charles Dickens (*A Tale of Two Cities*, 1859), Elizabeth Gaskell (*My Lady Ludlow*, 1858), and Hilary Mantel (*A Place of Greater Safety*, 1992). As a result of the analysis of each of the three works, the study reveals a certain constant in the literary and artistic interpretation of the event that determined the course for the development of the political and social history of Western Europe in the following centuries. The article also explores a significant emphasis on the moral component in the literary depiction of the revolution and its participants. The similarity between the three authors, but especially Dickens and Mantel, in understanding the causes and socio-political inevitability of the revolutionary explosion in France at the end of the 18th century is highlighted. The reasons for the Revolution and its imminence are shown on the basis of different social material due to different historiographic positions and artistic principles that are unique to each author. In the analyzed literary works, the Revolution is mainly represented as a personal, national and universal tragedy, and the central characters are portrayed as steadily turning into tragic ones. In the novel by Gaskell, this evaluation is given in a conventionally personal story-memoir of the main character, whose image is created on the basis of artistic techniques of realistic typification; in the novel of Dickens – in a large-scale realistic narrative with elements of romantic and sentimental-symbolist approaches; in Mantel's work – in the best British traditions of the historical novel, but with an original narration, where the function of the omniscient author-historian is largely entrusted to the document, and the attention of the narrator-psychologist is focused on the inner world of the three leaders of the Revolution – Desmoulins, Danton, and Robespierre: large-scale revolutionary events are presented through the range of personal relationships of the characters, as a test for their friendship and personal qualities.

Key words: the French Revolution; historical novel; tragic character; English literature; Charles Dickens; Elizabeth Gaskell; Hilary Mantel.

УДК 821.111-312.4

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-129-138

**Феминизм «слабого мужчины»:
феминистский дискурс в романе Т. И. Кинси
«Леди на сельской ярмарке»**

Тарас Вячеславович Рыбин

магистрант кафедры зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420056, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2. rybint@internet.ru

SPIN-код: 6635-6070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1193-7555>

ResearcherID: GOV-7122-2022

Екатерина Владимировна Зуева

к. филол. н., доцент кафедры зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420056, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2. zuevaekaterina@mail.ru

SPIN-код: 5700-2915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8273-8855>

ResearcherID: E-1265-2015

*Статья поступила в редакцию 28.09.2022**Одобрена после рецензирования 22.10.2022**Принята к публикации 01.12.2022***Информация для цитирования**

Рыбин Т. В., Зуева Е. В. Феминизм «слабого мужчины»: феминистский дискурс в романе Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 129–138. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-129-138

Аннотация. Исследуя такое понятие, как национальная идентичность, важно обращать особое внимание на те ее аспекты, которые имеют тенденцию изменяться со временем. Одним из таких аспектов сегодняшней британской идентичности является взгляд современных британцев на мужественность и женственность. Данный взгляд отражается, в том числе, в современной британской литературе, при изучении которой неоднократно замечена преобладающая роль феминистского дискурса там, где авторы выражают свое отношение к понятиям «мужское» и «женское». В настоящей статье это явление рассматривается на примере анализа романа Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке» на предмет присутствия в нем выраженного взгляда на маскулинность и фемининность. В процессе работы были определены следующие проявления феминистского дискурса в упомянутом произведении. Во-первых, в романе присутствует типичная для феминистской литературы антиномия «сильная женщина» – «слабый мужчина». Данное противопоставление выражается через изображение мужских образов как ущербных и неполноценных, на фоне которых противоположно описываемые женские образы выглядят еще более самодостаточными и сильными. Кроме того, в романе ярко выражен образ «новой женщины», феминистский образ прогрессивной женщины эдвардианской эпохи. Также феминистскую тенденциозность романа можно видеть и в построении системы образов. С учетом факта принадлежности автора мужскому полу, все перечисленное позволяет полагать, что феминистская парадигма является доминирующей среди британских писателей вне зависимости от их пола.

Ключевые слова: британская литература; маскулинность; фемининность; феминизм; феминистский дискурс; новая женщина; Кинси.

Глобальные перемены в современном мире, такие явления, как глобализация и мультикультурализм, придают все большую актуальность изучению вопроса о национальной идентичности. Изучая феномен современной британской национальной идентичности, исследователь неизбежно сталкивается с изменениями во взглядах британцев на то, что есть «мужское» и что есть «женское». Понятия, которые прежде были очевидными, стали размываться с принятием в обиход термина «гендер», который был использован, в частности феминистками, для удобства аргументации искусственности традиционных понятий «мужское» и «женское» и допустимости отклонений от того, что традиционно считается нормой. Для идеологов гендерной теории понятие «гендер» не имеет ничего общего с понятием природного пола и нередко противопоставляется последнему. Под «гендером» понимают «достижимый статус» или идентичность человека в соответствии с воспринятыми им мужскими или женскими качествами [Здравомыслова, Темкина 1998: 115].

В сознании западноевропейцев, в частности британцев, «гендер» уничтожил некогда неразрывную связь между мужчиной и традиционными мужскими качествами, а также между женщиной и ее природными свойствами. С разрушением этой связи смешение мужского и женского в одном человеке в современном британском обществе перестало считаться патологией и приняло на себя обличье нормы. В связи с этим для изучения британской национальной идентичности стало важным понимание отношения к таким понятиям, как «мужское» и «женское», в культуре нации на данном этапе ее развития.

Рассматривая этот вопрос через призму современной британской литературы, трудно не заметить вполне очевидную асимметрию с нарочито выраженным перевесом в сторону «женского». Примером этого может послужить существование так называемой «женской литературы», которая включает в себя «женскую прозу» и «женскую поэзию». При этом столь же ярко выраженного понятия «мужская литература» не существует. Дисбаланс очевиден, но вполне объясним неочевидностью роли женщины в историческом развитии культур стран Европы и не только. Возможно, именно стремлением заполнить этот пробел можно объяснить появление такого особого жанра, как «женская литература». Но если причины особого положения «женской литературы» в современной британской культуре объяснить несложно, то другой феномен, нарушающий равновесие, нуждается в более при-

стальном внимании. Речь идет о феминистской литературе.

В христианском европейском обществе исторически отношения полов основывались на соответствующих учениях Священного Писания. Однако по причине падения религиозности в Европе, особенно во второй половине XIX в., традиционные роли мужчин и женщин оставили себе лишь «социальное и культурное значение», которому не суждено было долго продержаться [Муслумова 2015: 117]. Начавшись с движения суфражисток в конце XIX в., феминизм по степени своего развития зарекомендовал себя как движение, разрушающее традиционные взгляды на маскулинность и фемининность. Если задача «первой волны» феминизма была преобразовать юридическую реальность жизни женщины, то «вторая волна», которую можно назвать литературной, была направлена на изменение образа мыслей людей по отношению к женщине как образу и понятию, см.: [Щербак 2020: 377]. Последовала попытка «глубинных преобразований культуры» [Муслумова 2015: 116]. Полностью отвергнув традиционные понятия о «мужском» и «женском», писательницы-феминистки принялись перекраивать образ женщины, а с ним и образ мужчины, согласно тому, что им казалось равенством. На самом же деле произошел перегиб в другую сторону: женский образ стал преподноситься как во многом превосходящий мужской образ. Согласно феминистским воззрениям, женщина должна быть человеком сильным и независимым. А еще сильнее этот образ видится будучи изображаемым на фоне слабого и всячески ущербного мужчины. На данный момент эти образы проникли глубоко в британскую культуру и, в частности, в литературу. Наглядным примером сказанного могут служить героини романа Зеди Смит «Белые зубы» Клара и Арчи Джонс. Арчи уступает Кларе сразу в двух традиционно мужских качествах: физической силе и решимости.

Часто заявляемая задача феминизма достичь баланса и равенства полов все чаще напоминает красивую ширму, за которой скрывается не столь благовидная суть данного движения: «мужчина – враг» [Koussouhon 2015: 318]. Подобного отношения писательницы-феминистки особенно не скрывали (см.: [Ouida 1894: 611]). Однако как не может быть равенства между двумя враждующими сторонами, так не может быть равенства между мужчиной и женщиной с феминистской точки зрения. Свидетельством этого могут быть часто используемые в феминистской литературе антиномичные образы. Слабой женщине проти-

вопоставляется деспотичный мужчина, а сильной женщине – мужчина недостойный, ни на что не способный, слабый телом и духом. Первая парадигма была обнаружена в романах ганской писательницы Аммы Дарко исследователем Айоделе Аллагбе и его коллегами. Вторую же подметили К. А. Берлогин и А. С. Трескина в романе Ф. Саган «Любите ли вы Брамса?». В последнем случае замечены такие эпитеты по отношению к мужчинам главной героини романа, как «слабый», «недостойный», «непонятливый», «жалкий шалопай», в то время как героиня описывается как женщина «сильная», «натура независимая» и «умная» [Берлогин, Трескина 2017]. Для данной работы важна вторая парадигма, а именно антиномия «слабый мужчина» – «сильная женщина». Стоит отметить, что термин «слабый мужчина» в данном контексте вмещает в себя все отрицательные характеристики мужских образов, ставящие эти образы по достоинствам ниже женских.

Также важным в контексте данного исследования является понятие *новой женщины*: образ женщины, появившийся в литературе еще во второй половине XIX в. Образ эксплицировал переход женщины из состояния пассивности к состоянию автономной личности, отстаивающей свое право на самоопределение [Heilmann 2008: 87]. Это был образ женщины, противопоставившей себя многим понятиям викторианского общества о женщине, о таких ее качествах, как пассивность, «домашность», зависимость, в то время как феминистский образ женщины, напротив, включает в себя такие качества и черты, как «свобода, независимость, борьба за равенство, спокойствие, карьерный рост, сила воли и самоуверенность» [Подрядова 2018: 33]. А. О. Дронова следующим образом рисует портрет «новой женщины»: «это молодая девушка, жительница большого города, самостоятельно зарабатывающая на жизнь», а внешность ее часто включает такие черты, как «короткая стрижка “букикопф”, спортивное телосложение, одежда, подчеркивающая грацию» [Дронова 2012: 170]. Можно с уверенностью сказать, что почти все выделенные характеристики служат профессиональной функциональности и работоспособности, что служит внешней манифестацией независимости женщины от мужчины. О. Ю. Анцыферова дополняет список свойств данного образа: новая женщина образована (чаще всего в колледже Гертон), она «весела, привлекательна и играет в теннис», она самостоятельно пользуется «средствами передвижения» [Анцыферова 2003].

Последнюю характеристику можно расширить и обозначить как общее стремление к ис-

пользованию различной техники, изначально считавшееся достоянием мужчин. Данную черту «новой женщины» ярко выразил Г. К. Честертон через образ Полины Стэйси в рассказе «Око Аполлона».

Когда Фламбо встретил свою соседку впервые, сухая ее стремительность и холодный пыл сильно его позабавили. Он ждал внизу лифтера, который развозил жильцов по этажам. Но девушка с соколиными глазами ждать не пожелала. Она резко сообщила, что сама разбирается в лифтах и не зависит от мальчишек, а кстати – и от мужчин. Жила она невысоко, но за считанные секунды довольно полно ознакомила сыщика со своими воззрениями, сводившимися к тому, что она – современная деловая женщина и любит современную, дельную технику. [Честертон 1990: 358]

Как видно, для Полины даже такое средство передвижения, как лифт, служит важным символическим выражением ее независимости от мужчин. При этом Честертон проводит параллель между «деловой женщиной» (*working woman*) и «дельной техникой» (*working machinery*) [Chesterton 1911: 263]. Смысл данной параллели можно видеть в том, что работающей, а значит, независимой от мужчины женщине свойственно иметь дело с техникой, позволяющей работающей женщине быть более эффективной и подчеркивающей ее независимость. Подобные свойства «новой женщины» были выявлены Е. В. Костиной в романе Г. Джеймса «Дэзи Миллер». По словам исследовательницы, «явственно проглядывает ее [героини] превосходство над окружающими: она жила свободно, доверчиво, упорно отстаивая независимость» [Костина 2008: 314]. В итоге «новая женщина» характеризуется образованностью, позитивным настроением, спортивностью, силой тела и духа, независимостью и склонностью к обладанию и непосредственному использованию техники и является противоположностью так называемой *Sow-woman*, пренебрежительный термин, который «новая женщина» ассоциирует с материнством и другими традиционными женскими свойствами [Ouida 1894: 616].

Помимо вышеупомянутого, характерным для феминистского дискурса и важным для настоящей работы является наделение женских образов мужскими качествами, а мужских – женскими, в результате чего происходит смешение традиционных характеристик обоих полов.

Произведение Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке» является для данной работы особенно интересным *материалом*, поскольку выражает

взгляд современного британского писателя на маскулинность и фемининность. Присутствие явных признаков феминистского дискурса в романе подтверждает то, что этот дискурс не ограничивается «женской литературой». Несмотря на свою «женоцентричность», данное произведение всё же нельзя отнести к «женской литературе». Причина этого заключена не только в принадлежности автора к мужскому полу. В тексте романа отсутствуют все основные общепринятые свойства «женского письма». Нет в романе ни откровений женщины о «своем теле и сексуальности», ни размышлений о своем личном «опыте женской жизни», ни прямых противопоставлений мужского мира женскому [Жданова 2020: 36]. Также нельзя сказать, что язык романа «эмоционален и изобилует метафорами», чем, по замечанию Ю. Н. Галатенко, характеризуется «женское письмо» [Галатенко 2017: 86]. Наконец, нарративная, а не эмоциональная последовательность событий в романе завершает характеристику вполне «мужского письма» Кинси.

Использование феминистского дискурса писателем-мужчиной, выражающееся в изображении главной героини как женщины сильной, независимой и во многом мужеподобной, указывает на то, какой именно английская женщина эдвардианского периода видится современному британскому автору. В то же время, рисуя мужчин слабыми и во многом ограниченными по сравнению с окружающими их женщинами, Кинси создает некий фон, на котором женские образы выглядят еще более во многом превосходящими мужчин. Все это позволяет сделать вывод, что феминистский дискурс становится достоянием не только ограниченного общества по-особенному думающих женщин, но и британского общества в целом, вне зависимости от половой принадлежности. Проникновение феминистских образов в неженскую литературу позволяет говорить о «сильной женщине» как о новом стандарте и образце для подражания, к которому стремятся новые поколения девушек и который не отталкивает от себя новое поколение британских мужчин. По крайней мере именно такой неотъемлемой частью британской национальной идентичности эти образы видятся через призму произведения Кинси и ему подобных.

Цель данной работы – анализ романа с точки зрения соотношения понятий «мужское» и «женское», в то время как основной задачей является демонстрация преобладания феминистского дискурса в романе Кинси, выражающегося:

- через асимметрию «мужского» и «женского» с перевесом в сторону «женского» в описа-

нии характеристик мужских и женских образов в романе;

- особенности системы образов в романе;
- характеристики основных женских образов в романе.

Поскольку работ, изучающих данное произведение с подобными целями и задачами на данный момент найти не удалось, предлагаемое исследование вполне может претендовать на некоторую научную новизну.

Анализ романа стоит начать с того, что вышеупомянутая парадигма «слабый мужчина» – «сильная женщина» в нем выражена ярко и даже навязчиво. Преобладание «женского» над «мужским» в тексте можно видеть в описаниях качеств мужских и женских образов. Несложный статистический анализ экспозиционной части романа и содержащихся в ней описательных и коннотативных характеристик мужских и женских образов показывает очевидный дисбаланс в пользу последних. Из четырех с половиной десятков найденных описаний разных мужских персонажей лишь два являются сколько-нибудь положительными. Остальные же сорок три – откровенно отрицательные и уничижительные. Ниже представлены некоторые избранные примеры. Могг, управляющий Леди Фарли-Страуд, описывается как «тощий мужчина» с «легким косоглазием» [Кинси 2020: 19]. Владелец магазина представляется «невысоким, кругленьким, со щеками как яблочки...» и настолько слабым телом, что «с трудом вытащил» и «поставил на прилавок» стойку для зонтиков, которую после покупки, по-видимому, без особого труда, несла Мот, горничная Леди Фарли-Страуд [там же: 27]. Хозяин бара, Ронни, настолько пуглив, что «аж подпрыгнул», когда Леди Фарли-Страуд громко поздоровалась с ним. Ланселот Трибли назван «коротышкой» [там же: 34]. Своего старого друга, полковника Джоржа Даулиша, Леди Хардкасл называет «мальчиком», с которым «придется серьезно поговорить» [там же: 37]. Местный врач назван «довольно дряхлым стариком». Местные полицейские – «хорошие ребята, но вот мозгов им Бог не дал». О докторе Мантерфилде говорят как о «старом чудаке». Водитель Берг – пассивный лентяй, который «с удовольствием предвкушает день ничегонеделанья» [там же: 63]. Но самых выразительных эпитетов удостоился Спенсер Кэредайн – жертва отравления. Его именуют, кроме всего прочего, «несчастливым старым скрягой» и «старым козлом», который только и делал, что «собачился» со всеми вокруг [там же: 60, 77, 67]. Если взять все приведенные примеры вместе с образом инспектора, благого-

веющего перед сравнительно не очень талантливой дилетанткой Леди Хардкасл, то общая картина маскулинности в романе представляется довольно ущербной и вполне соответствует вышеобозначенному понятию «слабый мужчина».

В свою очередь большинство женских образов, напротив, описаны скорее положительно. При этом многие качества, которыми в романе наделены женщины, традиционно принято считать мужскими. Женщины сильны духом. Например, Леди Фарли-Страуд изображается как «бой-баба», которая «на самом деле управляет» своим поместьем [Кинси 2020: 9, 10]. Также женщины сильны и телом. Так, сила служанки заведения, «с которой она грохнула поднос со всеми тарелками... впечатляла» [там же: 34]. Примечательно еще и то, что когда автор пишет о свойстве, общем для мужских и женских образов, то это же свойство у мужчин подается с отрицательными ассоциациями, а у женщин – с положительными. Например, мужская спортивность ассоциируется с такими явлениями, как «потные мужики в регбийной форме», неприличные анекдоты, непристойное пение, и пьянство [там же: 165]. В то же время спортивность Флоренс Армстронг подается в более позитивном ключе. Например, именно ее юношеское увлечение регби позволило ей заслужить доверие и уважение большинства завсегдатаев регбийного клуба. Таким образом, одно и то же свойство подается автором в качестве выражения то мужской ущербности, то женской силы.

Особенно очевидно феминистский дискурс проявляется через образы главных героинь романа – Леди Хардкасл и ее горничной, Флоренс Армстронг. Леди Эмили Хардкасл, имя которой, подобно кеннингу, выражает ее маскулинность (*hard castle* – «крепкий замок»), примечательна с двух точек зрения. Во-первых, Эмили является ярким образом «новой женщины» эдвардианской эпохи. Все вышеупомянутые характеристики нашли свое место в образе Леди Хардкасл. Главная героиня, выпускница женского колледжа в Кэмбридже, детектив-любитель, неспешно прогуливается по страницам романа с хорошим настроением, бодрым духом и «озорным весельем» [там же: 35]. Расследуя сразу три преступления, Эмили демонстрирует уверенность в своих силах и своей правоте. Некоторым несогласным с ней она намекает на возможность физического воздействия на них, а мистеру Снелсону «одного взгляда леди Хардкасл хватило для того, чтобы он заткнулся» [там же: 308]. Ни разу в романе Леди Хардкасл не выразила страха или опасения за свою безопасность. Она готова вступить в бой

тостью с коровами, защищая свою горничную. О своем ранении она говорит как о «полученном на поле битвы», а о ее прошлой деятельности говорится как о «службе плаща и кинжала» [там же: 107, 276].

Вдова Леди Хардкасл проявляет свою независимость везде, где это возможно. Она не только не позволяет ухаживать за ней шоферу, но и в конце концов покупает личный автомобиль, которым, вопреки всем устоям викторианского общества, она учится управлять самостоятельно и обучает этому свою горничную. Таким образом, Эмили Хардкасл по всем характеристикам соответствует образу «новой женщины», женщины, отринувшей викторианскую концепцию «истинной женственности» и хранительницы «домашнего очага» [Метлова 2014: 2008].

Помимо свойств «новой женщины», Леди Хардкасл обладает и другими чертами, которые традиционно принято считать мужскими. Во-первых, Леди груба и ругается как последний сапожник. Проживает она в условиях, которые сама называет «спартановскими», и страдает свойственной мужчинам неряшливостью [там же: 41]. Эмили склонна к интоксикации, а проще говоря, она намного более равнодушна к бренди, чем это приличествовало английской леди ее времени, чем часто удивляет равных себе по классу. При этом Леди Хардкасл не стесняется своей привычки и неоднократно рекомендует окружающим следовать ее примеру.

Не менее интересен образ горничной Леди Хардкасл – Флоренс Армстронг. Играя роль рассказчика, Фло занимает интересную позицию в романе. Во всем вторя своей хозяйке, она как бы указывает читателю на нее как на образец для подражания. Подобный прием используется во многих обществах и организациях, где важна субординация и используется эффект подражания. В таких случаях нередко присутствуют посредники, показывающие пример подражания. Например, в армии сержант слушается своего офицера и тем показывает пример подражания рядовым. В семье старший ребенок слушается и подражает родителям и тем подает соответствующий пример младшим детям. Известный деятель искусства имеет своих особенных поклонников, которые могут заразить своей любовью к их кумиру других людей, и так далее. Функцию образа Флоренс можно подытожить следующим образом: «делай как я; будь такой, как моя Леди». Флоренс старается не отставать от своей госпожи ни в чем. Она смелая и сильная: упоминаются случаи, когда Флоренс «одним ударом сломала руку убийце», а пытавшегося сбежать

мистера Трибли горничная обезвредила приемом одного из китайских боевых искусств. Фло не довольствуется ролью биографа Ватсона, но сама играет самостоятельную роль в расследованиях и не всегда сразу докладывает миледи о своих находках. Фло – спортсменка, и ее спорт самый что ни на есть мужской – регби. Наконец, горничная полностью разделяет любовь своей хозяйки к бренди. Обе женщины прекрасно чувствуют себя в самом грубом мужском обществе со всеми его атрибутами. Они принимаются мужской компанией как свои, даже когда подается портвейн и жены традиционно оставляют своих супругов в сугубо мужской компании. Подражая своей хозяйке практически во всем, горничная Фло стирает и социальную границу между представительницей высшего класса Леди Хардкасл и читателем, показывая тем самым, что всякий может быть таким, как ее хозяйка, вне зависимости от социального статуса. Если интеллектуальная ограниченность доктора Ватсона подчеркивала недостижимость обычным человеком гения Холмса, то разносторонняя развитость Флоренс, напротив, демонстрирует то, что при желании всякая женщина может стать такой же сильной, независимой, грубой и мужеподобной, как Леди Хардкасл.

Наличие у главных героинь и некоторых второстепенных женских персонажей мужских качеств само по себе также является существенным элементом феминистского дискурса. Заявив о том, что женственность придумана мужчинами, идеологи феминизма тем самым аннулировали привычные определения женственности и мужественности, а также присущих им свойств. Такие свойства, как физическая сила, храбрость, стремление защищать слабых, с феминистской точки зрения перестали считаться мужскими по умолчанию, а стали как бы нейтральными и доступными для всех. В силу этого в таких персонажах, как Леди Хардкасл и ее горничная, которые все еще носят видимые признаки женственности, происходит смешение традиционных свойств, когда к женственности подмешивается маскулинность. При этом часто мужские образы наделяются различного рода ущербностью, что делает еще более четким контраст между образом «сильной женщины» (Эмили Хардкасл) и образом «слабого мужчины» (почти все мужские образы в романе), а на фоне слабых мужских образов «сильная женщина» видится еще более сильной.

В дополнение стоит отметить, что асимметрия «мужского» и «женского» также проявляется в построении системы образов произведения.

В романе расследуются три преступления: убийство, кража и мошенничество. Несмотря на очевидную связь между первым и вторым и на намек на их связь с третьим, каждое преступление имеет свою парадигму участников: преступник, жертва и детектив. Детективом во всех трех случаях выступает Леди Хардкасл. Соотношения участников по принципу превосходства следующие: преступник имеет превосходство над жертвой в случае успешности преступления; детектив превосходит преступника в случае успешности расследования, а также детектив стоит над жертвой, являясь ее защитником или отомстителем. В случае с мошенничеством в романе преступниками оказываются две женщины, а их жертвой – мужчина (Нелсон Снелсон). Здесь женская сторона является превосходящей, поскольку женщина-детектив защищает мужчину от преступных действий других женщин. В двух других случаях преступниками и жертвами были мужчины. Однако с учетом того, что в роли детектива во всех случаях выступает женщина, превосходство снова на стороне женщин.

Теперь, когда присутствие феминистского дискурса в изучаемом романе можно считать вполне очевидным, стоит поставить вопрос о возможных целях, которые преследовал автор, используя этот дискурс. С одной стороны, можно видеть некоторую пародийность и ироничность, проводя параллель между героинями романа Кинси и героями повестей А. К. Дойла. Можно думать, что ирония состоит в том, что Кинси инвертирует картину, нарисованную Дойлом. В повестях и рассказах Дойла баланс «мужского» и «женского» нарушен тем, что мужчины являются главными героями и, соответственно, стоят в центре сюжета, в то время как женские персонажи остаются на периферии. Кинси делает всё с точностью наоборот. Он ставит двух героинь в центр повествования, наделяя их силой духа, ума и тела и оставляя «слабых мужчин» на заднем плане.

Возможно также видеть в феминистском дискурсе Кинси элемент сатиры. В частности, некоторую сатиричность несет в себе образ Леди Хардкасл. Как отмечает исследователь Талия Шафер, образ реальной «новой женщины» существенно отличается от литературного образа «новой женщины». Первый представляет собой женщину, отстаивающую свою независимость, занимаясь доступным в то время женщинам оплачиваемым трудом, живущую в скромном жилище, питающуюся скромной пищей, носящую скромную практичную одежду и используя

ющую велосипед как средство передвижения [Schaffer 2002: 39]. Литературный же образ был зачастую гиперболизирован и сатиричен. Так, например, Мария Корелли описывает героиню романа «Моя чудная жена!» Гонорию Маггс как физически крепкую амазонку, лишенную какой-либо чувственности, предпочитающую мужские занятия и мужскую компанию. Она настолько мужеподобна, что оказывается неспособной исполнять элементарные материнские функции [Crozier-De Rosa 2010: 240–241]. Если сопоставить Леди Хардкасл с этими двумя образами, то можно заметить вполне четкие черты именно сатиричного образа, такие как грубость нрава, физическая сила и склонность к мужской компании. Исходя из вышесказанного, можно полагать, что Кинси использует феминистский дискурс, иронизируя над неумеренностью современного феминистского мировоззрения. Впрочем, таким же справедливым может быть предположение, что Кинси иронизирует над образами А. К. Дойла крайностью женоцентричности своих романов, указывая на неумеренность мужецентричности произведений Дойла.

Ироничность и пародийность в романе видеть можно, однако были ли они в замыслах автора – утверждать на данный момент затруднительно. Дело в том, что если в России детективы Кинси воспринимаются читателями как ироничные, то англоязычные критики их к таковым не относят. И сам Кинси, и его читатели относят его книги к жанру уютного детектива – *cozy mystery* – что не обязательно подразумевает ироничность [Kinsey 2017]. Что касается пародийности, то стоит отметить, что сам Кинси в одном из своих интервью утверждает, что Фло Армстронг не основана на каком-либо персонаже или какой-либо реальной личности [Kinsey 2019]. Так что говорить о том, что Фло является прямой пародией на доктора Ватсона, не приходится. Важно также не забывать о том, что наличие напарника у главного сыщика в романе является классическим ходом в детективах, а Шерлок Холмс и доктор Ватсон стали архетипом многих пар сыщиков, таких как Томми и Таппенс Бересфорд, отец Браун и Фламбо, Лисбет Саландер и Микаэль Блумквист и др. Учитывая все вышесказанное, а также молчание самого автора о присутствии иронии или пародии в своих произведениях, можно сделать заключение, что если элементы пародии и присутствуют в романах Кинси, то настолько подспудно, что видят их далеко не все, и предназначение их – не ясно.

Итак, с точки зрения проблематики отношений между маскулинностью и фемининностью

феминистский дискурс очевидно является основой романа Кинси «Леди на сельской ярмарке». Это проявляется не только в своеобразии свойств главных героев, но и в характеристиках второстепенных персонажей. Образ «новой» английской женщины выражен в романе очень четко. Главная героиня представлена человеком жизне-радостным, бесстрашным, сильным и независимым. Особенно заметны эти качества на фоне ущербности мужских образов, описываемых нарочито отрицательно. В то же время образ Флоренс, подражающей своей хозяйке во всем, стирает социальные границы для образа «новой женщины». Такой взгляд автора-мужчины на гендерную проблематику крайне важен для лучшего понимания современной британской национальной идентичности. Этот взгляд открывает то, какой именно современный британский писатель хотел бы видеть женщину эдвардианского периода английской истории. Этот взгляд наполнен феминистским содержанием и является протестом против другого видения, традиционно сложившегося еще в викторианской Англии. Можно полагать, что автор использует феминистский дискурс, иронизируя над крайностями современного феминизма или викторианской мужецентричности, однако для того, чтобы это утверждать, оснований пока недостаточно.

Список литературы

Анциферова О. Ю. «Новая женщина»: Художественный вымысел и факт. Лики феминизма на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. 2003. № 1(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-zhenschina-hudozhestvennyy-vymysel-i-fakt-lik-feminizma-na-rubezhe-xix-hh-vv> (дата обращения: 07.08.2022).

Берлогин К. А., Трескина А. С. Своеобразие идей феминизма и любви в романе Ф. Саган «Любите ли вы Брамса?» // Язык. Культура. Коммуникации. 2017. № 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/521/701> (дата обращения: 07.08.2022).

Галатенко Ю. Н. Женская литература как «гендерная маска» – к вопросу о конструировании творческого субъекта // Филология: научные исследования. 2017. № 2. С. 77–90.

Дронова О. А. Образ «новой женщины» в немецком романе (на материалах романов И. Койн «Девушка из искусственного шелка» и М.-Л. Фляйсер «Фрида Гайер» // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 170–175.

Жданова М. О. О дифференциации понятий женская и феминистическая литература // Вест-

ник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2020. № 1(43). С. 33–37.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3(4). С. 111–122.

Кинси Т. И. Леди на сельской ярмарке / пер. с англ. А. С. Петухова. М.: Эксмо, 2020. 380 с.

Костина Е. В. Новый взгляд на «новую женщину»: повесть Г. Джеймса «Дэзи Миллер» // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 3. С. 313–315.

Метлова Т. А. Гендерная и брачно-семейная проблематика в британской литературе о новой женщине рубежа XIX–XX вв. // Философия и культура. 2014. № 2(74). С. 204–216.

Муслумова Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4(28). С. 114–120.

Подрядова Д. А. Феминистский дискурс и дискурс женской идентичности в художественной литературе // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: материалы VI Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Б. Шаронова: Челябинск: Челяб. филиал РАНХиГС, 2018. С. 29–33.

Честертон Г. К. Око Аполлона // Избранные произведения в трех томах. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. 430 с.

Щербак Н. Ф. Феминизм в британской литературе: современные английские писательницы, традиции и инновации // Герценовские чтения: сб. науч. тр. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцина, 2020. С. 376–378.

Chesterton G. K. Eye of Apollo // The Innocence of Father Brown. New York: The Macaulay Company, 1911. 334 p.

Crozier-De Rosa S. The New Woman at Home and Abroad: Fiction, female identity and the British Empire // Europe's Expansions and Contractions / ed. by Evan Smith. Adelaide: Australian Humanities Press, 2010. P. 237–257.

Heilmann A. 'The Awakening' and New Woman fiction // The Cambridge Companion to Kate Chopin / edited by J. Beer. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Ch. 6. P. 87–104.

Kinsey T. E. An Interview with an Author: T. E. Kinsey: an interview / by V. Mejia-Gewe // Fan Girl Nation. 2017. URL: <https://fangirlnation.com/2017/10/18/interview-with-an-author-t-e-kinsey/> (дата обращения: 08.09.2022)

Kinsey T. E. An Interview with T E Kinsey, Historic Cozy Author: an interview / by E. B. Davis // Writers Who Kill. 2019. URL: <https://writers->

whokill.blogspot.com/2017/04/an-interview-with-t-e-kinsey-historic.html (дата обращения: 08.09.2022)

Koussouhon L. A., Akogbeto P. A., Allagbe A. A. Portrayal of Male Characters by A Contemporary Female Writer: A Feminist Linguistic Perspective // International Journal of Advanced Research. 2015. Vol. 3. Iss. 12. P. 314–322.

Ouida. The New Woman // The North American Review. 1894. Vol. 158. Iss. 450. P. 610–619.

Schaffer T. 'Nothing But Foolscap and Ink': Inventing the New Woman // The New Woman in Fiction and in Fact / edited by A. Richardson and C. Willis. London: Palgrave Macmillan UK, 2002. P. 39–52.

References

Antsyferova O. Yu. 'Novaya Zhenshchina': Khudozhestvennyy vymysel i fakt. Liki feminizma na rubezhe XIX–XX vv. [The new woman in fiction and in fact. fin-de-siècle feminisms]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2003, issue 1 (2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-zhenschina-hudozhestvennyy-vymysel-i-fakt-lik-feminizma-na-rubezhe-xix-hh-vv> (accessed 07 Aug 2022). (In Russ.)

Berlogin K. A. Treskina A. S. Svoeobrazie idey feminizma i lubvi v romane F. Sagan 'Lyubite li vy Bramsa?' [Distinctness of feminist ideas and love in the novel by Françoise Sagan 'Aimez Vous Brahms?']. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii* [Language. Culture. Communication], 2017, issue 2. Available at: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/521/701> (accessed 07 Aug 2022). (In Russ.)

Galatenko Yu. N. Zhenskaya literatura kak 'gender'naya maska' – k voprosu o konstruirovani tvorcheskogo sub'ekta [Women's fiction as the 'gender mask'. On the question about constructing a creative subject]. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], 2017, issue 2, pp. 77–90. (In Russ.)

Dronova O. A. Obraz 'novoy zhenshchiny' v nemetskom romane (na materiale romanov I. Koin 'Devushka iz iskusstvennogo shelka' i M.-L. Flyayser 'Frida Gayer') [The image of the 'new woman' in German novel (based on the novels by I. Koin 'Das Kunstseidene Madchen' and M. Fleisser 'Eine Zierde fur Verein')]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 2012, issue 2, pp. 170–175. (In Russ.)

Zhdanova M. O. O differentsiatsii ponyatiy zhenskaya i feministicheskaya literatura [On the differentiation of the concepts of women's and feminist literature]. *Vestnik Luganskogo Natsionalnogo Universiteta imeni Tarasa Shevchenko*. [Bulletin of

Luhansk Taras Shevchenko National University], 2020, issue 1(43), pp. 33–37. (In Russ.)

Zdravomyslova E. A. Temkina A. A. Sotsyal'noe konstruirovaniye gendera [The social construction of gender]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 1998, issue 3 (4), pp. 111–122. (In Russ.)

Kinsey T. E. *Ledi na sel'skoy yarmarke* [In the Market for Murder]. Transl. from English by A. S. Petukhov. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 380 p. (In Russ.)

Kostina E. V. Novyy vzglyad na 'novuyu znen-shchinu': povest' G. Dzheymsa 'Dezi Miller' [A new look at the 'new woman': The novella 'Daisy Miller' by H. James]. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriya 'Gumanitarnye nauki'* [Mordovia University Bulletin. Series: Humanities], 2008, issue 3, pp. 313–315. (In Russ.)

Metlova T. A. Gendernaya i brachno-semeynaya problematika v britanskoj literature o novoy zhen-shchine rubezha XIX–XX vv. [The problems of gender, marriage and family in British literature about the new woman of the late 19th – early 20th centuries]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 2014, issue 2(74), pp. 204–216. (In Russ.)

Musulomova T. V. Feminizm: istoki, etapy razvitiya i osnovnye napravleniya. [Feminism: its origins, stages of development and the main movements]. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], 2015, issue 4(28), pp. 114–120. (In Russ.)

Podryadova D. A. Feministskiy diskurs i diskurs zhenskoy identichnosti v khudozhestvennoy literature [Feminist discourse and the discourse of female identity in fiction]. *Profil'noe i professional'noe obrazovanie v usloviyakh sovremennogo polikul'turnogo prostranstva: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Specialized and Professional Education in the Modern Polycultural Context: Proceedings of the VI International Scientific Practical Conference]. Ed. by V. B. Sharonov. Chelyabinsk, Chelyabinsk Branch of the RANEPa Press, 2018, pp. 29–33. (In Russ.)

Chesterton G. K. Oko Apollona [The Eye of Apollo]. *Izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh* [Selected Works in three vols.]. Moscow, Khudo-

zhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 3. 430 p. (In Russ.)

Scherbak N. F. Feminizm v britanskoj literature: sovremennyye angliyskie pisatel'nitsy, traditsii i innovatsii [Feminism in British literature: Contemporary English female writers, traditions and innovations]. *Gertsenovskie chteniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Herzen Readings: collection of scientific works]. St. Petersburg, Herzen University Press, 2020, pp. 376–378. (In Russ.)

Chesterton G. K. The eye of Apollo. *The Innocence of Father Brown*. New York, Macaulay Company, 1911. 334 p. (In Eng.)

Crozier-De Rosa Sh. The new woman at home and abroad: Fiction, female identity and the British Empire. *Europe's Expansions and Contractions*. Ed. by Evan Smith. Adelaide, Australian Humanities Press, 2010, pp. 237–257. (In Eng.)

Heilmann A. 'The Awakening' and new woman fiction. *The Cambridge Companion to Kate Chopin*. Ed. by J. Beer. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, Ch. 6, pp. 87–104. (In Eng.)

Kinsey T. E. Interview with an author: T E Kinsey: an interview. By V. Mejia-Gewe. *Fan Girl Nation*, 2017. Available at: <https://fangirlnation.com/2017/10/18/interview-with-an-author-t-e-kinsey/> (accessed 08 Sep 2022). (In Eng.)

Kinsey T. E. An interview with T. E. Kinsey, historic cozy author: an interview. By E. B. Davis. *Writers Who Kill*, 2019. Available at: <https://writerswhokill.blogspot.com/2017/04/an-interview-with-t-e-kinsey-historic.html> (accessed 08 Sep 2022). (In Eng.)

Koussouhon L. A., Akogbeton P. A., Allagbe A. A. Portrayal of male characters by a contemporary female writer: A feminist linguistic perspective. *International Journal of Advanced Research*, 2015, vol. 3, issue 12, pp. 314–322. (In Eng.)

Ouida. The new woman. *The North American Review*, 1894, vol. 158, issue 450, pp. 610–619. (In Eng.)

Schaffer Talia. 'Nothing but foolscap and ink': Inventing the new woman. *The New Woman in Fiction and in Fact*. Ed. by A. Richardson and C. Willis. London, Palgrave Macmillan UK, 2002, pp. 39–52. (In Eng.)

Feminism of a ‘Weak Man’: Feminist Discourse in the Novel ‘In the Market for Murder’ by T. E. Kinsey

Taras V. Rybin

Master’s Student, Department of Foreign Literature

Kazan Federal University

2, Tatarstan st., Kazan, 420056, Russian Federation. rybint@internet.ru

SPIN-code: 6635-6070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1193-7555>

ResearcherID: GOV-7122-2022

Ekaterina V. Zueva

Associate Professor in the Department of World Literature

Kazan Federal University

2, Tatarstan st., Kazan, 420056, Russian Federation. zuevaekaterina@mail.ru

SPIN-code: 5700-2915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8273-8855>

ResearcherID: E-1265-2015

Submitted 28 Sep 2022

Revised 22 Oct 2022

Accepted 01 Dec 2022

For citation

Rybin T. V., Zueva E. V. Feminizm «slabogo muzhchiny»: feministskiy diskurs v romane T. I. Kinsi «Ledi na sel’skoy yarmarke» [Feminism of a ‘Weak Man’: Feminist Discourse in the Novel ‘In the Market for Murder’ by T. E. Kinsey]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 129–138. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-129-138 (In Russ.)

Abstract. When studying a complex phenomenon such as national identity, it seems important to consider with special care those aspects that have a tendency to change over time. An important aspect of British national identity is the British vision of the concepts of masculinity and femininity. One of the sources reflecting the way the British presently perceive the mentioned concepts is modern British literature. Remarkably, yet not unpredictably, a targeted study of works written by British authors reveals that feminist discourse plays the primary role where authors express their attitude to masculinity and femininity. In the paper, this phenomenon is demonstrated based on the analysis of the novel *In the Market for Murder* by T. E. Kinsey. We have identified and analyzed a number of feminist discourse elements in the text of this literary work. First, Kinsey introduced in his novel an antinomy of a ‘weak man’ and a ‘strong woman’, which is a fairly typical manifestation of feminist discourse. This contrast is expressed through the representation of male characters as defective and weak, and female ones, accordingly, as self-sufficient and strong. The latter ones are perceived to be even stronger, having weak males at the background. Likewise, the feminist image of the ‘new woman’, namely a progressive post-Victorian woman, is clearly expressed through the image of the main character of the novel. In addition, far from being unbiased in favor of feminism is the system of literary images in the novel. Taking into account all the aforementioned, and considering the fact of the author being a male, it proves possible to allege that the studied novel to some extent reflects the reality where the feminist paradigm occupies a dominating position in British culture and is accepted thereby as given.

Key words: British literature; masculinity; femininity; feminism; feminist discourse; new woman; Kinsey.

УДК 821.161.1(1-87)
doi 10.17072/2073-6681-2023-1-139-146

К. Коровин – эмигрант: родной край в воспоминаниях художника

Елена Анатольевна Сунцова
аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания
Уральский государственный педагогический университет
620091, Россия, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26. suntsovaea@ya.ru

SPIN-код: 3072-1927
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2505-2053>

Статья поступила в редакцию 18.07.2022
Одобрена после рецензирования 17.10.2022
Принята к публикации 05.12.2022

Информация для цитирования

Сунцова Е. А. К. Коровин – эмигрант: родной край в воспоминаниях художника // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 139–146. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-139-146

Аннотация. Константин Коровин – известный русский художник, один из первых русских импрессионистов, а также театральный художник-декоратор. Художник удивительно тонко чувствовал родную природу и в творчестве отдавал предпочтение пейзажам. В 1922 г., будучи в довольно преклонном возрасте, Коровин вынужденно оказывается в одном из центров русской эмиграции – Париже. Разрыв с родной землей становится одной из причин творческого кризиса художника. Именно в эти непростые годы Коровин посвящает себя литературному творчеству. Он пишет мемуары, значительное место в которых занимают воспоминания о покинутом и таком любимом родном крае.

Статья посвящена сопоставительному исследованию живописной и словесной изобразительности в творческом наследии Коровина. В цикле «На охоте» есть рассказ «Мороз», где пейзаж играет ключевую роль в сюжете. Анализ поэтики изобразительности в этом рассказе обнаруживает в словесных образах черты живописного импрессионизма. Также рассматриваются приемы, с помощью которых мемуарист создает образ родного края, а также ключевые слова-лейтмотивы, цветовая палитра, эффекты освещения и другие средства создания лирического пейзажа. Отмечается переключки с живописными полотнами художника, посвященными зимнему лесу. Делается вывод о сходстве импрессионистических приемов в живописи и в рассказе Коровина, отмечаются черты, характерные именно для литературной (словесной) изобразительности, например, фольклорные традиции и аллюзии к русской поэтической классике, смена точек зрения повествователя, изменения эмоциональной тональности, что составляет основу лирического сюжета в рассказе «Мороз».

Методическая база исследования представлена различными современными технологиями литературоведческого анализа: сравнительно-типологическим и системно-семантическим с элементами жанрового и стилового анализа.

Ключевые слова: мемуары; русское искусство; проза художника; поэтика изобразительности; пейзаж; литература русского зарубежья.

Константин Коровин – известный русский художник, один из первых русских импрессионистов, а также театральный художник-декоратор, активный участник культурной жизни России на рубеже XIX–XX вв. В 1922 г. Коровин вынужден эмигрировать. Так он оказывается в одном из центров русской эмиграции первой волны, в Париже. Несомненно, эмиграция стала фактором,

влияющим на автора, ведь жизнь его переменялась коренным образом, он вынужден был приспособиваться к новым жизненным реалиям, столкнувшись с настоящей нищетой и бытовой неустроенностью, невозможностью писать.

В своем живописном творчестве Константин Коровин был приверженцем импрессионизма. В «Энциклопедии импрессионизма» отмечается,

что импрессионизм – не только новаторская техника живописи, отражающая иное восприятие действительности, главное то, что образ воссоздает непосредственное, сиюминутное впечатление художника от природы. Импрессионистическое искусство опирается на чувственное и интуитивное восприятие действительности. Однако зрительное восприятие действительности постоянно меняется в зависимости от мельчайших вариаций освещения, и именно освещение становится подлинным сюжетом картины.

Новый взгляд на задачи живописи определил и новую технику: «Если же говорить о технике живописи, то надо отметить, что импрессионисты отказались от изображения форм и цвета такими, какими – как полагали художники – те должны были быть, ради изображения их такими, какими они видели их под деформирующим воздействием освещения. Таким образом они отказываются от некоторых традиционных принципов живописи, заменяя уточняющий форму и дающий представление об объеме контурный рисунок мелкими отдельными и контрастными мазками» [Энциклопедия импрессионизма 2005: 13].

Более подробно взаимовлияние различных типов художественного сознания в русской прозе рубежа XIX–XX вв. рассматривается в монографии В. Т. Захаровой «Импрессионизм в русской прозе Серебряного века» [Захарова 2012]. Проблема анализируется на материале творчества И. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева, М. Горького, С. Сергеева-Ценского, В. Розанова. В творчестве этих писателей отмечается особое импрессионистическое художественное мышление. Анализ закономерностей развития литературного процесса начала XX в. в России проводится в широком контексте: дана ретроспектива формирования импрессионизма во французской живописи и литературе XIX–XX вв., а также в русской живописи и литературе.

В диссертации М. С. Байцак «Поэтика описания в прозе И. А. Бунина: живопись посредством слова» [Байцак 2009] также раскрываются особенности прозы художника-писателя. Бунин в ранние годы был очень увлечен живописью и даже планировал связать с ней свою дальнейшую творческую карьеру, дружил с художниками (П. Нилусом, В. Куровским, Е. Буковецким), оказавшими влияние на его творчество. Автор делает вывод о синестетической природе прозы Бунина, тесно связанной с экфрасисом. Именно в экфрасисе осуществляется синтез описания и лирической рефлексии, благодаря которому возникает новый неклассический тип повествования.

Монография Г. П. Козубовской «Русская литература и поэтика зримого» [Козубовская 2021] посвящена поэтике зримого. Материалом исследования стали русская поэзия и проза XIX в. В центре внимания – словесная живопись, принципы которой нашли отражение, с одной стороны, в авторской поэтике, включающей субъективность как специфическое видение; с другой – в мифопоэтике, в обращении к архетипам. «Зримое» раскрывается в мотивах (пейзаж, одежда/костюм, еда/пища), сопряжение которых создает многомерное целое.

В этой статье мы обращаемся не только к поэтике зримого. Нас интересуют особенности прозы художника как литературного феномена. Интересно рассмотреть, в чем проявляются особенности этой прозы, какие приемы, характерные для художника, использует К. А. Коровин в своих литературных произведениях.

Константин Коровин тонко чувствовал родную природу и в творчестве отдавал предпочтение пейзажам. Разрыв с родной землей становится еще одной причиной творческого кризиса художника. Некогда столь любимый Париж теперь не вызывает у него былого восторга. В преклонном возрасте, находясь в эмиграции, Коровин начинает заниматься литературным творчеством. В мемуарах он словно пытается вернуть родину, воскресить ее в памяти.

В Париже в 1936 г. праздновался семидесятипятилетний юбилей К. Коровина. К этому времени он 13 лет жил в эмиграции. Со стороны всё выглядело благополучно, однако реальная жизнь художника была трудной. Приведем свидетельство Ирины Шаляпиной, которая навестила Коровина в том же году: «То, что представилось моим глазам, – вспоминала она, – потрясло. Я не могла представить, что так может жить один из лучших наших художников. Сырая комната, в углу кровать, задернутая пологом, несколько стульев» [Молева 1963: 488].

Исследователь литературного творчества К. Коровина Светлана Ермолаева в статье «Коровин в зарубежье» также упоминает о том, что «хороший знакомый Алексеевой (она жила в том же доме на бульваре Мюрат, что и Коровины) доктор Чекунов лечил всю семью Коровиных чаще всего даром, ибо денег в семье не было. Художник все же пытался скрыть от окружающих свое бедственное положение. Недаром парижские знакомые рассказывали, что проникнуть в квартиру к Коровиным было почти невозможно» [Коровин 2016: 4]. После активной жизни в дореволюционной России, где его вечно окружали друзья, в Париже Коровин чувствовал себя совсем одиноким.

В воспоминаниях Коровина, запечатленных в его мемуарах и рассказах, большое место занимают картины русской природы, особенно – деревенской глуши. Ведь в молодости Коровин подолгу жил у себя в деревенской мастерской в Охотино. У него часто гостили приятели: Серов, Шаляпин, Левитан, бывал Горький. С ними Коровин коротал время, ходил на рыбалку и на охоту, придумывал забавные розыгрыши. Эти картины счастливого прошлого оживали под пером немолодого художника.

В цикле «На охоте» есть рассказ «Мороз», где пейзаж играет ключевую роль в сюжете. Мы обратимся к анализу этого рассказа и попытаемся определить, как отразились в словесных образах черты живописного импрессионизма. Рассказ состоит из четырех частей. По жанру это произведение можно отнести к лирической прозе. Использована форма повествования от первого лица, что придает всему тексту особую задушевность. Фабула рассказа ослаблена, основу сюжета составляет движение чувства, смена настроения, что соответствует импрессионистической установке на передачу сиюминутного, изменчивого впечатления и состояния.

Невозможно представить себе русскую зиму без снега и мороза. На чужбине, в Париже, зимы совсем другие: промозглые, сырые. Наверное, потому К. Коровин с такой любовью вспоминает русский мороз и снег. В первых двух частях рассказа действие происходит в деревенской мастерской Коровина. Здесь ключевыми выступают повторяющиеся слова «мороз» и «дым». Вместе они создают особую атмосферу всего рассказа, напоминающую световоздушную среду, характерную для живописи импрессионистов.

«К утру в деревенской моей мастерской – холодно. Окна сплошь в узорах мороза. В них ничего и не видно. Я лежу, смотрю на стекла. Какой художник – мороз! Горы, леса. Вставать как-то не хочется. Слышу запах дыма» [Коровин 1990: 473].

А вот начало второй части:

«Утро. Сквозь морозные окна, во мгле, блещут желтые лучи солнца. Как-то хорошо в комнате. Самовар, трещат дрова в камине, чай со сливками» [там же: 474].

Цветовых деталей почти нет, однако у читателя создается ощущение, что все вокруг тонет в светлой морозной дымке: блеск желтых лучей сквозь изморозь на окне. Конкретика отсутствует, есть только ощущения: «холодно», «ничего не видно», «слышу запах дыма».

А. П. Гусарова пишет об особенностях мировосприятия и живописи Коровина: «Мастера переполняет восторг перед красотой зримого, пишет ли он портрет, пейзаж, натюрморт или инте-

рьер. Гармонизатором жизненных впечатлений служит свет: сияющий свет солнца, отбрасывающий от предметов цветные рефлексы. <...> Специфически коровинским является виртуозный эффект соединения естественного и искусственного освещения. Этот прием, найденный художником еще в ранние годы, используется все чаще, приобретая особую взволнованность и напряженность» [Гусарова 2019: 22]. Именно эта особенность творчества Коровина отражается не только в его живописном творчестве, но и в некоторых рассказах.

В рассказе «Мороз» все происходящее видится повествователю через своеобразную «морозную оптику» замерзших стекол в окнах, дым. С точки зрения законов физики расцветные солнечные лучи не могут проникнуть в комнату сквозь стекло, покрытое инеем. Однако автобиографический герой видит, как солнце пробивается сквозь предутренние сумерки, и его желтые лучи подсвечивают контуры предметов, находящихся в темной комнате. Его «блеск» – это отблески на предметах. Металлический самовар, тронутый лучом утреннего солнца и отблесками из печки, отражает огненные и солнечные блики. Огонь в печке словно поддерживает солнечные лучи, пробивающиеся извне. Свет с улицы сливается со светом и теплом в мастерской, создавая цельность композиции. Так все вокруг становится, с одной стороны, ирреальным, не подчиняющимся очевидным законам физики, неземным, а с другой – гармоничным и целостным: «Как-то хорошо в комнате». На память приходят строки из хорошо известного стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро»:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки...
[Пушкин 1977: 125]

Кроме того, окно делит пространство на внешнее и внутреннее. Автобиографический герой находится внутри комнаты. Фрагмент выдержан в зоне сознания повествователя, читатель проникается именно его ощущениями («не хотелось вставать»). Все погружено в утреннюю негу, как в пуховую перину сугроба.

Особо следует отметить цветовое решение фрагмента. Константин Коровин использует здесь несколько приглушенных цветовых оттенков: «желтые лучи солнца», «чай со сливками», «восковые» и «розовые» лица друзей. Цвета разбеленные, преобладают светлые и радостные оттенки.

В рассказе Коровин воскрешает облик своих друзей, с которыми были прожиты лучшие дни

на родине. Нет ни одного конкретного портретного описания, однако при помощи сравнения их образы приобретают похожие общие «неземные» черты: «Лица у моих приятелей свежие, розовые, как херувимы восковые» [Коровин 1990: 473]. Конечно, в какой-то мере это и авторская ирония, но светлая, очень добрая.

Диалоги составляют большую часть рассказа. В них образы друзей и ушедшей молодости становятся более яркими, объемными, ведь речь – важная часть образа персонажа. Здесь и особые словечки «киндарь-бальзам», и диалектизмы «заиндели», «не смерзнуть», «сказывали». Видимо, в эмиграции, в изоляции от родного языка, эти просторечия вспоминаются с особой теплотой.

В третьей и четвертой частях рассказа происходит смена места действия. Несмотря на сильный мороз, приятели отправляются в лес на охоту. Теперь их окружает пространство не бытовое, а скорее, сказочное. В русском фольклоре лес чаще всего «играет роль задерживающей преграды». Лес, в который попадает герой, непроницаем. Как указывает В. Я. Пропп, лес «это своего рода сеть. <...> Он скрывал мистерию. <...> Сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе, как о месте, где производился обряд (инициации), с другой стороны – как о входе в царство мертвых. Оба представления тесно связаны друг с другом» [Пропп 1986: 364].

Пространство в рассказе резко расширяется, открывается, разворачивается. Герои попадают в покрытое инеем царство мороза, словно в сказку. Меняется и цветовое решение: цвета становятся контрастными, яркими: «Узоры ветвей чётко белели кружевом, выделяясь на синем небе» [Коровин 1990: 474]. И уже в следующем предложении это же сочетание повторяется рефреном: «Синие тени ложились от нас по белым снегам» [там же: 474].

В начале рассказа преобладали теплые желтоватые и золотые оттенки, там было утро, здесь же – зимний день, а желтый и синий – цвета, дополняющие друг друга до белого. Однако фактически этот единый белый свет (луч солнца) по-разному преломляется в снежном покрове.

Черные теревера контрастируют с белым инеем. Воздух прозрачный, так бывает только в сильный мороз. Снова хочется вернуться к хрестоматийным строкам пушкинского стихотворения: «Мороз и солнце. День чудесный...». В этой части рассказа мороз словно оживает, это волшебник: «Мороз-то тоже заводит, ему тоже заморозить кого охота. Ух, зол мороз <...> Мороз зазывает к себе» [там же: 475], – говорит один из охотников. На память приходят строки из стихотворения «Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасова:

Не ветер бушует над бором,
Несгор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои...
[Некрасов 1982: 103]

Как видим, данный рассказ наполнен аллюзиями к контексту русской литературы и фольклора. Здесь образы родной природы воспринимаются сквозь призму произведений, написанных Пушкиным, Некрасовым. Связь с ними Коровин держит, они живут в его памяти...

Воспоминания, лежащие в основе рассказа, сохраняя свежесть цветового решения в картинах окружающего мира, всё-таки опосредованы и культурным, и жизненным опытом (в отличие от сиюминутности импрессионистического взгляда на мир).

В мемуарах часто бывает так, что субъект речи словно двоятся: это и юный художник Коровин, и немолодой рассказчик-эмигрант. Е. И. Иванова указывает, что в мемуарах герой и повествователь «люди одной биографии, но не равного жизненного опыта. Мы отличим умудренного жизнью, много знающего повествователя и <...> во многом наивного героя <...>. Различать эти субъектные формы авторского сознания помогают и разные временные пласты. Чаще всего с героем связано прошлое, с повествователем – настоящее» [Иванова 1972: 114]. У вспоминающего и у того, о ком вспоминается, свой «голос», свое настроение, свои сюжетные эпизоды.

Взгляд пожилого автора-мемуариста Коровина проникнут элегическими, светлыми и грустными нотами, окрашивающими воспоминания о безвозвратно потерянной Родине. Читатель буквально слышит их: «...и стало грустно среди ледяного покрова снежного царства» [Коровин 1990: 474]. Вокруг него «мертвая тишина».

Тот Константин Коровин, который идет зимой в лес на охоту с друзьями, герой рассказа, словно бы совершенно другой человек. Он дома, вокруг все родное: друзья, родной лес, родной дом. Возвращаясь в прошлое, автор использует глаголы в настоящем времени, фиксирующие сиюминутное восприятие и переживание: «говорит тётенька», «приятели лежат», «приятели встают, одеваются». Прошедшее воскресает в памяти. Всё происходит словно бы сейчас, а не несколько десятилетий назад в другой стране.

В рассказе Коровин старается ухватить неуловимые изменения в природе: «Голубело вокруг <...> Розовела даль. <...> Холодели леса в сумерках зимнего вечера». Прослеживаются цветные метаморфозы в природе, происходящие в течение дня: небо было золотое (утром) – синее (днем) – розовое (вечером). Несомненно, цвет в

данном случае соответствует настроению, эмоциональному тону повествования и помогает поддерживать сюжетную линию.

Художник-новатор Василий Кандинский создал свою концепцию цвета. Об этом художник пишет в книгах «О духовном в искусстве» и «Точка и линия на плоскости». В своих работах В. В. Кандинский писал о двух факторах, определяющих психологическое воздействие цвета: «тепло–холод» и «светлота–темнота». В результате рождаются четыре возможных «звука» красок. Желтый – синий рождает своеобразное «горизонтальное движение»: желтый «движется» навстречу зрителю, а синий – от него. Говоря о красном, Кандинский характеризует его следующим образом: «Красный цвет, как мы его себе представляем, – безграничный характерно теплый цвет; внутренне он действует, как очень живая, подвижная беспокойная краска, которая, однако, не имеет легкомысленного характера разбрасывающегося на все стороны желтого цвета, и, несмотря на всю энергию и интенсивность, производит определенное впечатление почти целеустремленной необъятной мощи. В этом кипении и горении – главным образом, внутри себя и очень мало во вне – наличествует так называемая мужская зрелость» [Кандинский 2018: 85]. А розовый, используемый в рассказе Коровиным, это красный, разбавленный белым.

Белый для Кандинского – символ мира, где исчезли все краски, все материальные свойства и субстанции. Этот мир стоит так высоко над человеком, что ни один звук не доходит оттуда: «...белый цвет действует на нашу психику, как великое безмолвие, которое для нас абсолютно. Внутренне оно звучит, как незвучание, что довольно точно соответствует некоторым паузам в музыке, паузам, которые лишь временно прерывают развитие музыкальной фразы или содержания, и не являются окончательным заключением развития. Это безмолвие не мертво, оно полно возможностей. Белый цвет звучит, как молчание, которое может быть внезапно понято. Белое – это Ничто, которое юно, или, еще точнее – это Ничто доначальное, до рождения сущее» [там же: 83].

Исходя из этого, можно рассмотреть цветовые метаморфозы, описанные Коровиным в рассказе «Мороз». Получается так: горизонтальное движение лирического повествования от приближающего желтого (золотого) к уходящему синему. Эта горизонталь приходит к разбеленному красному = розовому: жизнь, которая была счастливой, полной радости, творчества на родине, теперь в эмиграции стала словно затихать, холодеть. Но все же в финале преобладает розовый цвет, а не чернильно-синий или фиолетовый: прошлое живет в душе художника светлыми

воспоминаниями о родной природе, о людях, об ушедшей молодости.

Вместе с цветом меняется и настроение – от светлого, безмятежного к элегически-грустному (точка перелома лирического сюжета – эпизод, когда герой пожалел зайца и не выстрелил в него: «Я как-то сразу вспомнил моего ручного зайца, и стало грустно среди ледяного покрова снежного царства» [Коровин 1990: 475]), но всё же цветовое решение остается светлым.

Ведущая роль цветовых деталей сближает рассказ с лирической прозой. Важно отметить импрессионистичность рассказа: черты этого стиля свойственны не только Коровину-художнику, но и Коровину-писателю.

Итак, за событийным сюжетом (перипетии охоты, потеря дороги в лесу) звучит в рассказе сюжет эмоциональный, воплощающий переживания автора, утратившего по-прежнему любимую родину.

Зимний пейзаж привлекал Коровина-художника. В его творчестве есть различные вариации на эту тему: он писал картины полярной зимы и зимы средней полосы России. В творчестве художника они различны: мотивы родной природы более душевные, лиричные. Чтобы проследить развитие «зимней» темы в пейзажах К. Коровина, сопоставим ранние пейзажи «Зима в Лапландии» (1894), «Зимой» (1894) с более поздними работами, написанными в годы эмиграции: «Зимний пейзаж» (1930-е) и «Зима» (1920-е).

Картина «Зимой» (1894) написана Коровиным почти сразу по возвращении из северной экспедиции. Даже в самой композиции этой картины ощущается особая теплота, «домашний» уют: на переднем плане изображена лошадка, запряженная в сани, крестьянская изба. Колористическое решение картины анализирует искусствовед М. Ф. Киселёв: «Серебристо-серая гамма здесь значительно светлее, чем в северных работах. Она лишена свинцовых тонов, сумрачных по своему звучанию, и передает воздух теплый и влажный, а не пронизывающе холодный. Оттенки общей гаммы ложатся на предметы: на розовые тряпки на заборе, желтые сани и малиновый хомут лошади. Цвета этих предметов в свою очередь разнообразят колорит. Присматриваясь к нему, обнаруживаешь слегка охристые теплые тона, которые художник очень деликатно подмешивает к серебристым оттенкам. Именно они в сочетании с пастозным рельефным мазком, передающим липкость снега, и создают специфику атмосферы этого произведения, столько отличной от атмосферы “Зимы в Лапландии”» [Киселёв 1971: 12]. Зима в этом пейзаже родная, понятная, близкая, это достигается в том числе благодаря выбору цветового решения и особому

мазку. Пейзаж довольно тонко прорисован, есть обилие деталей, цветовых акцентов. Ясно, что картина написана с натуры: художнику удалось довольно близко подойти к лошадке и саням. Картину хочется разглядывать детально.

В зимних пейзажах, написанных Коровиным в годы эмиграции, прослеживается стремление художника сделать образы более яркими, активными, емкими. Не будем забывать о том, что эти пейзажи он вынужден писать по памяти, а не непосредственно на пленэре. И это привносит определенные особенности в работу. Искусствовед Дора Коган отмечает, что Коровин стремится «сохранить верность этюдизму и непосредственность взаимоотношений с натурой в самом процессе создания произведения, в то же время – расширить образ, усилить его эмоциональность, может быть, в какой-то мере углубить его» [Коган 1964: 212]. Коровин словно старается усилить цветность, чтобы попытаться сохранить образы в памяти подольше, ведь они постоянно отдаляются, забываются, пропадают.

Пейзажи, написанные в эмиграции: «Зимний пейзаж» (1930-е) и «Зима» (1920-е), – перекликаются с рассказом «Мороз». Обратим внимание на цветовое решение этих работ. И в «Зимнем пейзаже», и в «Зиме» Коровин активно использует не только оттенки серого, но и желтый, фиолетовый, розовый, синий. В «Зимнем пейзаже» присутствуют оттенки желтого, в целом картина «дышит теплом», несмотря на то что изображена зима. А в «Зиме» доминирует холодный, минорный синий, разбеленный голубой. Здесь уже нет интимного восприятия пейзажа, характерного для ранних работ, он не рассчитан на пристальное разглядывание вблизи. Теперь перед зрителем широкая панорама. Художник любит зимней природой как бы издали. Цвета, используемые художником в картине «Зимний пейзаж», более контрастные. Они находятся на разных цветовых полюсах. В центре композиции ярко-красный платок крестьянки, продублированный менее ярким платком другой девушки. Это становится логическим центром композиции. Контрастные цвета в этой работе звучат ярко и сочно.

В эмоциональном плане поздние живописные работы перекликаются с сюжетом рассказа «Мороз». Ранние работы, связанные с зимней темой («Зима» 1911 г., «Зимой» 1914 г., «Зимой» 1894 г.), более реалистичны, детально проработаны. Они рисуют обжитой мир, близкий и понятный человеку. А картина, написанная в период эмиграции, описывает более общий план: домишки и лошадь с санями как бы «тонут» в снегу или просто затеряны в нем.

Художнический взгляд Коровина в словесных описаниях из рассказа «Мороз» можно увидеть в выборе цветовой гаммы (преимущественно использует радостные, светлые, разбеленные оттенки; избегает детализации описания в пользу создания световоздушной среды).

Присутствие в рассказе двух субъектов: Я-вспоминающий и Я-прежний, о котором вспоминается, – наполняет рассказ особой светлой грустью. Читатель переносится из своего времени вслед за Я-прежним в былое, к тем людям, которые были дороги, в ту страну, о которой вспоминается с теплотой и любовью. Читатель вместе с Коровиным-писателем вновь переживает те чувства и ощущения, которые можно пережить только на родине (близость родных, красота природы родного края, любовь ко всему окружающему). Вместе с тем и писатель, и читатель знают, что это давно ушедшее, так как мемуары Коровин пишет, находясь в эмиграции. Думается, что именно это сообщает грусть всему повествованию о былом. Перед зрителем и читателем теперь предстает не столько крестьянский предметный мир, сколько сила зимы, ее красота и тайна.

Подводя итог сказанному, отметим, что у Коровина импрессионизм возник не извне, а изнутри. Он стал первым русским импрессионистом, потому что это было очень органично его природе. Естественно, что черты импрессионизма существенны не только в его живописи, но и во всех творческих проявлениях. В частности, литературное наследие Коровина несет черты импрессионизма: фрагментарность, ослабленность сюжета, основное внимание направлено на создание впечатления у читателя и зрителя.

Список литературы

- Байцак М. С.* Поэтика описания в прозе И. А. Бунина: живопись посредством слова: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 175 с.
- Захарова В. Т.* Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: монография / отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород: НГПУ, 2012. 271 с.
- Иванова Е. И.* Повествователь и автобиографический герой в «Траве забвенья» В. Катаева // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1972. Т. 125. С. 142–159
- Кандинский В. В.* Точка и линия на плоскости. О духовном в искусстве. М.: Изд-во АСТ, 2018. 85 с.
- Коган Д. З.* Константин Коровин. М.: Искусство, 1964. 212 с.
- Козубовская Г. П.* Русская литература и поэтика зримого: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 448 с.

Киселёв М. Ф. Константин Алексеевич Коровин. Станковое творчество: вступ. ст. М.: Искусство, 1971. 12 с.

Константин Коровин вспоминает... / сост. И. С. Зильберштейн и В. И. Самков. М.: Изобраз. искусство, 1990. 473 с.

Гусарова А. П. «Мое пение за жизнь, за радость...». Живопись Константина Коровина // Константин Коровин. Живопись. Театр: к 150-летию со дня рождения / Гос. Третьяковская галерея. М., 2019. С. 22–26.

Молева Н. М. Константин Коровин. Жизнь и творчество: Письма. Документы. Воспоминания / сост. кн. и авт. монограф. очерка Н. М. Молева; [предисл. Нар. художника СССРБ. В. Иогансона]. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963. 488 с.

Коровин К. А. «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма: в 2 кн. / К. А. Коровин; сост., вступ. ст. Т. С. Ермолаевой; прим. Т. С. Ермолаевой и Т. В. Есиной. М.: Русский путь, 2016. С. 6–27.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1982. 103 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 3. Стихотворения. 1827–1836. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1977. 125 с.

Энциклопедия импрессионизма / под ред. М. и А. Сюрелля; пер. с фр. Н. Матяш. М.: Рес-публика, 2005. 13 с.

References

Bajczak M. S. *Poetika opisaniya v proze I.A. Bunina: zhivopis' posredstvom slova*. Diss. kand. filol. nauk [The Poetics of Description in I. A. Bunin's Prose: Painting Through the Word. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk, 2009. 175 p. (In Russ.)

Zakharova V. T. *Impressionizm v russkoy proze Serebryanogo veka: monografiya* [Impressionism In Russian Prose of the Silver Age: monograph]. Ed. by V. T. Zakharova. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Press, 2012. 271 p. (In Russ.)

Ivanova E. I. *Povestvovatel' i avtobiograficheskiy geroy v 'Trave zabven'ya' V. Kataeva* [The narrator and the autobiographical hero in 'The Grass of Oblivion' by V. Kataev]. *Izvestiya voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 1972, vol. 125, pp. 142–159. (In Russ.)

Kandinskiy V. V. *Tochka i liniya na ploskosti. O dukhovnom v iskusstve* [A Point and a Line on a Plane. About the Spiritual in Art]. Moscow, AST Publ., 2018. 85 p. (In Russ.)

Kogan D. Z. *Konstantin Korovin*. Moscow, Iskustvo Publ., 1964. 212 p. (In Russ.)

Kozubovskaya G. P. *Russkaya literatura y poetika zrimogo: monografiya* [Russian Literature and the Poetics of the Visible: monograph]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Press, 2021. 448 p. (In Russ.)

Kisilev M. F. *Konstantin Alekseevich Korovin. Stankovoe tvorchestvo: Vstupitel'naya statya* [Konstantin Alekseevich Korovin. Easel Painting: Introductory article]. Moscow, Iskustvo Publ., 1971. 12 p. (In Russ.)

Konstantin Korovin vspominaet... [Konstantin Korovin recalls...]. Comp. by I. S. Zil'bershteyn and V. I. Samkov. Moscow, Izobrazitel'noe iskustvo Publ., 1990. 473 p. (In Russ.)

Gusarova A. P. 'Moe penie za zhizn' za radost'. Zhivopis' Konstantina Korovina [My singing for life, for joy. Painting by Konstantin Korovin]. *Konstantin Korovin. Zhivopis'. Teatr. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya* [Konstantin Korovin. Painting. Theater. On the occasion of the 150th anniversary of the birth]. Moscow, 2019, pp. 22–26. (In Russ.)

Moлева N. M. *Konstantin Korovin. Zhizn' i tvorchestvo: Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya* [Konstantin Korovin. Life and Art Work. Letters. Documents. Memoirs]. Moscow, USSR Academy of Arts Publ., 1963. 488 p. (In Russ.)

Korovin K. A. 'To bylo davno... tam... v Rossii...': *Vospominaniya, rasskazy, pis'ma* ['That Was a Long Time Ago... There... in Russia...': Memoirs, Stories, Letters: in 2 books]. Moscow, 'Russkiy put' Publ., 2016, pp. 6–27. (In Russ.)

Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 15 vols.]. Leningrad, Nauka Publ. (Leningrad branch), 1982, vol. 4. Poemy 1855–1877 [Poems of 1855–1877]. 103 p. (In Russ.)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1986. 364 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie* [A Complete Collection of Works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ. (Leningrad branch), 1977, vol. 3. Stikhotvoreniya 1827–1836 [Poems of 1827–1836]. 125 p. (In Russ.)

Entsiklopediya impressionizma [Encyclopedia of Impressionism] Ed. by M. and A. Syurell, transl. form French by N. Matyash. Moscow, Respublika Publ., 2005. 13 p. (In Russ.)

Konstantin Korovin, an Emigrant: The Native Land in the Artist's Memoirs

Elena A. Suntsova

Postgraduate Student in the Department of Literature and Methods of Teaching Literature
Ural State Pedagogical University

26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620091, Russian Federation. suntsovaea@ya.ru

SPIN-code: 3072-1927

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2505-2053>

Submitted 18 Jul 2022

Revised 17 Oct 2022

Accepted 05 Dec 2022

For citation

Suntsova E. A. K. Korovin – emigrant: rodnoy kray v vospominaniyakh khudozhnika [Konstantin Korovin, an Emigrant: The Native Land in the Artist's Memoirs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 139–146. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-139-146 (In Russ.)

Abstract. Konstantin Korovin is a famous Russian artist, one of the first Russian impressionists, as well as a theater decorator. The artist was highly sensitive to the beauties of the nature of his native land, and his oeuvre consists mostly of landscapes. In 1922, being at his senior age, Korovin was forced to move to one of the centers of Russian emigration – Paris. Life away from his motherland becomes one of the reasons for the painter's artistic crisis. It was during these difficult years that Korovin began to engage in literary work. Korovin writes memoirs, significant part of which is memories of the abandoned but much beloved motherland.

The article provides a comparative study of pictorial and verbal figurativeness in Korovin's works. The cycle *On the Hunt* includes a short story *Frost*, where the landscape plays a key role in the plot. An analysis of the poetics of figurativeness in this story reveals the features of pictorial impressionism in the verbal images. The article analyzes the techniques that the memoirist employs to create the image of his motherland. The key words-leitmotifs, color palette, lighting effects, and other means of creating a lyrical landscape are also analyzed. There are found to be some parallels between Korovin's literary descriptions of landscapes and his landscape paintings of winter forest. The paper draws a conclusion about the similarity of impressionistic techniques in paintings and the story by Korovin; the features specific to literary (verbal) figurativeness are noted, for example, folklore traditions and allusions to Russian poetic classics, the change in the narrator's points of view, changes in emotional tonality, which forms the basis of the lyrical plot in the story *Frost*.

The methodological framework of the study is based on comparative-typological and system-semantic principles of analysis, with elements of genre and style analysis.

Key words: memoirs; Russian art; artist's prose; poetics of figurativeness; landscape; literature of the Russian émigré community.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика; с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

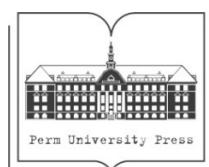
Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 15. Выпуск 1 / 2023

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 22.03.2023. Дата выхода в свет 31.03.2023
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,21. Тираж 500 экз. Заказ 39

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36
Полиграфический отдел. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650356/?sphrase_id=396135

Распространяется бесплатно и по подписке